

**SLAVICA LII**



ANNALES INSTITUTI SLAVICI  
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS

# Slavica

LII



DEBRECEN UNIVERSITY PRESS  
2023

### **Editorial board**

Klára Agyagási (Editor-in-chief, Professor emerita, University of Debrecen)  
Oleh Belej (Professor, University of Wrocław)  
Natalia Ivanova (Professor, Moskva Lomonosov State University)  
Zhivka Koleva-Zlateva (Professor, St. Cyril and St. Methodius University  
of Veliko Tarnovo)  
Mark Lipovetsky (Professor Columbia University New York City, USA)  
Angelika Molnár (Associate Professor, University of Debrecen)  
Antonina Nikonova (Associate Professor, Saint Petersburg State University)  
Ildikó Regéczi (Associate Professor, University of Debrecen)  
Lajos Pálfalvi (Associate Professor, University of Debrecen)  
András Zoltán (Professor, ELTE University of Budapest)

### **О журнале**

Журнал *Slavica* (*Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis*) был основан в 1961 году и издается ежегодно в августе в объеме одного тома Институтом славистики Дебреценского университета. В нем, соответственно традициям, публикуются оригинальные исследования по славянскому и сравнительному языкознанию, литературоведению и культурологии, а также сообщения, обзоры и рецензии в перечисленных областях.

Рукописи принимаются на русском, английском и немецком языках. Каждая статья подвергается рецензированию по peer-review системе.

### **About the journal**

*Slavica* (*Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis*) was established in 1961 and is published annually in August by the Department of Slavonic Studies of the University of Debrecen. Traditionally it covers research in Slavonic and comparative linguistics, literature and civilization, as well as reviews in the above mentioned areas.

Contributions are accepted in Russian, English and German. Submitted manuscripts are subject to peer-review evaluation.

**Online access:** <https://ojs.lib.unideb.hu/slavica>

**Postal address / Почтовый адрес:** Szlavisztikai Intézet, Debreceni Egyetem,  
H-4032 Debrecen, Egyetem tér 1.

**E-mail / Электронная почта:** [szlavisztika.intezet@arts.unideb.hu](mailto:szlavisztika.intezet@arts.unideb.hu)

ISSN 0583-5356 (print), ISSN 2732-0146 (online); DOI: 10.31034 

Дебреценский университет

Издатель: Zoltán SZILVÁSSY, ректор университета

Оригинал-макет подготовлен Институтом славистики

Дебреценского университета

Отпечатано в отделе репрографии Дебреценского университета

Технический редактор: Корнел Ковач

Русскоязычный редактор: Нина Николаева

# Содержание

<b>ЯЗЫКОЗНАНИЕ / LINGUISTIC STUDIES / SPRACHWISSENSCHAFT .....</b>	<b>7</b>
Rita BÁLINT: Grammatical Rules and Analogy in Natural Morphology.....	8
Володимир ШИЛОВ: Исторические данные и современный языковой ландшафт города Берегово (Закарпатская область, Украина).....	14
<b>ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / LITERARY STUDIES / LITERATURWISSENSCHAFT ...</b>	<b>25</b>
Геза Ш. ХОРВАТ: Сингуляризация романного дискурса в романе Ф.М. Достоевского «Идиот».....	26
Александр КУБАСОВ: Historia morbi героя рассказа А. П. Чехова «Черный монах»: Текстуальные и интертекстуальные формы ее представления.....	34
Ольга ФЕДУНИНА: От классического романа к криминальному: Смена жанровой парадигмы в процессе творческой рецепции .....	41
<b>КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTUROLOGY / KULTURWISSENSCHAFT.....</b>	<b>51</b>
Марияна НЯГОЛОВА: Психология литературного творчества в трудах Михаила Арнаудова (Основные этапы исследования) .....	52
Наталья КОРИНА: Образы славянских народов в дневниках Альберта Шкарвана 1896–1926 гг.....	61
<b>НАУЧНЫЕ КРИТИКИ / SCIENTIFIC CRITICISM / WISSENSCHAFTSKRITIK .....</b>	<b>79</b>
Ильдико РЕГЕЦИ: Взаимосвязи в области литературы и философии: Соприкосновения поэтики русских и венгерских авторов .....	80
Лайош ПАЛФАЛЬВИ: Писатели-эмигранты империи.....	86
Orsolya NÉMETH: Nowe dwudziestolecie (1989–2009). Rozpoznania, hierarchie, perspektywy (edited by Hanna Gosk) .....	91
Josef DOHNAL: По поводу тайны интерпретации .....	98
Elżbieta TYSZKOWSKA-KASPRZAK: Герой современной русской прозы .....	102
Zsófia VARGA: Вопросы перевода с русского на венгерский и с венгерского на русский .....	108
<b>ФОРМАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ / FORMAL REQUIREMENTS .....</b>	<b>114</b>



**ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

**LINGUISTIC STUDIES**

**SPRACHWISSENSCHAFT**

Rita BÁLINT

**GRAMMATICAL RULES AND ANALOGY IN NATURAL MORPHOLOGY****Грамматические правила и аналогия в естественной морфологии****Аннотация**

Аналогия играет важную роль в решении проблем, а также в принятии решений, аргументации, восприятии, обобщении, памяти, творчестве, изобретательстве, прогнозировании, эмоциях, объяснении, осмыслении и общении. Аналогия важна не только в обыденном языке и здравом смысле (где пословицы и идиомы дают много примеров ее применения), но и в науке, философии, праве и гуманитарных науках. Тем не менее, в языкознании это понятие вызывает много неясностей. Основной целью моей работы является изучение принципов естественной морфологии исторического изменения болгарского глагола. Эта работа представляет собой «резюме» того, как грамматические правила и аналогии, а также их антитезы растворяются в теории естественной морфологии. Субъектом исследования являются исторические вариации болгарского аориста.

**Ключевые слова:** *естественная морфология, аналогия, болгарский язык, аорист, глагол, историческое языкознание*

From the very beginning of modern linguistics, the system of a language has been considered to be describable only by grammatical rules and all the exceptions to arise by analogy. This approach has led to the antithesis of the two: rules and analogy. The most important schools of linguistics tend to approach language more and more through 'strict' rules, analogy being used as an explanation only as a last resort. This is especially true of the Young Grammarians, whose representative, Leskien, stated this in connection with sound laws: if we accept any accidental differences that cannot be related in any way to one another, we thereby assert that the language which is the subject of our research is not available for scientific investigation [LESKIEN 1876: XXVIII]. Later, de Saussure claimed the randomness of linguistic changes, but in terms of grammatical forms he mentioned regular and analogical forms. He believed that the latter are the result of individual association. In theories of formal language inspired by Chomsky, analogy was rightly ignored [FEHÉR 2013: 68].

On the other hand, analogy completely determines our thinking, our everyday speech and our ordinary logic, as well as artistic expression and the highest scientific activity. Of course, it is applied on many different levels. People often use uncertain, ambiguous, incomplete, or not fully clarified analogies, but the analogy can reach a degree of mathematical precision. From a comparative-historical point of view, analogy is regarded as an individual and accidental, as well as an unsystematic phenomenon. In the introduction to his work on the Kawi language, Humboldt states that

language is not a finished work (*ergon*) but an activity (*energeia*). He says that the dynamism of languages comes from their social character, so that partial phenomena are also considered an intrinsic part of language and changes are an effect of community schemes. Therefore, purely rule-based theories do not (cannot) keep up with the inherent change and diversity of languages, and analogy, or in other words the antithesis of rules, should receive more attention.

A characteristic feature of the late 20<sup>th</sup> century in linguistics was the emergence of functional alternative trends in addition to the previously dominant models of the structural (or formal) theory of language [LADÁNYI 2005: 17]. These new trends focus on the importance of the two main functions of language (communicative and cognitive functions), as well as the functions related to the systematic correspondences of language, in relation to the formation, functioning and acquisition of structures. One of these recent trends is natural linguistic theory, and within that, Natural Morphology.<sup>1</sup>

In the theory of Natural Morphology, universal grammar does not operate by strict laws but by principles and limitations. Natural linguistic theory views universal grammar as a preference theory in which universal principles predict what structures are ideally preferred in any language, i.e., which structures are preferred by language users. In natural linguistic theory, the concept of naturalness is based on human perception and is linked to the idea of encoding/marking: more natural, or less marked/coded, is what is more easily understood by the human brain. According to this theory, there is a difference between featured and unfeatured, as well as between marked and unmarked [LADÁNYI 1999]. Something that is cognitively and semantically more complex should also be more coded/more marked in its symbolization; and vice versa: something that is cognitively and semantically less complex should be less coded/less marked. In this theory, naturalness is not a value but a relation: if X is natural, this means that, on a scale, X is more natural than Y, given the universal grammar or the grammar of a particular language, depending on whether the given principles of naturalness depend on the system of language or not. The theory of markedness comes from the interpretation of Roman Jakobson's work and is the most crucial promotion of natural morphology [DRESSLER et al. 1987: 27].

The original hierarchy of principles established by the proponents of the theory was modified by WHEELER [1993: 109]. His hierarchy is as follows (in descending order):

1. The Principle of System Congruity
2. The Principle of Class Stability
3. The Principle of Avoidance of Counter-Iconicity
4. The Principle of Uniformity and Transparency
5. The Principle of Markedness in Syncretism
6. The Principle of Constructional Iconicity
7. The Principle of Phonetic Iconicity.

---

<sup>1</sup> Although natural linguistic theory probably does not belong to the most popular linguistic theories, Livio Gaeta's article "Natural Morphology" in *The Oxford Handbook of Morphological Theory* in 2019 testifies to its relevance.



The principle of system congruity and the stability of inflectional classes are system dependent. Principles that depend on the system have priority over those that do not depend on it. If two or more of these principles conflict, the one higher in the hierarchy will prevail. The effect of these principles can be observed in the historical change of the Bulgarian verb.

During the development of the Bulgarian language, the Old Church Slavic verb categories passed through several important changes, e.g., the dual disappeared completely, the new *a*-conjugation appeared, and a new part of speech, the gerund, emerged [H. TÓTH et al. 2011: 100–101].

In general, the wealth of verb forms from Old Church Slavic has been preserved in Modern Bulgarian as well. The difference between perfective and imperfective aspects of the verb, and also between aorist and imperfect, are completely preserved [IVANOVA-MIRCHEVA – HARALAMPIEV 1999: 131].

The historical development of the aorist and imperfect are closely related. The merger of the endings of the two simple past tenses began already in the Old Church Slavic period. In the history of the Bulgarian language, the earliest examples of the merger of the endings for the second person plural and the second person dual are found. Already in the Old Church Slavic period, the endings for the aorist completely replaced the endings for the imperfect in the second person plural, in the third person dual, and in the second person dual. Thus, a number of Old Church Slavic written documents (both Glagolitic and Cyrillic) do not have the endings *-шете* and *-шета* [MIRCHEV 1963: 193].

Vowel contraction is an important process that began in the Old Church Slavic period and had an influence on the various forms of the imperfect. This process provided further support for the mixing of the endings of the two simple past tenses. The contraction of the vowels *-аа-* into *-а-* and of *-ѣа-* into *-ѣ-* led to the complete merger of the endings for aorist and imperfect in the first person singular and plural.

Thus, five out of nine forms of the verbs became completely identical. Kiril Mirchev believes that the process of this contraction motivated the forms of the imperfect to create their forms from the present stem in order to exclude the coincidence of these forms [MIRCHEV 1978: 194]. Mirchev's theory can be supported by the principle of class stability. According to this principle, the morphological system in its development strives for such types of conjugation that have a clear semantic and phonological motivation, as well as opportunities for an implicative scheme. Between the aorist forms and the imperfect forms, the semantic motivation is quite obvious: one serves to express a perfective past tense, the other a continuative past tense, and in principle, therefore, the differences between them have not disappeared. Examples of the formation of imperfect forms from the present stem can be found in Old Church Slavic written documents, and their number increases in Middle Bulgarian documents. In addition, the imperfect created a new temporal base of its own, which has a thematic vowel with *yat*-alternation, which also confirms the effect of the previously mentioned principle [see GENEVA 2018: 37–40].



In terms of class stability, a morphological system in its development strives for conjugations that have a clear semantic and phonological motivation. Vowel contraction resulted in a lack of clear phonological motivation between aorist and imperfect categories, whereas their semantic motivation was obvious. With the formation of imperfect forms from the present stem, the morphological system tends towards a clearer phonological motivation of the two past tenses. The merger of the ending *-ex* with the imperfect forms has the same purpose.

Final *yer* vowels were in weak position in the first person singular and were consequently dropped. Thus, these endings became identical at a very early stage. Initially, already in the Old Church Slavic period, the ending *-aueŕe* had disappeared completely, and the aorist ending *-cŕe* came to be found in its place. This can be attributed to the influence of the aorist. During the Middle Bulgarian period, the ending *-uŕ* could be found instead of *-uŕa* in the third person plural for aorist, but from the 12th century the imperfect and aorist endings became identical: *-ŕŕ*. H. Tóth claims that this aorist ending arose by analogy with the third person plural imperfect ending [H. TÓTH 2011: 135]. After the disappearance of the dual number in the monosyllabic endings for both past tenses *-ŕ* was more dominant, and the ending *-cŕe* changed to *-ŕŕe*. The new ending is more appropriate in the paradigm in accordance with the principle of System Congruity. Despite the drive for conjugations with a clear semantic and phonological motivation, that is, despite the drive for class stability, the aorist and imperfect endings gradually became more similar. In the hierarchy of principles of natural morphology, system congruity is at the highest level, class stability is below it, so the influence of system congruity has been established here. This is also evidenced by the changes in the endings for the imperfect and the aorist.

According to natural language theory, a morphological system will never reach an ideal status, because while a morphological change completes its action, new phonological changes appear, which again generate different morphological variations [BALÁZS 1999: 254]. So, e.g., after contraction, the imperfect endings began to be added to the present stem, but after a transformation of the verbal conjugation, the endings once again merged.

Regarding the history of the aorist and the imperfect, another important issue is the reason for mixing. Did the aorist have an impact on the imperfect? Or vice versa? Or did one change by analogy with the other? From the point of view of natural morphology, we can summarize the following.

The categories of aorist and imperfect gradually got closer to one another, and probably this was an indicator of the change in the first place. These categories disappeared from the Slavic languages, except for South Slavic and Sorbian.

In modern Bulgarian, four of the six forms of aorist and the imperfect merged, except for the second and third person singular morphemes. The stems of the two past tenses are the same for a great number of verbs. In addition to the uniformity of the forms, they have identical stems, the same paradigm of the verb *цѣм*, and the same temporal orientation. In the Sorbian languages, the imperfective endings are

added to the verbs of imperfective aspect, and the perfective endings are added to the verbs of perfective aspect. In Bulgarian, aorist as well as imperfect forms can be formed both from imperfective and perfective verbs, but the aorist forms of the imperfect aspect are less used. According to class stability, the current situation of aorist and imperfect cannot be maintained, so either the semantic difference will disappear, or the phonological similarities between the forms of the two past times. As the language changes, over time the aorist and the imperfect get closer and closer to each other, but, in all likelihood, the principle of congruity will not let them merge completely in the Bulgarian language.

In the theory of Natural Morphology, all linguistic phenomena, whether a grammatical rule or analogy, regular or irregular, are considered as such: natural linguistic phenomena, which have their connections and effects on all the other morphological phenomena within given system. In Natural Morphology – thanks to the principles and limitations – the description of a language is possible without strict rules and can keep up with the inherent change of languages.

### Bibliography

- BALÁZS L. G. 1999: A szláv főnévragozás történeti vizsgálatának metodológiai vonatkozásai [Methodological aspects of the historical study of the Slavic noun phrasing] JATEPress: Szeged.
- DRESSLER, W. U. – MAYERHALER, W. – PANAGL, O. – WURZEL, W.U. 1987: Leitmotifs in Natural Morphology. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- FEHÉR K. 2013: Analógia és hálózatmodell // Analógia és modern nyelveírás [Analogy and network model // Analogy and modern grammar] Eds. E. Kádár, N. S. Szilágyi // Kolozsvár: Erdélyi Múzeumi Egyesület 66–87  
<http://real.mtak.hu/17179/7/063.%20Anal%C3%B3gia.pdf> (Date of Access: 27.03.2023).
- FÓRIS Á. 2013: Az analógia szerepe a modern nyelvészeti kutatásokban // Analógia és modern nyelveírás [The role of analogy in modern linguistic research // Analogy and modern language description] Eds. E. Kádár, N. S. Szilágyi // Kolozsvár: Erdélyi Múzeumi Egyesület 99–113 <http://real.mtak.hu/17179/7/063.%20Anal%C3%B3gia.pdf> (Date of Access: 27.03.2023).
- H. TÓTH I. – BALÁZS L. G. – MAJOROS H. 2011: Bolgár történeti nyelvtan [Bulgarian historical grammar]. Szeged: JATEPress.
- H. TÓTH I. 2011: Rövid összehasonlító szláv nyelvtan I. rész [Short Comparative Slavic Grammar Part I]. Szeged: JATEPress.
- LESKIEN, A. 1876: Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen XXVII // Deutsches Textarchiv [The Slavic-Lithuanian and Germanic Noun Declension XXVII // German Text Archive] [https://www.deutschestextarchiv.de/leskien\\_declination\\_1876/33](https://www.deutschestextarchiv.de/leskien_declination_1876/33) (Date of Access: 28.03.2023).
- LADÁNYI M. 2005: A grammatikalizáció kutatása és a modern nyelvelméletek [Research on grammaticalisation and modern language theories] // Eds. B. Oszkó, M. Sipos // Budapesti Uráli Műhely 4. Uráli Grammatizáló, Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézete [Budapest Uralic Workshop 4. Uralic Grammar, Budapest: Institute of Linguistics of the Hungarian Academy of Sciences] 7–32. <http://ladanyi.web.elte.hu/grammvegleges.pdf> (Date of Access: 28.03.2023).



- LADÁNYI M. 1999: Produktivitás a szóképzésben: a természetes morfológia elveinek alkalmazhatósága a magyarra [Productivity in word formation: the applicability of the principles of natural morphology to Hungarian] // Magyar Nyelv 95 (2), 166-179 <http://www.c3.hu/~magyarnyelv/99-2/ladanyi.htm> (Date of access: 28.03.2023).
- WHEELER, M. W. 1993: On the Hierarchy of Naturalness Principles in Inflectional Morphology // Journal of Linguistics Vol. 29, No. 1. 95–111.
- ГЕНЕВА, Г. [GENEVA, G.] 2018: История на граматическите основи. София: ПАНЕВ Пъблишинг [Istoriya na gramaticheskite osnovi. Sofiya: PANEV Publishing].
- ИВАНОВА-МИРЧЕВА, Д. –ХАРАЛАМПИЕВ, И. [IVANOVA-MIRCEVA, D. –HARALAMPIEV, I.] 1999: История на българския език. Велико Търново: Фабер [Istoriya na balgarskiya ezik. Veliko Tŕrnovo: Faber].
- МИРЧЕВ, К. [MIRCHEV, K.] 1978: Историческа граматика на българския език. София: Наука и изкуство [Istoricheska gramatika na bălgarskiya ezik. Sofiya: Nauka i izkustvo].

Rita BÁLINT  
Doctoral School In Linguistics  
University of Szeged  
Szeged, Hungary  
csizrita@gmail.com  
ORCID 0009-0004-2840-3247



Володимир ШИЛОВ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА  
БЕРЕГОВО (ЗАКАРПАТСКАЯ ОБЛАСТЬ, УКРАИНА)**

**Historical Data and Modern Linguistic Landscape of the City of Berehove  
(Transcarpathian Region, Ukraine)**

**Abstract**

The first mention of Berehove dates back to 1063 when the Hungarian prince Lampert (the youngest son of the Hungarian king Béla I) built his palace here. Until the beginning of the 16<sup>th</sup> century, the village (since 1247 the town) bore the name of its founder (first “Lampertháza” and then “Lampertszász”). In 1504 (according to other sources, in 1499), the name “Beregszász” appeared for the first time. The modern Ukrainian name for the city is “Berehove” (in Russian “Beregovo”), but the old Hungarian version “Beregszász” is also sometimes used. Now it is a city of regional importance with a population of about 26 thousand people (according to the latest official data from 2001), located in the Transcarpathian region of Ukraine, a few kilometers from the Hungarian border.

**Keywords:** *linguistic landscape, historical linguistics, Slavic studies, Berehove, Beregszász*

Как известно, на Закарпатье сосуществуют несколько языков. Связано это с территориальным положением региона, а также с тем, что в одном только XX веке здесь несколько раз менялся доминирующий язык: до 1918 года венгерский, с 1919 по 1939 – «чехословацкий» (также с 1938 по 1939 – украинский), с 1939 по 1944 – опять венгерский, с 1945 по 1991 – русский и, наконец, украинский с 1991 года [CSERNICKÓ 2013: 356]. Кроме того, в некоторых частях Закарпатской области проживает значительное количество этнических меньшинств. Это прежде всего венгры, румыны, словаки, русские, цыгане, евреи, немцы и др.

Для более чем 150 тысяч закарпатских венгров именно Берегово является центром культурной жизни [ГРЕШ-ЛАСЛОВ 2015: 17]. По данным Всеукраинской переписи населения 2001 года, доля венгров в городе (48,1%) больше, чем украинцев (38,9%), цыган (6,4%) и русских (5,4%) [ЧСНЗО]. В работе Глеба Пилипенко, где анализируется использование украинского и русского языков закарпатскими венграми в повседневной коммуникации, для Берегово была отведена отдельная группа по нескольким причинам [ПИЛИПЕНКО 2014: 251]:

1) Данные информантов из города значительно расходятся с показателями группы, где доля венгров составляет от трети до 50% (куда формально попадает Берегово), и приближаются к данным другой группы, где количество венгров превышает 50%;

2) Берегово является центром самого «венгерского» административного района Закарпатской области;



3) Берегово – город с наибольшим количеством венгров в Украине как в общих цифрах, так и в процентном соотношении.

В связи с вышеперечисленными причинами, есть основания проанализировать языковой ландшафт города Берегово. Впервые термин «языковой ландшафт» был использован в 1997 году в работе Лэндри и Бурхиса, где указано следующее его определение – «видимость и значимость языков на общественных и коммерческих знаках на определенной территории или регионе» [LANDRY – BOURHIS 1997: 23]. Сюда можно отнести географические названия, дорожные знаки, названия улиц и площадей, рекламные вывески, объявления, надписи на частных и правительственных зданиях, бланки и документы официального делопроизводства, граффити, визитные карточки, маркировка товаров, иначе говоря, любой письменный знак, который можно встретить на определенной местности.

Несмотря на относительную новизну данного понятия, Закарпатье уже может «похвастаться» значительным количеством трудов по языковому ландшафту. Сюда можно отнести многочисленные работы Степана Черничко [ЧЕРНИЧКО 2014, 2019], а также Золтана Кармачи [KARMACSI 2019], Корнелии Гиреш-Ласлов [ГРЕШ-ЛАСЛОВ 2015, HIRES-LÁSZLÓ 2019] и др. Гиреш-Ласлов выделяет три пункта, почему Берегово как нельзя лучше подходит для проведения анализа языкового ландшафта [HIRES-LÁSZLÓ 2019: 88–89]:

- многочисленные этнические группы живут бок о бок в Берегово в течение длительного времени;
- закарпатские венгры в основном сосредоточены в Береговском районе, что является причиной того, что город играет ключевую роль в жизни меньшинства;
- с недавних пор город превратился в популярный туристический центр.

Процент венгров в Берегово всегда был высоким, хотя и прослеживается тенденция к сокращению данной национальности. С другой стороны, увеличивается доля украинцев, проживающих в городе (табл. 1).

	Венгры		Украинцы		Всего (чел.):
	Чел.	%	Чел.	%	
<b>1910</b>	12432	96,1	221	1,7	12933
<b>1930</b>	9190	48,3	3000	15,8	19007
<b>1941</b>	17917	92,5	?	?	19373
<b>1959</b>	14300	56	6800	26,5	25730
<b>1989</b>	15300	50,8	10900	36,2	30157
<b>2001</b>	12785	48,15	10321	38,87	26554

Табл. 1. Население города Берегово по национальностям в разные годы  
 Источники: венгры и всего за 1910, 1930 и 1941 гг. [CSERNICKÓ 1998: 35]; украинцы в 1910 г. [JGKLBV]; украинцы в 1930 г. [КУБЫЙОВИЧ 1955: 113]; венгры и украинцы за 1959 г. [КАБУЗАН 2006: 578–579]; венгры и украинцы за 1989 г. [ЧНЗО]; всего за 1959 г. [ВПН 1959]; всего за 1989 г. [ВПН 1989]; данные за 2001 г. [HIRES-LÁSZLÓ 2015: 164]



Рассмотрим более подробную статистику по национальностям и по родному языку в городе Берегово (по состоянию на 2001 г.). Сравнительная таблица на венгерском доступна в работе Корнелии Гиреш-Ласлов [HIRES-LÁSZLÓ 2015: 164]. Ниже представлен ее русский перевод с небольшими дополнениями в виде процентного соотношения (табл. 2).

	Национальность		Родной язык	
	Чел.	%	Чел.	%
<b>Венгры (венгерский)</b>	12785	48,15	14560	54,83
<b>Украинцы (украинский)</b>	10321	38,87	10204	38,43
<b>Цыгане (цыганский)</b>	1695	6,38	9	0,03
<b>Русские (русский)</b>	1445	5,44	1669	6,29
<b>Словаки (словацкий)</b>	64	0,24	18	0,07
<b>Белорусы (белорусский)</b>	55	0,21	11	0,04
<b>Евреи (иврит)</b>	36	0,14	13	0,05
<b>Армяне (армянский)</b>	21	0,08	14	0,05
<b>Поляки (польский)</b>	21	0,08	7	0,03
<b>Прочие</b>	111	0,41	49	0,18
<b>ВСЕГО</b>	26554	100	26554	100

Табл. 2. Состав населения города Берегово по национальностям и по родному языку согласно Всеукраинской переписи населения 2001 года  
Источники: Данные Корнелии Гиреш-Ласлов [HIRES-LÁSZLÓ 2015: 164]

Очевидно, что значительное расхождение между числом этнических венгров (12785 чел.) и носителей венгерского языка (14560 чел.) объясняется главным образом наличием в городе Берегово существенного количества венгероязычных цыган. Лишь 9 представителей этой этнической группы из всего 1695 человек считают своим родным языком цыганский [HIRES-LÁSZLÓ 2015: 164].

Серьезной темой для разговоров после провозглашения Украиной независимости стало возвращение венгерских названий закарпатским населенным пунктам. Во времена Советского Союза нельзя было называть города и села Закарпатья на венгерский манер. Для этого ряд населенных пунктов региона переименовали, а старые имена официально не использовались. Во второй половине 1990-х годов для большинства населенных пунктов вернули исторические названия [ЧЕРНИЧКО 2019: 127–128]. Правда, сделано это было довольно специфическим образом. К примеру, соседнее село «Зміївка» (по-русски «Змиевка») получило старое название «Кідьош» (по-русски «Кидеш», по-венгерски «Kígyós») как главное и единственное, а Берегово официально остался как «Берегово/Берегове», хотя и было добавлено старое имя в качестве второго для города – «Beregszász». На основании этого, при въездах в город установили двуязычные таблички на украинском и венгерском.

Эти таблички вскоре также стали причиной скандала. Конкретно в 2008 году, когда автомобильные знаки заменили на новые, где также было два названия, но оба украинские – «Берегово» и «Beregovo». Как можно заметить,



разница состояла лишь в том, что второй украинский вариант написали латинскими буквами (хотя, если честно, это больше похоже на русский вариант, так как украинская буква «г» на латинице должна отображаться как “h”, а не “g”). Ответ не заставил себя долго ждать – кто-то (предположительно из местных) вручную дописал “Beregszász”, а соответствующую фотографию находим в статье Черничко [ЧЕРНИЧКО 2019: 129].

История закончилась тем, что на новых въездных табличках в город вернулось название “Beregszász”. Кроме того, появился неофициальный вариант въездного знака на целых трех алфавитах – кириллице, латинице и на письме венгерских рунов (венг. “székely–magyar rovásírás”) (фото 1).

Корнелия Гиреш-Ласлов также сделала подробный статистический анализ языков, на которых существует уличная информация в городе Берегово (табл. 3). Оригиналы этой таблицы можно найти в работах Гиреш-Ласлов на венгерском [HIRES-LÁSZLÓ 2015: 167] и английском [HIRES-LÁSZLÓ 2019: 94].

Анализируя данные из табл. 3, можно сказать, что украинский язык встречается на уличных надписях всего 1020 раз, венгерский – 578, английский – 73, русский – 26, еще трижды латынь и один раз иврит. Статистика по количеству языков, представленных на одной вывеске, следующая: 660 надписей одноязычные, 495 – двуязычные и 17 – трехязычные [HIRES-LÁSZLÓ 2015: 167].



Фото 1. Неофициальный вариант въездного знака в Берегово

Украинский	514
Венгерский и украинский	449
Венгерский	107
Украинский и английский	41
Русский	22
Английский	16
Венгерский, украинский и английский	13
Венгерский и русский	3
Венгерский, украинский и латынь	2
Венгерский и английский	2
Венгерский, украинский и иврит	1
Латынь	1
Венгерский, русский и английский	1

Табл. 3. Языковое разнообразие уличных надписей в городе Берегово  
 Источник: Данные Корнелии Гиреш-Ласлов [HIRES-LÁSZLÓ 2015: 167]

Кроме того, табл. 3 свидетельствует о довольно странном положении украинского языка в Берегово. Хотя он и встречается чаще, чем другие языки, но лишь в половине случаев (514 из 1020) украинский текст приводится без иноязычных версий, как правило на венгерском [HIRES-LÁSZLÓ 2015: 167].

Сфера распространения двуязычных украинско-венгерских текстов в Берегово действительно очень велика: частные объявления, вывески, плакаты, графики работы, мемориальные доски, на уличных табличках, остановках, расписаниях городских автобусов, на самих автобусах и т.д.

Присутствуют и такие примеры, где информации на одном языке больше, чем на другом. Как пишет Корнелия Гиреш-Ласлов, «в случае асимметрии языки меньшинств обычно ущемляются в отношении стилового оформления надписи (меньший размер шрифта, меньше текста, легкое затемнение)» [HIRES-LÁSZLÓ 2019: 96]. Подобные случаи действительно можно найти в двуязычных украинско-венгерских надписях. К примеру, на фото 2 места для украинского варианта было выделено чуть-чуть больше, нежели для венгерского. Также в венгерской версии здесь отсутствует некоторая информация, указанная, в свою очередь, на украинском (напр., адреса ближайших аптек).





Фото 2. Двухязычная надпись с признаками приоритетности государственного языка (украинского) над языком меньшинства (венгерским)

Впрочем, случается и обратное, а именно доминирование венгерского языка над государственным украинским. Взять хотя бы пример, где украинский текст еле проглядывается на рекламном щите (фото 3), а адрес магазина (справа внизу) так и вовсе указан только на венгерском.



Фото 3. Двухязычная надпись с признаками приоритетности языка меньшинства (венгерского) над государственным языком (украинским)

Другой интересный момент, связанный с табл. 3, состоит в том, что количество уличной информации на русском языке, по данным Гиреш-Ласлов, уступает английскому почти в 3 раза [HIRES-LÁSZLÓ 2015: 167]. Дело в том, что еще в 2015 году она писала: «Употребление русского языка фиксируем и сегодня, несмотря на то что Советский Союз два десятилетия назад распался» [ГРЕШ-ЛАСЛОВ 2015: 18]. В ее же работе 2019 года читаем такую информацию: «Надписи в общественных местах никогда не бывают на русском языке, хотя многие жители города используют этот язык в повседневном общении» [HIRES-LÁSZLÓ 2019: 97]. Поскольку ситуация неоднозначная, возникла необходимость проанализировать собственные данные, чтобы узнать, как часто встречаются в городе русскоязычные тексты.

Всего было обнаружено 46 надписей на русском языке в Берегово, из которых 35 – одноязычные, 8 – двухязычные и 3 – трехязычные. Также есть случаи, где нельзя точно определить, какой это язык (напр., со словом «продаю», которое может быть как украинским, так и русским). Из двухязычных надписей русский чаще всего можно найти в сочетании с венгерским языком (5 раз), причем в одном случае именно русскоязычный текст играет доминирующую роль (фото 4), в трех языки указываются равномерно, а в последнем находим почтовый ящик еще советского производства и предупреждение о злой собаке на венгерском. Два раза русский язык используется с украинским и один раз с немецким.



Фото 4. Двухязычная надпись с признаками приоритетности русского языка над венгерским

Касаемо слов далекого зарубежья (прежде всего, английских), то здесь необходимо отметить, что иностранные лексемы чаще всего используются в Берегово в эстетических целях, как правило, для названий магазинов. Примеры: “Mr & Mrs”, “Monte Carlo”, или даже «гибридное» словосочетание английского с венгерским – “Carpet bolt” («магазин ковров») (фото 5).



Фото 5. «Гибридное» словосочетание английского с венгерским в названии магазина – “Carpet bolt” («магазин ковров»)

Во всех этих и многих других случаях слова далекого зарубежья появляются скорее «для красоты», а основная информация доступна на украинском и часто на венгерском, как в случае с фото 5 – «килими та килимові доріжки» и “szőnyegek és futószőnyeg” (рус. «ковры и ковровые дорожки»). В одном примере находим только английскую надпись – “hotel Domino restourant” («отель-ресторан Домино», с ошибкой в слове “restaurant”) (фото 6).



Фото 6. Английская надпись с ошибкой в слове “restaurant”

Изредка английский язык в Берегово может исполнять не просто эстетическую, но еще и информативную функцию. Например, использование надписей “no smoking” («не курить») и “Attention to passengers! Please check your tickets directly at the cash register” («Вниманию пассажиров! Пожалуйста, проверяйте билеты непосредственно на кассе») вместе с их украинскими аналогами на автовокзале. Подобная информация могла бы помочь иностранным туристам сориентироваться в незнакомом городе, но ее очень мало.

Таким образом, украинские и украинско-венгерские надписи являются самыми популярными в городе Берегово. Затем идут только венгерские, а за ними – русские. Важно отметить, что русскоязычный текст может появляться здесь индивидуально, без каких-либо других языков, а также доминировать в двуязычных надписях. Сфера же деятельности русского языка не ограничивается одними лишь названиями да банальными фразами, как в случае с английским. Это могут быть длинные и короткие объявления, рекламные тексты, графики работы и даже граффити.

## Библиография

- ВПН [VPN] 1959: Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения союзных республик (кроме РСФСР), их территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу [All-Union population census of 1959. The urban population of the Union republics (except the RSFSR), their territorial units, urban settlements and urban areas by sex] / [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59\\_reg2.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg2.php) (Дата обращения: 08.05.2023).
- ВПН [VPN] 1989: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения союзных республик, их территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу [All-Union population census of 1989. The urban population of the Union republics, their territorial units, urban settlements and urban areas by sex] // [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89\\_reg2.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg2.php) (Дата обращения: 08.05.2023).
- ПРЕШ-ЛАСЛОВ, К. [GIREŠ-LASLOV, K.] 2015: Роль мови у виникненні етнічних кордонів у місті Берегово // Філологічний часопис, Вип. 1 [The role of language in the emergence of ethnic borders in the city of Berehovo // Filologičnij časopis, Vol. 1] 13–20.
- КАБУЗАН, В. [KABUZAN, V.] 2006: Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса // Москва: Наука [Ukrainians in the world: population and settlement dynamics. 20s of the XVIII century – 1989: the formation of ethnic and political borders of the Ukrainian ethnos // Moscow: Nauka].
- КУБИЙОВИЧ, В. [KUBIJOVIČ, V.] 1955: Енциклопедія українознавства. Словникова частина. Т. 1 // Наукове товариство ім. Шевченка. Париж, Нью-Йорк [Encyclopedia of Ukrainian Studies. Dictionary part. Vol. 1 // Scientific Society named after Shevchenko. Paris, New York].
- ПИЛИПЕНКО, Г. [PILIPENKO, G.] 2014: Вторая зычная речь закарпатских венгров: социолингвистический и структурный аспект // Українсько-угорські міжмовні контакти: минуле і сучасність. Ужгород: Видавництво В. Падяка [The Second Language Speech of the Transcarpathian Hungarians: Sociolinguistic and Structural Aspects // Ukrainian-Hungarian mutual contacts: past and present. Uzhhorod: Vidavnictvo V. Padáka] 246–265.
- ЧЕРНИЧКО, С. [ČERNIČKO, S.] 2014: Мовна політика і мовний ландшафт сучасного Закарпаття в історичному уплані (1900–1944 рр.) // Українсько-угорські міжмовні контакти: минуле і сучасність. Ужгород: Видавництво В. Падяка [Language policy and linguistic landscape of modern Transcarpathia in historical terms (1900–1944) // Ukrainian-Hungarian mutual contacts: past and present. Uzhhorod: Vidavnictvo V. Padáka] 48–66.
- ЧЕРНИЧКО, С. [ČERNIČKO, S.] 2019: Роль громадських активістів у формуванні мовного ландшафту тамовної політики [The role of public activists in shaping the language landscape and language policy] // A nyelvészet műhelyeiből. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiából, V. ed. Csernicskó I. Ungvár: Autdor-Shark, 125–134.
- ЧСНЗО [ČSNZO]: Численность и состав населения Закарпатской области по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года [The number and composition of the population of the Transcarpathian region according to the results of the All-Ukrainian population census of 2001] // <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/zakarpatia/> (Дата обращения: 08.05.2023).
- CSEHNCSKÓ, I. 1998: A magyar nyelv Ukrajnában (Kárpátalján). A magyar nyelv a Kárpát-medencében a XX. század végén (I) // Budapest: Osiris Kiadó és MTA Kisebbségkutató Műhely.



- CSERNICKÓ, I. 2013: Államok, nyelvek, államnyelvek. Nyelvpolitika a mai Kárpátalja területén (1867–2010) // Budapest: Gondolat Kiadó.
- HIRES-LÁSZLÓ, K. 2015: Nyelvi tájkép és etnicitás Beregszászon // Nyelvoktatás, kétnyelvűség, nyelvi tájkép. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásai-ból. Ungvár: Autdor-Shark, 160–185.
- HIRES-LÁSZLÓ, K. 2019: Linguistic landscapes in a Western Ukrainian town // Corvinus Journal of Sociology and Social Policy, 10 (1) 87–111.
- JGKLBU: Jewish Gen Kehila Links. Berehove, Ukraine // <https://kehilalinks.jewishgen.org/Berehove/> (Date of Access: 08.05.2023).
- KARMACSI, Z. 2019. Linguistic Landscape of Transcarpathia's Tourism // A nyelvészet műhelyeiből. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból [From linguistics workshops. Studies from the researches of the Antal Hodinka Linguistic Research Center] V. ed. I. Csernickó, Ungvár: Autdor-Shark, 101–124.
- LANDRY, R. – BOURHIS, R. Y. 1997. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study // Journal of Language and Social Psychology, Volume 16 (1) 23–49.

Володимир ШИЛОВ  
Докторская школа по лингвистике  
Сегедский университет  
Сегед, Венгрия  
volodymyrshylov@gmail.com  
ORCID 0009-0009-1036-600X



**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

**LITERARY STUDIES**

**LITERATURWISSENSCHAFT**

Геза Ш. ХОРВАТ

**СИНГУЛЯРИЗАЦИЯ РОМАННОГО ДИСКУРСА  
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»****Abstract**

The article examines Dostoevsky's novel discourse as a singular unity in the novel *The Idiot*. This discourse is dominated by the principle of indeterminacy, and the category of subjectivity is closely connected with the novel model of singularity. The aim of the article is to understand the principles of discursive unity organization in the novel on the level of its basic metaphors. These basic metaphors are "point" and "line".

**Keywords:** *singularity, The Idiot, point, line, single event*

История рецепции романа «Идиот» свидетельствует о том, что роман находится в центре «конфликтов интерпретаций», выражаясь словами П. Рикера. Разночтения, трактующие роман на эмпирическом, философском, метафизическом и психоаналитическом уровнях кажутся взаимоисключающими с точки зрения мировоззренческих оснований этих же подходов. Интерпретаторы однако сходятся во мнении о том, что «Идиот» является одним из самых загадочных книг в мировой литературе. Часто упоминаются и кажущиеся недостатки в композиции романа, которые обычно объясняются тем, что Достоевский как бы все время менял свою позицию по отношению к главному герою в процессе создания текста. Некоторые формальные особенности сюжетосложения удалось обнаружить, однако все еще остается вопросом, можно ли считать роман единым дискурсом,<sup>1</sup> и если да, то на каких уровнях и в каких формах создается это единство. Именно такая *сингулярная*, ни с чем не сравнимая позиция романа «бросает вызов» исследователям [см. МОРСОН 2001].

**Принцип неопределенности как доминант романного дискурса**

В философии понятие «сингулярность» от латинского «singulus» – 'одиночный, партикулярный', обозначает единичность, неповторимость чего-либо – существа, события, явления. В то же время, сингулярная единичность не означает какую-то неизменную самоидентичность, а, в отличие от уникальности, она содержит в себе и *нетождество с самим собой*, «неидентичность», изменчивость во всех вариантах модификации, т.е. *различия* от самого себя, согласно принципу *différance* [ДЕЛЕЗ 2011, ATTRIDGE 2004]. Взаимобратимость противоположных определений и парадокс «бесконечного тождества обоих смыслов сразу» Ж. Делез называет «чистым парадоксом становления» [там же].

<sup>1</sup> Под дискурсом мы понимаем многоуровневый нарративный текст как единичное высказывание [см. ТЮПА 2013: 24–40].



Сингулярная позиция данного романного дискурса коренится в таинственной, не вполне определенной, или, как иногда полагают, не совсем последовательно построенной фигуре главного героя – князя Мышкина.<sup>2</sup> Интерпретаторы даже систематически различают друг от друга образ главного героя в первой части, и во всех остальных частях. Эта неопределенность и двусмысленность закодирована уже в самом заглавии романа: ἰδιός 'единичный, отдельный, частный, личный' (человек) и/или ἰδιώτης 'сумасшедший, безумный'. Такое *парадоксальное единство*, построенное одновременно на сходствах и различиях, сразу проявляется в романном дискурсе Достоевского в системе персонажей. Не случайно, что уже на первой странице романа так сильно подчеркивается сходство между двумя, совершенно противоположными образами – образа Мышкина и образа Рогожина. А в последней ситуации романа сходство между героями воспроизводится и усиливается вплоть до почти полного их слияния.<sup>3</sup>

В то же время, давно уже было замечено, что в романе Достоевского привычные законы сюжетосложения (замысел, системность, внутренняя связность) перестают действовать, а сюжет разворачивается не по причинно-следственным правилам, а по принципу непредсказуемости, случайности. [Об этом см. ТОПОРОВ 1995, ЛОТМАН 1992]. В романе «Идиот» отказ от привычных нарративных принципов, по-видимому, мотивируется и его глубокой онтологической проблематикой.

Дело в том, что в центре романа поставлен вопрос о *(не)уловимости действительности*. Этот романский дискурс стремится не отображать или выражать «действительность», а «угадать», обнаружить и выявить ее скрытые от повседневного, небрежного взгляда факты и законы. Поэтому действительность выступает в романе не как связный, причинно-следственный и временной континуум, в котором действуют герои (мир как внешнее пространство), а манифестируется в единичных событиях. Все это связано с глубоким убеждением Достоевского о том, что реальность недоступна человеку «как она есть», ибо «такой действительности совсем нет, да и никогда на земле не бывало, потому что сущность вещей человеку недоступна, а воспринимает он природу так, как отражается она в его идее, пройдя через его чувства...».<sup>4</sup>

Таким образом, действительность в романе проявляется через героев, например, через ощущение действительности чувств, сновидений, фантастических поступков персонажей. Но эти персонажи полностью подвергаются единичному событию. Иными словами, роман Достоевского развивается в сторону *подчинения дискурса единичному событию, а не нарративной логике*. Главное событие запрограммировано уже с самого начала – это несостоявшаяся свадьба и убийство Барашковой. Все действия разворачиваются вокруг этого события, но «в соответствии с законом наименьшей вероятности»

<sup>2</sup> Вспомним, например, замечание К. Мочульского о том, что «почти до самого конца романа его последняя тайна (т.е. тайна Мышкина) непроницаема для его творца.» [Мочульский 1995: 390].

<sup>3</sup> «(Мышкин) прижался своим лицом к бледному и неподвижному лицу Рогожина; слезы текли из его глаз на щеки Рогожина...» [ДОСТОЕВСКИЙ 2005: 729].

<sup>4</sup> См. в статье о художественных задачах живописи в отношении изображения действительности («По поводу выставки»). [ДОСТОЕВСКИЙ 1973: 219].



[ЛОТМАН 1994: 236], ибо невозможно предугадать ни повороты действия, ни поступки героев – они остаются скрытыми даже от самих персонажей. В то же время, герои романа становясь участниками события, переживают свою активную, соучастную субъектность. При этом, они переживают и утрату своей идентичности (самотождества) и подчиненность себя (своего *ego*) единичному событию. Поэтому не только князь Мышкин, но и все главные герои романа (Настасья Филипповна, Рогожин, Ипполит и даже Аглая) несут в себе признак «без-умия», указывающий на утрату самотождества и их слитность с единичным событием. Не случайно, что князь Мышкин в конце романа снова приобретает признак «идиотства», употребляемый уже в новом значении.

### «Точка» в дискурсе Достоевского

Жиль Делез в своей работе «Логика смысла» трактует сингулярность как «идеальное событие», порождающее смысл и носящее точечный характер.<sup>5</sup> Но при этом, оставаясь конкретной точкой, событие неизбежно связано с другими событиями. Поэтому точка одновременно является и линией, выражающей все варианты модификации этой точки и ее взаимосвязей со всем миром [ДЕЛЕЗ 2011: 75–81]. Далее он различает сингулярную точку как от «личности того, кто выражает себя в дискурсе», так и от «индивидуальности состояния вещей», и от обозначаемого предложением. Сингулярность «совершенно безразлична к индивидуальному и коллективному, личному и безличному, частному и общему – и к их противоположностям. Сингулярность *нейтральна*.» (Там же, *курсив* в оригинале.)

Однако для нас тут важны не философские, а литературные импликации сингулярной единичности, и постижение принципов организации дискурсивного единства и его художественный язык. В связи с этим следует отметить, что «точка» является весьма продуктивным поэтическим мотивом и динамичной текстообразующей единицей в (особенно поздних) произведениях Достоевского.<sup>6</sup> Она выступает как *место соприкосновения двух противоположностей в переживании субъекта* – верха и низа, зла и добра, сакрального и профанного, бытия и небытия, бесконечности и ничто. «Точка» является геометрическим эквивалентом существования на границе бытия и небытия – тут бытие сужается и сводится к одной детали. Она потенциально может разверты-

<sup>5</sup> Согласно Делезу, идеальное событие – это «совокупность (...) сингулярных точек, характеризующих математическую кривую, физическое состояние вещей, психологическую или нравственную личность...» [ДЕЛЕЗ 2011: 75].

<sup>6</sup> Приведем некоторые примеры. В романе «Бесы», таким сингулярным единством выступает «крошечная *точка*», которая в сновидении Ставрогина принимает все новые и новые образы: сначала она превращается в «пук ярких косых лучей заходящего солнца», и ведет персонажа ко сну о Золотом веке, а потом обращается в «крошечный красненький паучок», вызывая в память героя видение Матрешки и ее «крошечный кулачок», т.е. напоминает героя о его страшном преступлении. Эквивалентом точки может появиться и *пятно* – например, в романе «Подрусок». Примеры можно продолжить.



ваться и перерасти в новое пространство; но она может и свернуться, сгуститься. В «точке» признаки и категории не разъединены, а сосуществуют, поэтому в ней деструкция может соприкоснуться с конструкцией. Следовательно, *точка имеет «взрывной», т.е. событийный характер*, она выступает поворотным пунктом, где все может превратиться в свою противоположность и каждый (при)знак может утратить свое прежнее значение и принять противоположные значения. Точка не имеет ни формы, ни образа – только *потенциальный образ*, следовательно, она есть тайна. Ее действительность еще не воплотилась, она еще впереди, в будущем. Точка также выражает возврат к началу творения – это разложение мира и нового созидания его при помощи переживания человека, т.е. персонального его соучастия.<sup>7</sup>

Наш подход к мотиву «точки» может быть сопоставлен, с одной стороны, с понятием карнавализации у М. Бахтина, а, с другой стороны, с мифопоэтикой В. Топорова и поэтикой пространства Ю. Лотмана. Бахтин толкует «точку» в духе карнавальной символики. Согласно его трактовке, действие в произведениях Достоевского совершается в тех «точках кризиса», где пространство и время сгущается и происходит «радикальная смена, неожиданный перелом судьбы», где «переступают запретную черту, обновляются или гибнут» [БАХТИН 2002: 191]. В мифопоэтических исследованиях описывается нерегулярное поведение художественного пространства у Достоевского и Гоголя. Однако в упомянутых концепциях речь идет о том, как ведет себя пространство (его точечный образ, который может расширяться или сжиматься, сужаться до точки), но нас интересует не пространство как точка, а, наоборот, *точка как конкретный текстовый мотив и дискурсивное единство*; точка как будущее пространство, и, далее, *точка как текстопорождающее начало*, открывающее потенциально новый мир для текста.

### Реализации «точки» и «линии» в сюжете романа

Мотив *точки* вводится в роман уже в первой части и сразу наполняется значением соприкосновения бытия и небытия. Она проявляется в рассказах Мышкина о смертной казни. Именно на точку направляется пристальное внимание приговоренного к смерти. *Точка* тут отождествляется с мгновением, предшествующим разложению и погружения субъекта в «Ничто»:

<sup>7</sup> Например, пятно на стене одновременно выражает и детерминированность (см. мотив «приговоренности к смерти»), т.е. высшую степень определенности, но, одновременно, и преодоление этой определенности. Для Ипполита *пятна на стене* Мейерова дома являются *записками, инскрипциями* своего рода («Много я на ней записал» [ДОСТОЕВСКИЙ 2005: 471], и «проклятая стена» конечно внушает смерть герою. Однако эти пятна «дороже всех павловских деревьев» наверно потому, что эти «записки» на стене могли превратиться в листочки «Мое необходимое объяснение» - т.е. в своеобразный исповедальный текст героя и создают его новую субъектность (субъекта письма). Это подтверждается и тем, что во время чтения своего текста «красные пятна» появляются на его щеках.



«Одна такая *точка* есть, которой никак нельзя забыть, и в обморок упасть нельзя, и все около нее, *около этой точки* ходит и вертится.» [ДОСТОЕВСКИЙ 2005: 80, *курсив наш*]

Тут стоит обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, в рассказе Мышкина подчеркивается крестообразная встреча линий, т.е. вертикали и горизонтальной перспективы. Приговоренный к смерти смотрит горизонтально («голова на плахе лежит») «и ... *знает*, и вдруг услышит над собой, как железо склизнуло!». (Там же, *курсив в оригинале*) Во-вторых, точка сгущает в себе в сжатой форме и время – на это указывают выражения «самая последняя черта секунды», «одна десятая доля мгновения». *Точка манифестирует тот пункт, где действительность утрачивает свои законы и твердые границы* – она есть внезапное пересечение границ и проникновение жизни в смерть.<sup>8</sup>

Далее такая точечная геометрическая модель символизирует загадочные поведения и жесты и других персонажей. Точка манифестируется в *лице* Настасьи Филипповны и задает загадку для Мышкина: «он хотел разгадать что-то скрывавшееся в этом лице». Тайна «невыносимой и ослепляющей красоты» лица локализуется в двух точках: «вот эти две *косточки*, две *точки* под глазами щек» [ДОСТОЕВСКИЙ 2005: 44, *курсив наш*]. Князь видимо и обнаруживает в лице причины предполагаемого страдания – эта причина заключается в том, что в личности Настасьи Филипповны соприкасаются две крайности (гордость, ненависть и простодушие). А именно это прозрение князя вызывает его ответную реакцию (*со-страдание*): «*Два контраста* возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти *черты*.» [ДОСТОЕВСКИЙ 2005: 97, *курсив наш*] Иными словами, Мышкин обнаруживает в Настасье именно «точку» нетождественности с собой, ее «Другость».<sup>9</sup>

Таким образом, точка выражает то, что не может быть предсказано в поведении героини и что и для нее самой остается неразгаданной. Жест Мышкина («...приблизил портрет к губам и поцеловал его») выражает не столько поклон перед образом, сколько стремление сделать ее *целым*, т.е. соединить крайности и уничтожить «невыносимое» раздвоение ее личности.

Установленная связь *точки* и *лица* воспроизводится в начале третьей части романа: «он (т.е. Мышкин) бы никак не указал, в каком именно месте и в какой *точке*, – мелькнуло одно *лицо*.» [ДОСТОЕВСКИЙ, 2005: 417 *курсив наш*] Речь идет, конечно, о лице Рогожина. Загадка этого героя воплощается в конструкции его дома, который символизирует «всю рогожинскую жизнь» - в нем «все как будто скрывается и таится». Как рассказчик устанавливает, «архитектурные *сочетания линий* имеют, конечно, свою тайну.» [ДОСТОЕВСКИЙ 2005: 245, *курсив наш*]. Таким образом дом приобретает очередной образ тематиза-

<sup>8</sup> «...может быть, голова когда и отлетит, то еще с секунду, может быть, знает, что она отлетела – каково понятие!» [Там же].

<sup>9</sup> «Князь, вы угадали, я не такая»; или же, в конце третьей части в письме: «Бог знает, *что* вместо меня живет во мне.» [ДОСТОЕВСКИЙ 2005: 547, *курсив наш*].



ции *точки* – не случайно тут герои меняются *крестами*. При этом, дом превращается в противоположность «сосредоточенности» и становится локусом раздробленности и раздвоенности. В нем пробуждаются деструктивные силы, а во время убийства Настасьи Филипповны он приобретает признаки апокалиптического хаоса: «Кругом в беспорядке, на постели, в ногах, у самой кровати креслах, на полу даже, *разбросана* была снятая одежда ...» и т.д. [ДОСТОЕВСКИЙ 2005: 724–725, *курсив наш*].

Во время эпилептического удара соприкосновение самого *высшего* бытия (чувство полноты, гармонии, самосознания и непосредственного ощущения жизни) с самым *низшим* (отупение, душевный мрак, болезнь, идиотизм) интерпретируется Мышкиным формулой «парадоксального вывода» о том, что именно такое нарушение нормального состояния приведет к поминутному достижению высшей гармонии и привлекает за собой полное падение и унижение.

Наконец, следует отметить, что согласно словарю М. Фасмера *точка* в русском языке этимологически восходит к слову *ткать*, *ткнуть* (аналогично латинскому *punctum* 'точка', *pingo* 'колоть' [ФАСМЕР 1996. IV: 90]. Видимо это семантическое соотношение между «точкой» и «ткнуть» воспроизводится в тексте: перед тем, как Мышкин мечтал об «одной знакомой *точке* в горах, которую он всегда любил», ему хотелось бы «броситься на свой диван *уткнуть* лицо в подушку» [ДОСТОЕВСКИЙ, 2005: 415–416, *курсив наш*]. Итак, внутренняя форма слова 'точка' несет в себе значение проникновения, и, тем самым, выступает как аналог удара ножом – как в случае нападения Рогожина на Мышкина, так и в случае убийства Настасьи. *Событийность* значения *точки* в дискурсе Достоевского, по-видимому, упорядочивается русским языком.

#### Философские импликации встречи линий – интерпретация «точки» у Паскаля

Упоминание соприкосновения двух крайностей как «парадоксального вывода» отсылает нас в интерпретации мотива *точки* в «Мыслях» Паскаля. Как известно, в «Объяснениях» Ипполита буквально цитируется фрагмент из книги Паскаля: «Les extrémités se touchent...» В специальной литературе тщательно рассматривается влияние мирозерцание Паскаля на романский мир Достоевского (БАРИШТ 2016), поэтому тут мы остановимся только на смысловом контексте метафоры романа.

Следует сразу отметить, что фрагментарность данной цитаты не случайна и весьма показательна. Оригинальная цитата звучит так: «Эти крайности соприкасаются и, в силу своей отдаленности друг от друга, сливаются в Боге, и только в Боге.» [ПАСКАЛЬ 1995: 179]<sup>10</sup> Ипполит наверно намеренно пропускает вторую часть цитаты, и оставляет мысль неопределенной. Чтобы выяснить причины, мы должны обратиться к тексту «Мыслей».

<sup>10</sup> “Ces extrémités se touchent et se réunissent à force de s'être éloignées et se retrouvent en Dieu, et en Dieu seulement.”



В данном отрывке рассматривается «место человека в лоне природы» и его «несоразмерность» в бытии. Согласно Паскалю «материальная оболочка» в которую человек заключен, удерживается на грани двух бездн – бездны *бесконечности* и бездны *небытия...*». Человек не способен постичь ни небытие, из которого был извлечен, ни бесконечность, которая «его поглотит» [ПАСКАЛЬ 1995: 185]. Таким образом, человеческий разум из-за своей ограниченности не способен охватить мироздание и постичь суть вещей. А именно «точка» является тем пределом человеческого разума, который воплощает в себе максимальную меру понимания действительности (согласно евклидовскому уму). Ведь человеческий ум не может пересечь эту границу, не может «преодолеть» точку.

Дело в том, что «точка» заключает в себе бесконечность именно потому, что она «бесконечно делима», а человеческий разум не понимает именно эту «бесконечность в малом», она не заметна для него. Кажется, именно этот признак точки выражается в бесконечной делимости минуты и мига у Достоевского (ср. «одна десятая доля мгновения»). А неспособность человека постичь действительность обрекает его на смирение со своим положением в Бытии. Это положение характеризуется полной изменчивостью, отсутствием твердого фундамента и неопределенностью.

Все это проливает новый свет на «непредсказуемые», «противоположные» и «безумные» поступки и жесты героев. Субъектность, лежащая в основе романного дискурса, выходит за рамки всякой характерологии, типичности и психологичности именно потому, что она соотносится с экзистенциальной трактовкой человека и с его принципиально неопределенным положением в Бытии.

### **Заключение**

Итак следует отметить, что сингулярность предполагает принципиальную незаконченность, незавершенность романного дискурса. Событие дискурса свершается и повторяется в каждом акте прочтения. Однако, как мы попытались показать, эта событийная незавершенность не разрушает единство романа. Роман оказывается весьма единым и последовательным с точки зрения развертывания его базисных метафор. Тут уже нет места для дальнейшего рассмотрения импликации метафоры *точки* и *линии* в романе. Заметим только, что они связаны, с одной стороны, с проблематикой каллиграфии Мышкина (см. роль инскрипций, букв, надписей в романе) и, вообще, с поэтикой письма (см. листочки Ипполита, «дикие письма» Настасьи, похожие на сон и т.д.), а, с другой стороны, с ролью живописи в романе.

### **Библиография**

- ATTRIDGE, D. 2004: The Singularity of Literature. London and New York: Routledge.
- БАРШТ, К.А. [BARSHT, K.A.] 2016: Мысли Паскаля в художественном мире Достоевского // Материалы и исследования. Т 21. Санкт-Петербург: Нестор-История [Pascal's Thoughts in the Artistic World of Dostoevsky // Materials and research Sankt-Petersburg: Nestor-Istorija] 129–168.



- БАХТИН, М.М. [BAKHTIN, M.M.] 2002: Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин, М.М. Собрание сочинений. Т. 6. Москва: Русские словари, Языки славянской культуры [Problems of Dostoevsky's Poetics // Collected Works, Vol. 6. Moscow: Russkije slovar'i, Jazyki slavianskoj kul'tury].
- ДЕЛЁЗ Ж. [DELEUZE, G.] 2011: Логика Смысла. Москва: Академический Проект [Logic of Meaning. Moscow: Academic Project].
- ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. [DOSTOJEVSKIJ, F.M.] 1973: Об искусстве. Москва: «Искусство» [About art. Moscow: Iskusstvo].
- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. [DOSTOJEVSKIJ, F.M.] 2005: Идиот. Санкт-Петербург: Азбука-классика», [The Idiot. Sankt-Petersburg, Azbuka-classica].
- ЛОТМАН, Ю. [LOTMAN, Ju.] 1992: Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман, Ю. Избранные статьи. Таллинн, «Александра» [The Origin of Plot in the Light of Typology // Selected Articles. Tallinn: Alexandra], 224–242.
- МОРСОН, Г. С. [MORSON, G.S.] 2001: «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и темпика // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Под редакцией Т.А. Касаткиной. Москва: Наследие, [Tempics and The Idiot // The Idiot: the Current State of the Study. Edited by Tatjana Kasatkina. Moscow: Nasledie] 7–27.
- МОЧУЛЬСКИЙ, К. [MOSCHULSKIJ, K.] 1995: Гоголь. Соловьев. Достоевский. Москва: «Республика» [Gogol. Solovjov. Dostojevskij. Moscow: Respublica].
- ПАСКАЛЬ, Б. [PASCAL, B.] 1995: Мысли. Пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю. А. Гинзбург. Москва: Изд-во имени Сабашниковых [Thoughts. Transl. from French. Introduction, Article, Comment by Ju. A. Ginsburg. Moscow: Sabachnikovyh].
- ТОПОРОВ, В. Н. [TOPOROV, V.N.] 1995: О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Москва: «Прогресс», «Культура». [On the structure of Dostoevsky's novel in connection with archaic schemes of mythological thinking. ("Crime and Punishment") Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic. Moscow: Progress, Culture] 193–259.
- ТЮПА, В.И. [TUPA, V.I.] 2013: Дискурс / Жанр. Москва: Intrada [Discours / Genre, Moscow: Intrada].
- ФАСМЕР, М. [VASMER, M.] 1996: Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Санкт-Петербург: «Азбука» [Etymological dictionary of the Russian language. In four volumes. Sankt-Petersburg: Azbuka].

Геза Ш. ХОРВАТ  
Католический университет им. Петера Пазманя  
Институт Центральной Европы  
Кафедра русистики  
Будапешт, Венгрия  
horvath.geza71@gmail.com



Александр КУБАСОВ

**HISTORIA MORBI ГЕРОЯ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»:  
ТЕКСТУАЛЬНЫЕ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ\*****Historia Morbi of the Hero of A.P. Chekhov's Story "The Black Monk":  
Textual and Intertextual Forms of its Presentation****Abstract**

The ambiguity of the presentation of the illness of the protagonist of Chekhov's short story *The Black Monk* and the author's attitude to it is discussed in this paper. The essential role of irony in the story is noted, due to the historical and literary context and the intertext that arises on its basis. The ironic modality is induced, on the one hand, due to the connection of the story with the early work of the writer, and on the other hand, with the works of other authors. The role of Griboyedov's comedy *Woe from Wit* as a catalyst for irony is also discussed. The ironic modality does not exclude the formulation of a serious problem of the inauthentic existence of humans but gives it an ambivalent character. The interweaving of the conditional beginning and the unconditional in the depiction of the hero and his illness allows Chekhov to pose the ontological problem of the inadequacy of the self-esteem of the individual.

**Keywords:** *A.P. Chekhov, "The Black Monk", hero's medical history, ironic modality, intertext, "Woe from Wit", Ivan Shcheglov*

В письме М. О. Меншикову 15 января 1894 года Чехов дал краткую характеристику «Черного монаха»: «Это рассказ медицинский, *historia morbi*. Трактуются в нем мания величия» (П V, 262).<sup>1</sup> Кажется, прямая характеристика рассказа, данная писателем в письме, повлечет за собой аналогично представленную авторскую позицию в рассказе. Однако непосредственно выражают себя в рассказе только герои, но отнюдь не автор. Важную роль для формулирования каких-либо концептуальных суждений о «Черном монахе» должен играть учет как медицинского, так и историко-литературного, а также биографического контекстов, с помощью которых происходит усложнение и релятивизация авторской позиции. Многообразные контексты соотносятся с интертекстом, обуславливая коммуникативную ситуацию «автор – читатель». Главное внимание автора и читателя сосредоточено на Коврине, главном герое рассказа, который предстает в определенной мере как загадка для читателя. Разгадать ее помогает, прежде всего, интертекст. С. А. Кибальник, анализируя об-

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481 <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

<sup>1</sup> Ссылки на полное собрание сочинений и писем А.П.Чехова даются в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы. Серия писем отмечена буквой П.



раз доктора Дорна в «Чайке», справедливо заметил, что поведение героя «становится понятно только в свете значительного интертекстуального подтекста» [КИБАЛЬНИК 2022: 65]. Нечто подобное можно сказать и в отношении Коврина.

Уже не одно десятилетие ученые пытаются подобрать «ключи» для адекватного понимания чеховского рассказа. В качестве смысловых параллелей к нему выступали «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина, «Сильфида» В. Ф. Одоевского, «Красный цветок» В. М. Гаршина. Отмечено созвучие мотивов рассказа идеям Артура Шопенгауэра [РЕВ 1984: 217–219]. В одной из последних работ проводится сопоставительный анализ «Черного монаха» с «Обломовым» И. А. Гончарова [ЛАРИН 2004] и даже с лирикой Блока [БАРКОВСКАЯ 2016]. Этот перечень продолжает пополняться. В. Б. Катаев справедливо считает, что «самые, казалось бы, наглядные совпадения между текстом “Черного монаха” и внешними по отношению к нему источниками могут не приблизить ни на шаг к пониманию его подлинного смысла» [КАТАЕВ 1979: 194]. Очевидно, приближение к пониманию смысла рассказа требует поиска произведений, которые связаны с «Черным монахом» не столько типологически, сколько генетически, то есть запрограммированы самим автором в его тексте.

Первые фразы рассказа, занимая сильную текстовую позицию, определяют последующую его тональность: «Андрей Васильич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы. Он не лечился, но как-то вскользь, за бутылкой вина, поговорил с приятелем доктором, и тот посоветовал ему провести весну и лето в деревне» (VIII, 226). Коврин изначально предстает как клишированный вариант «жреца науки», в любви к которым признавался герой «Письма к ученому соседу», первого рассказа Чехова: «Я пламенно люблю астрономов, поэтов, метафизиков, приват-доцентов, химиков и других *жрецов науки*, к которым Вы себя причисляете чрез свои умные факты и отрасли наук, т. е. продукты и плоды» (I, 11). Доктор, советуемый Коврину «провести весну и лето в деревне», столь же графаретен, как и «жрец науки». В другом раннем произведении Чехова сказано, что там, где доктор, «там ревматизм от трудов праведных, мигрень, воспаление мозга, уход за раненым на дуэли и неизбежный совет ехать на воды» (I, 17). Совет пожить в деревне ничем не оригинальнее врачебной рекомендации ехать на воды. Таким образом, легкий иронический обертон первых фраз «Черного монаха» может быть раскрыт в контексте системного единства творчества писателя, через автоинтертекст. Вдобавок к этому, читатели журнала «Артист», где впервые был напечатан рассказ, могли уловить в первой его фразе отсылку к модной проблеме «нервного века» и утомления [КУБАСОВ 2021].

Современники писателя, обладая иным актуальным апперцептивным фоном, обычно точнее чувствуют неписаную литературную норму и отступление от нее. Так, провокативное начало рассказа Чехова почувствовал и по-своему переписал Иван Щеглов, близкий приятель Чехова. Первые фразы его романа «Миллион терзаний» являются почти калькой начала «Черного монаха» за вычетом скрытой иронии: «Теребенев вышел от доктора в самом удрученном



настроении... Доктор (еще какой – столичная знаменитость!) нашел у Теребенева чрезвычайно опасную форму мозгового переутомления и самым решительным образом воспретил ему всякое писание... Легко сказать – писателю.... И вдруг не писать?!...» [ЩЕГЛОВ 1895: 121]. Для образа Теребенева прототипом Щеглову послужил, очевидно, отчасти не только Коврин, но и Чехов как автор рассказа. Щеглов заподозрил, что писатель сам заработал «мозговое переутомление» и во многом отразил себя в Коврине. Автор романа, привыкший прямо выражать свою позицию в произведениях, считает, что и у Чехова такой же механизм творческого преобразования реальности в художественный текст. Оpozнай Щеглов в рассказе иронию, связанную с интертекстом, он, быть может, отказался бы от полемики с коллегой в своем романе и во всяком случае не связывал бы прямо главного героя чеховского рассказа с его автором.

Обратимся к первой реплике Коврина, с которой он предстает перед читателем. Герой говорит о дыме от костров, которые должны спасти коммерческий сад Песоцких от заморозков и грозящих убытков: «Я еще в детстве чихал здесь от дыма» (VIII, 228). Перебирая в памяти произведения, где упомянут дым, одним из первых вспоминается «Горе от ума» с крылатым выражением – «И дым отечества нам сладок и приятен». Подсказкой для ассоциативного вызова фразы является указание на то, что Коврин приезжает в Борисовку «к своему бывшему опекуну и воспитателю» (VIII, 226). Но ведь аналогичные отношения связывают и Фамусова с Чацким! В комедии Грибоедова сказано, что «Андрея Ильича покойного сынок» был взят на попечение Павлом Афанасьевичем, воспитывался в его доме вместе с Софьей («Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли»). Сходная ситуация была, видимо, и с Ковриным. Чацкий, по словам Фамусова, «три года не писал двух слов и *грянул вдруг, как с облаков*». Коврин для читателя рассказа «грянул» из дыма от костров «из навоза, соломы и всяких отбросов» (VIII, 228). В свете аллюзий на «Горе от ума» двусмысленным воспринимается и ответ Тани на вопрос Коврина о том, для чего нужен дым. «*Дым заменяет облака, когда их нет...*» – просвещает она магистра. В кругозоре героини эта фраза не содержит никакого подвоха, она серьезна и передает точный естественнонаучный смысл. Слова Тани приобретают дополнительное профанное звучание, если их связать с репликой Фамусова о грянувшем, «как с облаков», Чацком. Текст окрашивается внутренней иронией вненаходимого автора, который проецирует своих героев на содержание классической русской комедии. Коврин, Песоцкий и Таня с помощью интертекстуальных переключек предстают еще и как творчески преобразованные вариации персонажей комедии Грибоедова. Коврин, как и Чацкий, тоже испытывает «горе от ума», но это совсем другой «ум» и другое «горе».

Важен и другой содержательный момент, связанный с расширением не только системы героев, но и художественного пространства и времени. В рамках непосредственно представленного читателю текста автор программирует дополнительные интертекст и paratext, которые строятся на принципе ассоциативной выводимости. Изображенное пространство, в котором происходят со-



бытия рассказа, расширяется за счет его связи с пространством интертекстуальных и паратекстуальных своих и чужих произведений. То же самое можно сказать и про время. В итоге сюжет чеховского рассказа выходит за рамки реалистического изображения частной истории одного героя и приобретает черты универсального художественного исследования экзистенциальной проблемы бытия личности в обществе, ее ординарности и неординарности, болезни мнимой и смертельно опасной. В современной литературе произведения Чехова в свою очередь сами перейдут на орбиту интертекстов или паратекстов, как, например, в случае с пьесами Л. С. Петрушевской [РЕГЕЦИ 2022].

В конце XIX века проблемы ума, переутомления и связанного с ними сумасшествия активно обсуждались не только в художественной литературе, но и в научной. В 1885 году четвертым изданием вышла книга Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными» [ЛОМБРОЗО 1885], публикуется фундаментальный труд Уильяма Карпентера «Основания физиологии ума с их применениями к воспитанию и образованию ума и изучению его болезненных состояний» [КАРПЕНТЕР 1887]. Журнал «Русская мысль» помещает научно-популярную работу В. Лесевича «Экскурсии в область психиатрии», где в частности рассматривается «вопрос о соотношении высоких дарований и психопатических явлений» [ЛЕСЕВИЧ 1887: 59]. Описанный в «Черном монахе» маниакальный синдром Коврина, спроецированный на эти научные и научно-популярные произведения, обретает не только научную подоплеку, но и дополнительный профанный смысл. Еще больше профанное начало в рассказе усиливается, если соотнести манию величия Коврина с теми случаями, что описаны в юмористическом рассказе Чехова «Случаи *mania grandiosa*» (1883). Уже упомянутый Иван Щеглов, полемизируя с Чеховым, недаром назвал свой роман «Миллион терзаний», повторяя заглавие статьи Гончарова и окликавая тем самым комедию Грибоедова.

Сюжетообразующий мотив ума и сумасшествия, в своих литературных источках восходящий к «Горю от ума», получает новую трактовку в «Черном монахе». За год до его публикации, 25 ноября 1892 года, Чехов в письме Суворину замечает: «Ну-с, теперь об уме. Григорович думает, что ум может пересилить талант. Байрон был умен, как сто чертей, однако же талант его уцелел. Если мне скажут, что Икс понес чепуху оттого, что ум у него пересилил талант, или наоборот, то я скажу: это значит, что у Икса не было ни ума, ни таланта» (П V, 134). Упомянутых в сравнении чертей можно представить как искусителей писателя, испытывающих его ум и талант. В рассказе эта роль отведена черному монаху и доказывается художественными средствами сходная мысль о мирном сосуществовании ума и таланта, их равновесии и взаимной обусловленности.

Ум Коврина больше декларируется, чем демонстрируется. Говоря словами того же Василия Семи-Булатова из первого рассказа Чехова, «продукты и плоды» научной деятельности магистра читателю неизвестны. При этом все вокруг дружно считают Андрея Васильича умным человеком. Черный монах прямо льстит ему: «...ты умен» (VIII, 248). Это оценка является одновременно

и скрытой самооценкой героя. Песочкий тоже восхищается умом воспитанника: «А ум? Он всегда поражал нас своим умом. Да и то сказать, *недаром* он магистр! *Недаром!*» (VIII, 246). Утверждение ума Коврина нивелируется формой псевдообъективной мотивировки, первый образец которой встречается опять-таки в «Письме к ученому соседу»: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» (I, 14). Ироническим потенциалом заряжено и слово «недаром». В письме А. С. Суворину серьезные размышления о ближайших и отдаленных целях пишущих Чехов заканчивает игровой фразой: «Не я виноват в своей болезни, и не мне лечить себя, ибо болезнь сия, надо полагать, имеет свои скрытые от нас хорошие цели и послана *недаром... Недаром, недаром она с гусаром!* – и далее продолжает. – Ну-с, теперь об уме» (II V, 134).

О таких словах, как *магистр, ум, утомился, недаром*, можно сказать, что они «пахнут контекстами» [БАХТИН 1986: 302], и эти скрытые контексты, как правило, вносят в рассказ более или менее ощутимую иронию. Она играет роль корректива к серьезным аспектам и обуславливает пространственность и амбивалентность проблематики. С этим же связана неоднозначность оценки главного героя: «...ни одна из противоположных оценок Ковриным своей личности (“я – гений, избранник божий” и “я – посредственность и должен быть доволен этим”) не имеет полноценного объективного подтверждения в тексте» [СУХИХ 1987: 106]. В пространстве между этими полюсами располагается динамичная, релятивная оценка героя, предполагающая творческую активность читателя.

Очевидно, что контекстное окружение рассказа не ограничивается только комедией Грибоедова. В числе автоинтертекстуальных произведений, важных для понимания концептуальной основы «Черного монаха», назовем рецензию-пародию «“Калиостро, великий чародей, в Вене” в “Новом театре” М. и А. Л.» (1883). Чехов подписал ее псевдонимом «М. Ковров», который лишь один раз употреблен в его литературной практике (XVI, 27). Фамилия *Коврин* перекликается с псевдонимом *Ковров* и может быть истолкована как ее вариация. Если это так, то логично ожидать какой-то внутренней связи «Черного монаха» с рецензией на постановку оперетты Иоганна Штрауса в театре Михаила Лентовского. Связь обусловлена тем, что пародийная рецензия сопровождалась рисунками брата Чехова (XVI, 407). Художник Николай Чехов умер в 1889 году от чахотки. *Historia morbi* Коврина заканчивается по той же причине: «У него шла горлом кровь» (VIII, 253). Пройдет десять лет после публикации «Черного монаха», и жизнь самого Чехова, как и брата, а также героя рассказа, оборвется из-за чахотки.

Связь псевдонима *Ковров* с фамилией героя *Коврин* позволяет задаться риторическим вопросом: не является ли выбор фамилии магистра в «Черном монахе» еще и знаком памяти писателя о брате-художнике? В письме Суворину Чехов признавался, что свой рассказ он «писал без всяких унылых мыслей, по холодному размышлению» (II V, 265). Однако далее Чехов не объясняет, над чем именно он холодно размышлял. Не над тем ли, что и его, серьезно



больного туберкулезом, ждет та же судьба, что и брата Николая, а также созданного творческой фантазией магистра Коврина?

Генеалогия псевдонима *Ковров*, скорее всего, связана с каламбурной скороговоркой. Ее Чехов использовал в «Ионыче» (1898): «Я иду *по коври*, ты идешь, пока врешь, – говорил Иван Петрович, усаживая дочь в коляску, – он идет, пока врет...» (X, 33). Каламбур, основанный на омофонах (*по ковру – пока вру*) и превратившийся в устах Ивана Петровича в клише, – один из примеров рекреационной языковой игры гимназистов, которая вполне возможно была в ходу у братьев Чеховых. Созвучие фамилий Коврин / Ковров актуализирует скрытую ироническую тональность «Черного монаха», не отменяя при этом явно драматического финала рассказа. В итоге создается интонационная амбивалентность произведения.

Интертекстуальные переключки «Черного монаха» с другими произведениями позволяют Чехову с помощью художественных средств сформулировать важную онтологическую проблему – неадекватности самооценки личности, влекущую за собой искаженное мировидение. В итоге создается рассказ, в котором за ирреальной и реальной болезнями героя скрыта экзистенциальная проблема неподлинного существования человека. Вольный или невольный самообман человека рано или поздно развевается, и открывается неизбежность драматического завершения жизни.

### Библиография

- БАРКОВСКАЯ, Н.В. [BARKOVSKAYA, N.V.] 2016: «Черный монах» А.П.Чехова и А.Блока (к проблеме лирического сюжета) // Уральский филологический вестник. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. ["The Black Monk" by A.P. Chekhov and A. Blok (to the problem of the lyrical plot) // Ural Philological Bulletin. Russian literature of the XX–XXI centuries: directions and currents] 3: 28–37.
- БАХТИН, М.М. [BAKHTIN, M.M.] 1986: Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство. [Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art].
- КАРПЕНТЕР, У.Б. [KARPENTER, U.B.] 1887: Основания физиологии ума с их применениями к воспитанию и образованию ума и изучению его болезненных состояний. Т. 2. Санкт-Петербург: Тип. В. В. Комарова. [Foundations of the physiology of the mind with their applications to the education and education of the mind and the study of its morbid states. V. 2. St. Petersburg: Type. V. V. Komarova].
- КАТАЕВ, В.Б. 1979: Проза Чехова: Проблемы интерпретации. Москва: Издание Московского университета [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation. Moscow: Moscow University Press].
- КИБАЛЬНИК, С.А. [KIBAL'NIK, S.A.] 2022: Доктор Дорн против писателя Мопассана (об интертекстуальном подтексте чеховской «Чайки») // Филологические науки [Doctor Dorn against the writer against the writer Maupassant (on the intertextual subtext of Chekhov's The Seagull) // Philological Sciences] 1: 62–72. DOI 10.20339/PhS.1-22.062.



- КУБАСОВ, А.В. [KUBASOV, A.V.] 2021: Идея «вырождения» в поэтике и криптопоэтике А.П.Чехова // Проблемы исторической поэтики [The idea of "degeneration" in the poetics and cryptopoetics of A.P. Chekhov // Problems of historical poetics] 3 (19): 373–388. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9682.
- ЛАРИН, С.А. [LARIN, S.A.] 2004: Historia morbid: «Обломов» И.А.Гончарова – «Черный монах» А.П.Чехова // Вестник ВГУ: Серия Филология. Журналистика [Historia morbid: "Oblomov" by I.A. Goncharov – "The Black Monk" by A.P. Chekhov // Bulletin of VSU: Series Philology. Journalism] 2: 36–39.
- ЛЕСЕВИЧ, В. [LESEVICH, V.] 1887: Экскурсии в область психиатрии. 2. О психическом вырождении // Русская мысль [Excursions in the field of psychiatry. 2. About mental degeneration // Russian thought] 3: 50–82.
- ЛОМБРОЗО, Ч. [LOMBROZO, CH.] 1885: Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными / пер. и предисл. К. Тетюшиновой. Санкт-Петербург: Изд-ие Ф. Павленкова. [Genius and insanity. Parallel between great people and lunatics / per. and foreword. K. Tetyushinova. St. Petersburg: F. Pavlenkov Publishing House.]
- РЕВ, М. [REV, M.] 1984: Специфика новеллистического искусства А.П.Чехова («Черный монах») // Проблемы поэтики русского романтизма XIX века. Сборник статей ученых Ленинградского и Будапештского университетов. Ленинград: Издательство ЛГУ. [The specificity of the novelistic art of A.P. Chekhov ("The Black Monk") // Problems of the poetics of Russian romanticism of the 19<sup>th</sup> century. Collection of articles by scientists from Leningrad and Budapest universities. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University] 213–227.
- РЕГЕЦИ, И. [REGÉCZI, I.] 2022: Трансформация пространственных метафор драмы А.П.Чехова «Три сестры» в комедии Л.С.Петрушевской «Три девушки в голубом» [Transformation of spatial metaphors of A.P. Chekhov's drama "Three Sisters" in L.S. Petrushevskaya's comedy "Three Girls in Blue"] // Libri Magistri. 1: 182–200. DOI 10.52172/2587-6945\_2022\_19\_1\_182.
- СУХИХ, И.Н. [СУХИХ, I.N.] 1987: Проблемы поэтики Чехова. Ленинград: Издательство ЛГУ [Problems of Chekhov's Poetics. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University].
- ЧЕХОВ, А.П. [ЧЕХОВ, A.P.] 1974–1983: Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. Москва: Наука [Complete works and letters: In 30 volumes. Works: In 18 volumes. Letters: In 12 volumes. Moscow: Nauka].
- ЩЕГЛОВ, И. [ЩЕГЛОВ, I.] 1895: Миллион терзаний // Русское обозрение. [A million torments // Russian Review] 1: 121–171.

Александр КУБАСОВ  
Уральский государственный педагогический университет  
Екатеринбург, Россия  
kubas2002@mail.ru  
ORCID 0000-0001-9074-1133



Ольга ФЕДУНИНА

**ОТ КЛАССИЧЕСКОГО РОМАНА К КРИМИНАЛЬНОМУ:  
СМЕНА ЖАНРОВОЙ ПАРАДИГМЫ В ПРОЦЕССЕ ТВОРЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ**

**From the Classic Novel to the Crime Novel:  
A Genre Paradigm Shift in Artistic Reception**

**Abstract**

The article deals with the cases of classical works completion, in which their genre nature undergoes a change. The texts are transferred from the sphere of high literature to the low one, as the continuing of the plot with the criminal line becomes the main method. The material for the analysis is “The very same Tatiana” by A. and S. Litvinovs, as well as the novel “Death Comes to Pemberley” by P.D. James. I show that one of the most relevant genres in this change of genre paradigm is “by victim investigation”, which allows to retain some recognizable items of the classic primary source.

**Keywords:** *creative reception, genre, classic, crime literature, byvictim investigation*

Памяти моего учителя, Натана Давидовича Тамарченко

Переписывание и дописывание произведений, за которыми в читательском восприятии закрепились принадлежность к «классике», – проблемы, разумеется, не новые для литературоведения. В частности, исследованию креативной рецепции незаконченных произведений А.С. Пушкина посвящена фундаментальная работа Е.В. Абрамовских [АБРАМОВСКИХ 2006]. Тем интереснее рассмотреть случаи, когда творческое дописывание классического первоисточника выводит его из поля «высокой» литературы в область, которую традиционно называют «массовой». Один из известных примеров такого рода – дописывание Б. Акуниным пьесы А.П. Чехова «Чайка» с использованием альтернативных «криминальных» развязок, причем и здесь предметом игровой рефлексии становится жанр: А. Молнар определяет его как «детективную комедию» [МОЛНАР 2016: 96].

В 2013 г. Анна и Сергей Литвиновы публикуют свой внесерийный роман «Та самая Татьяна», сюжет которого составляет продолжение пушкинского «Евгения Онегина» с того эпизода, когда автор покидает своего героя после заключительного объяснения с Татьяной:

...Стоит Евгений,  
Как будто громом поражен.  
В какую бурю ощущений  
Теперь он сердцем погружен!  
Но шпор незапный звон раздался,



И муж Татьянин показался,  
И здесь героя моего,  
В минуту, злую для него,  
Читатель, мы теперь оставим,  
Надолго... навсегда [ПУШКИН 1981: 161]

Роман Литвиновых в эпистолярной форме представляет возможное развитие отношений героев, напрямую связанное с расследованием тайны гибели Ленского на роковой дуэли. Рамкой служат предисловие и послесловие публикатора дневниковых записей и писем из архива покойной княгини Татьяны Ртищевой – ее внучатого племянника барона Аркадия фон Шиншиллинга (внука Ольги Аржасовой, урожд. Лариной). При этом в Предисловии сразу задается рефлексия над жанром и выход к «новелле тайн», причем называются имена знаковых для этой традиции авторов: «Когда я сопоставил письма с рассказом в журнале, меня захватившим, я обнаружил, что история, каковую я сперва счел любовной, на деле является полной необыкновенных тайн – в духе новелл о преступлениях и расследованиях, написанных американцем Эдгаром По, французом Гастоном Леру и англичанином Г.К. Честертоном» [ЛИТВИНОВА – ЛИТВИНОВ 2018: 10]. Стержень сюжета – предпринятое Онегиным расследование истинных обстоятельств гибели Ленского с целью снять с себя ложное обвинение в убийстве.

Казалось бы, оригинальный поворот, радикально переосмысливающий классический, хорошо известный всем сюжет пушкинского романа. Однако подобный прецедент в истории криминальной литературы уже был, и, как представляется, именно в сопоставлении с ним лучше проступает характер этой жанровой трансформации. Речь идет о ненадолго опередившем опыт Литвиновых романе Ф.Д. Джеймс «Смерть приходит в Пемберли / Death Comes to Pemberley» (2011)<sup>1</sup>, где сходным образом «дописывается» роман Джейн Остен «Гордость и предубеждение». В комментарии от автора Джеймс пишет: «Не сомневаюсь, что, выслушав мои извинения, она /Дж. Остен/ сказала бы, что будь у нее желание обращаться к столь неприятным вещам, она сама написала бы этот роман, сделав это гораздо лучше» [ДЖЕЙМС 2013: 9].

Между названными примерами дописывания классических образцов обнаруживается значительное сходство, позволяющее поставить вопрос об общем ходе их переосмысления. Учитывая специфику материала, назову прежде всего **память о первоисточниках** и вообще выход на метауровень. В обоих случаях неоднократно даются пространные экскурсы в предысторию, рассказанную в исходных классических текстах, сохраняются имена персонажей, в целом выдерживаются их характеры (у Литвиновых, кажется, в меньшей степени). У Джеймс даются отсылки к другим романам Джейн Остен – «Доводы рассудка», «Эмма»,

---

<sup>1</sup> Вопросы о знакомстве А. и С. Литвиновых с романом «Смерть приходит в Пемберли» (в русском переводе или в оригинале) на момент создания их собственного романа и сознательной ориентации на этот образец остаются открытыми. Однако, учитывая множество пересечений, о которых пойдет речь далее, нельзя исключать эту возможность.



«Чувство и чувствительность», тем самым продолжение «Гордости и предубеждения» встраивается в созданный ею единый художественный мир.

У Литвиновых и вовсе происходит выход в большой мир русской классики: так, история несостоявшегося похищения Ольги ее возлюбленным, ставшая одним из мотивов устранения Ленского, явно спроецирована на аналогичную не только в пушкинской «Метели», но и в романе Л. Толстого «Война и мир» (Наташа Ростова и Анатолий Курагин). Отзывается здесь и «Анна Каренина», причем именно как «дозревание», по выражению Б.М. Эйхенбаума, линии семейного романа, воспринятой от пушкинского «Евгения Онегина»: «Стоит читателю представить себе дальнейшую жизнь пушкинской Татьяны – Татьяну замужем за нелюбимым мужем, как тотчас “Анна Каренина” начинает выглядеть своего рода продолжением и окончанием “Евгения Онегина”. Биография пушкинской Татьяны кончается словами: “Но я другому отдана и буду век ему верна”. Но кончается ли этим биография героини русского семейного романа? Конечно, нет. Измена неизбежна – и в романе Толстого перед нами как бы раскрывается эта ее роковая судьба» [ЭЙХЕНБАУМ 1969: 181].<sup>2</sup>

Приведенные наблюдения Эйхенбаума вполне применимы и к роману Литвиновых, в котором пушкинский «Евгений Онегин» дописывается именно в таком ключе. При этом получается своего рода многослойная мета-конструкция (напомню, что основной первоисточник, «Евгений Онегин» Пушкина, рассматривается В.Б. Зусевой-Озкан как образец *метаромана* [ЗУСЕВА-ОЗКАН 2014: 270–280]). В ходе рефлексии над жанром переосмысление классического романа проблематизируется с участием читателя – в качестве воспринимающей инстанции. При дописывании роль читателя имеет особое значение: в новом тексте должны быть узнаваемы герои и исходная ситуация, которой завершилось развитие сюжета в классическом образце, что сближает такой тип творческой рецепции с пародией. Углубление в теорию пародии и рассмотрение намеченной связи увело бы нас в сторону от непосредственного предмета исследования; ограничусь ссылкой на концепцию О.А. Сысоевой, определяющей пародию как «один из видов вторичных текстов, метажанр, в котором доминирующей является авторская установка на определенный тип общения с адресатом (латентная адресация)...» [СЫСОЕВА 2013: 334].

Сказанное отражается в особенностях поэтики романов, которые мы рассматриваем как примеры дописывания «классики». **Временная дистанция** от событий первоисточников: не очень большая у Джеймс, 6 лет; у Литвиновых – события в эпистолярных источниках следуют непосредственно за временем последнего свидания героев в пушкинском романе, которое авторы датируют 1825 г. (снова к Толстому и протаверсии его романа «Война и мир» –

<sup>2</sup> В интересном ракурсе «Анна Каренина» рассматривается венгерской исследовательницей А. Молнар – в соотнесении с более ранним романом Л. Толстого «Семейное счастье» (опубл. 1859), который также встраивается в обозначенную традицию русского семейного романа, рефлексиирует над ней и переосмысливает в «толстовском изводе»: [МОЛНАР 2023: 177–200]; [МОЛНАР 2021: 114–124].



незаконченным «Декабристам!»). Публикация этих источников бароном фон Шиншиллингом отстоит от действия на полвека.

В обоих романах встречаются «прорывы в будущее» и порой явные анахронизмы, связанные в том числе с техническими средствами, используемыми при расследовании: у Джеймс врач сожалеет о том, что еще нет возможности определить различия крови у разных людей; в «Татьяне» Литвиновых Онегин присутствует при эксгумации, а в финальном словесном поединке с настоящим убийцей упоминает о «неповторимости» любого оружия: «Парижская полиция под руководством Видока уже стала проводить подобные изыскания и благодаря им изобличать преступников» [ЛИТВИНОВА – ЛИТВИНОВ 2018: 181]. На это при публикации в 1872 г. откликается в своем примечании издатель, барон Шиншиллинг, отмечая, что в то время подобные исследования еще не проводились и «Е.О. своей догадкой значительно опередил свое время». При этом для читателей самих романов, по понятным причинам разделенных с изображенными событиями значительной временной дистанцией, также нужны пространные пояснения: напр., о ходе судебной процедуры в начале XIX в. (у Джеймс) или о том, как заряжалось и функционировало огнестрельное оружие примерно в то же время (у Литвиновых).

В основе **сюжета** обоих романов – криминальная линия, которая отсутствовала в классических претекстах. При этом важно, что «Гордость и предубеждение» и «Евгений Онегин» принципиально не являются «романами тайн». Таким образом, криминальный сюжет полностью достроен авторами дописываний. В обоих случаях встречаем не соответствующее истине обвинение одного из персонажей в убийстве, причем объект обвинений тесно связан с семейным кругом главных героев: у Джеймс Уикхем (зять Элизабет и Дарси) подозревается в убийстве своего друга капитана Денни, у Литвиновых, как уже говорилось, Онегин пытается снять с себя обвинения в убийстве Ленского, уверившись в том, что одновременно со своим выстрелом, намеренно направленным поверх головы юного поэта, он слышал другой, поразивший жертву. В первом из приведенных писем Онегина к Татьяне он называет себя «человеком посторонним, хотя и родственником (к счастью дальним)» ее супруга [ЛИТВИНОВА – ЛИТВИНОВ 2018: 15].

**Инициаторы расследования** – в обоих случаях лица из близкого к жертве обвинений круга: у Джеймс это семья Дарси и ее окружение, у Литвиновых – Татьяна, предлагающая Онегину поехать на место дуэли и попытаться подтвердить свои воспоминания, чтобы оправдаться «хотя бы перед лицом собственной совести» [ЛИТВИНОВА – ЛИТВИНОВ 2018: 32]. При этом в романе Литвиновых основную часть расследования ведет именно жертва обвинений, сам Онегин. Важная перекличка: в обоих случаях, осознавая ложность возведенных на них обвинений, герои все же винят себя в гибели жертв. Слова Уикхема над телом Денни, подтвержденные свидетелями: «Мой друг, мой единственный друг, и я убил его! Я его убил! Это моя вина» [ДЖЕЙМС 2013: 83]; из письма Онегина к Татьяне: «Да, его смерть лежит на моей совести. Но в то же время я – не убивал его!» [ЛИТВИНОВА – ЛИТВИНОВ 2018: 31]. Таким обра-



зом, задается возможное несоответствие вины в юридическом и этическом понимании. При этом собственно преступление и жертва в рассмотренных романах Джеймс и Литвиновых дублируются: злой умысел направлен как против убитого, так и против объекта ложных обвинений.

**Характер расследования** в обоих романах сходный: вынужденный, с целью спасти жизнь и честь несправедливо обвиненных; рациональный, основанный на осмотре места происшествия, поисках улик, многочисленных опросах свидетелей, но в сочетании с интуитивными прозрениями. Так, полковник Фицуильям в романе Джеймс дает развернутую характеристику этому методу: «Мое мнение родилось интуитивно, а не в результате обстоятельной оценки фактов. Я не отношусь к интуиции с презрением – она несколько раз спасала мне жизнь, и в основе ее, конечно, лежит мгновенная оценка ярких фактов; интуицию нельзя назвать ложной только потому, что мы не осознаем вызывающих ее причин» [ДЖЕЙМС 2013: 250]. Онегину в романе Литвиновых «стало казаться», что одновременно со своим он слышал другой, смертельный выстрел в Ленского, и это становится отправной точкой расследования. Более того, эксгумацию тела Ленского он видит в «необъявленном сне», который, конечно, тоже прозрачно отсылает к авторской поэтике Пушкина (напомню, сам термин был введен С.Г. Бочаровым применительно к его «Гробовщику»).

Различие в изображении хода расследования – у Джеймс частное следствие дублируется официальным, от которого зависит судьба обвиняемого. У Литвиновых же все остается принципиально в рамках частного, семейного дела, что становится предметом рефлексии героев: Онегин сокрушается, что наказал зло «без огласки, втихаря», покончив с преступником таким же бесчестным методом, каким действовал он сам; Татьяна же убеждает его, что главный результат достигнут, справедливость восстановлена. Однако в вопросе о получении неоспоримых доказательств вины настоящего преступника снова сходжение: источником становятся не только и не столько действия «следователей», сколько исповедь убийцы. В обоих случаях он фактически сам карает себя: у Джеймс невольный убийца умирает, оставив покаянное письмо, у Литвиновых в финальном поединке «рука злодея дрогнула» [ЛИТВИНОВА – ЛИТВИНОВ 2018: 199] и он выстрелил себе в сердце.

Итак, истина установлена, справедливость восторжествовала, но в полной ли мере это восстанавливает нарушенную преступлением **норму**?<sup>3</sup> У Джеймс это как будто так; но с классической счастливой развязкой контрастирует замечание повествователя: «После получения известия о помиловании Уикхема у супругов /Дарси/ от сердца отлегло, но ликования не было» [ДЖЕЙМС 2013: 300]. Остается лишь в воображении тюремного священника и нравственное перерождение спасенного от ложного обвинения Уикхема, который, казалось бы,

<sup>3</sup> См., напр., следующий фрагмент в романе Джеймс, отражающий инвариантную для криминальной литературы оценку преступления как нарушения нормального течения жизни: Дарси «стало казаться, что земля ушла из-под ног и разрушились все привычные понятия и устои, с детских лет управляющие его жизнью» [ДЖЕЙМС 2013: 127].



получает надежду на новую жизнь. У Литвиновых еще сложнее: овдовев, фактически утратив доброе имя, но воссоединившись в браке с Онегиным, Татьяна вскоре теряет его, а затем переживает еще одного супруга и умирает в одиночестве. Таким образом, единожды вторгшись в жизнь героев, преступление оставляет в ней неизгладимый след.

А теперь суммируем. Очевидно, что в рассмотренных нами примерах при дописывании классических произведений с включением в сюжет криминальной линии происходит смена жанровой парадигмы и вообще включение в иную жанровую систему «массовой» литературы, более того – криминальной. Пользуясь классификацией креативной рецепции, предложенной Е.В. Абрамовских, перед нами «игровой» тип рецепции, предполагающий деконструкцию, «обнажение механизмов, скреп творческого процесса» и интеграцию уже на новом уровне [АБРАМОВСКИХ 2006: 237–238]. При этом, несомненно, присутствует память о первоисточнике и о созданном его автором художественном мире как общем знаке «классического текста». Входит ли это в кругозор самих героев, сказать сложно. В романе Джеймс «Смерть приходит в Пемберли» игра с читателем ведется все-таки уровнем выше; о таком варианте Д.М. Магомедова писала, что «полемика с текстом-источником ведется в сфере автора-повествователя» [МАГОМЕДОВА 2000: 213]. Однако в кругозор Татьяны у Литвиновых, к примеру, входит рефлексия над оценками пушкинского романа и героя в отечественной критике: она прямо называет Онегина «последним рыцарем» и «лишним человеком» [ЛИТВИНОВА – ЛИТВИНОВ 2018: 201].

Но самое интересное происходит здесь с поэтикой жанра. Перечисленные особенности романов Джеймс и Литвиновых прекрасно соотносятся с выделенными мной ранее основными элементами «*расследования жертвы*» [КИРИЛЕНКО – ФЕДУНИНА 2019: 162–178]. Напомню ряд примеров, чтобы было понятно, о чем идет речь: «Винтовая лестница» Э. Уайт, «Кривой домишко» А. Кристи, из более поздних текстов – «Щепка» А. Левина, «Лесная смерть» Б. Обэр, «Фламандская доска» А. Переса-Реверте... Анализ достаточно большого корпуса текстов позволил выявить следующие константы этого жанра.

В плане *сюжета* он определяется, прежде всего, вынужденным характером расследования, в которое «следователь-жертва» (или лицо, близкое к потенциальной жертве преступления) ввязывается не по своей воле; отрицательным отношением к игре (ее ведет только преступник); параллельной сюжетной линией, связанной с официальным полицейским расследованием, которое дополняет действия жертвы. Как правило, криминальный сюжет переплетается с любовной линией, без которой «расследование жертвы» практически не обходится. Если она не развивается в полной мере, то хотя бы намечается, как это происходит в той же «Лесной смерти» Б. Обэр или «Щепке» А. Левина. Это связано с особой ролью частной жизни в произведениях этого жанра, где не только преступление вторгается с частную сферу, но и расследование в основном сосредоточено в ней. Друг или возлюбленный героини также является до определенного момента ее «защитником», но, как правило, выводится преступником



из игры, т.к. в финальном поединке он должен быть в единоличном противостоянии с жертвой (см. название главы «Винтовой лестницы» Уайт – «Одна»).

Отличительная особенность *хронотопа* – чрезвычайно плотное и насыщенное событиями время при пространстве, постепенно сужающемся к точке финального противостояния преступника и жертвы.

*Субъектную структуру* определяет изображение событий с точки зрения «следователя-жертвы»; с этим связаны и особенности *речевого плана*, где доминантным является слово героя как передающей инстанции. У Литвиновых стилизация вообще становится одним из ключевых приемов; как пример упомяну языковую игру при передаче в дневнике Татьяны письма Онегина о его беседе с Марьей, тайной пассией Ленского. Очевидно, что речь дворовой девушки с ее стилистическими особенностями и ее точка зрения проходят здесь как минимум еще через две инстанции. Еще один яркий пример – пересказ в «журнале» Татьяны сообщений об итоге предпринятого Онегиным расследования: «Развязка сей драмы стала известна мне со слов двух разных людей, их рассказы не противоречили, но дополняли один другой, в своих записках я постаралась лишь скомпоновать их для того, чтобы составить наиболее цельную и верную картину происшедшего» [ЛИТВИНОВА – ЛИТВИНОВ 2018: 173]. Ср. со сквозным мотивом информации о преступлении из разных источников как мозаики, которую пытается собрать героиня «Лесной смерти» Обэр.

Хотя повествование в «расследовании жертвы» может вестись от лица героя, ведущего расследование, или от лица повествователя, выходов за пределы его кругозора обычно не происходит. В своем анализе характерных для разных жанров криминальной литературы композиционно-речевых форм мы с Н.Н. Кириленко определяем «расследование жертвы» как *монологичное*; это не столько диалог участников событий, сколько обмен монологами – прежде всего, героя, вынужденно оказавшегося в роли следователя, и преступника с его финальной исповедью-саморазоблачением [КИРИЛЕНКО – ФЕДУНИНА 2019: 180]. Так, в романе Джеймс мы находим исповедальный монолог не только непосредственного убийцы (в эпистолярной форме), но и полковника Фицуильяма, одного из важнейших свидетелей. Изображение судебного процесса вообще располагает к такой особенности речевой структуры. У Литвиновых, помимо общей исповедальной направленности писем Онегина к Татьяне и ее дневника, присутствует инвариантное для «расследования жертвы» саморазоблачение преступника: когда Онегин наконец встречается с истинным убийцей Ленского, тот во всех подробностях рассказывает о замысле и воплощении своего преступления.

Наконец, возможность возврата героев к обычному течению жизни после завершения расследования, *восстановления нормы*, определяющей изображенный мир, в «расследовании жертвы» всегда очень проблематична. Реальность героев никогда уже не станет прежней, какой она была до вторжения преступления в их жизнь. И хотя ради забвения страшных событий убийца и жертва могут быть похоронены в одной могиле, как это происходит в «Лесной

смерти» Брижит Обэр, рассказчица все же называет этот факт «гнусными подробностями», «о которых всегда забывают, хотя именно благодаря им люди быстро возвращаются к нормальной жизни с ее маленькими неприятностями или большими радостями – или наоборот» [ОБЭР 2001: 325–326]. Этическая оценка нивелирует попытку такого возврата. У Джеймс и Литвиновых, как мы видели, полное возвращение в исходную точку также невозможно.

Таковы, если обрисовывать их вкратце, особенности «расследования жертвы» как отдельной разновидности криминальной литературы, во многом определяемые самим типом героя – «следователем-жертвой». Вероятно, эта модель вообще хорошо подходит для включения в классический сюжет криминальной линии: ведь круг персонажей, их отношения и возможное развитие исходной ситуации отчасти уже заданы первоисточником. Перед авторами дописываний стоит задача, привнося новый смысл, сохранить эту канву узнаваемой для читателя. Один из возможных способов – позволить ему «расследовать» тайну, так или иначе связанную с прошлым героев, и здесь подходящей жанровой формой становится «расследование жертвы» с его акцентом именно на личности. Не случайно некоторые произведения, относящиеся к этому криминальному жанру, подходят к самым пределам криминальной литературы как области «массовой»; это происходит, в частности, при мене ролями преступника и жертвы с фокусировкой на их внутреннем мире и этической проблематике («Та, которой не стало» Буало-Нарсежака). Французские практики и теоретики, писавшие под этим коллективным псевдонимом, отмечали, что именно здесь лежит граница криминальной литературы: «...либо преступление заслоняет преступника (роман-загадка), либо преступник заслоняет преступление (психологический роман)» [БУАЛО-НАРСЕЖАК 1990: 194].

Думается, что в рассмотренных примерах дописывания классических образцов такое смещение происходит как раз за счет выхода на метауровень. Выводя героев из классически завершеного мира романов Остен или Пушкина, авторы в то же время парадоксально подталкивают их к пределам мира криминального романа, делая саму жанровую структуру предметом игры с читателем. Можно сказать, что эта игра ведется на границе двух литературных областей, причем предметом рефлексии становятся та и другая – и классическая, и криминальная литература.

### Библиография

- АБРАМОВСКИХ, Е.В. [АВРАМОВСКИН, Е.В.] 2006: Феномен креативной рецепции незаконченного текста (на материале незаконченных произведений А.С. Пушкина). Челябинск: Библиотека А. Миллера [The phenomenon of creative reception of an unfinished text (based on the unfinished works of A.S. Pushkin). Čelâbinsk: Biblioteka A. Millera].
- БУАЛО-НАРСЕЖАК [BOULEAU-NARCEJAC] 1990: Детективный роман // Как сделать детектив. Москва: Радуга [The detective novel // How to make a detective story. Moscow: Raduga] 192–224.
- ДЖЕЙМС, Ф.Д. [JAMES, P.D.] 2013: Смерть приходит в Пемберли / пер. с англ. В.И. Бернацкой. Москва: АСТ [Death comes to Pembeley, transl. from English by V.I. Bernackâ. Moscow: AST].



- ЗУСЕВА-ОЗКАН, В.Б. [ZUSEVA-ÖZKAN, V.B.] 2014: Историческая поэтика метаромана. Москва: Intrada [The Historical Poetics of Metanovel. Moscow: Intrada].
- КИРИЛЕНКО, Н.Н. – ФЕДУНИНА, О.В. [KIRILENKO, N.N. – FEDUNINA, O.V.] 2019: Жанры криминальной литературы как теоретическая проблема. Под ред. Д.М. Магомедовой, В.В. Савелова // Поэтика литературных жанров. Проблемы типологии и генезиса. Москва: РГГУ [Genres of crime literature as a theoretical problem // Poetics of literary genres. Problems of typology and genesis. Eds. D.M. Magomedova, V.V. Savolov. Moscow: RSUH] 110–202.
- ЛИТВИНОВА, А.В., ЛИТВИНОВ, С.В. [LITVINOVA, A.V. – LITVINOV, S.V.] 2018: Та самая Татьяна. Москва: Эксмо [The very same Tatyana. Moscow: Eksmo].
- МАГОМЕДОВА, Д.М. [MAGOMEDOVA, D.M.] 2000: «Переписывание классики» на рубеже веков: сфера автора и сфера героев // Литературный текст: проблемы и методы исследования. 6. Аспекты теоретической поэтики: к 60-летию Натана Давидовича Тамарченко. Москва: Тверь [“Rewriting classics” at the turn of the century: the sphere of the author and the sphere of the heroes // Literary text: problems and research methods. 6. Aspects of theoretical poetics: to the 60<sup>th</sup> anniversary of Nathan Davidovich Tamarchenko. Moscow: Tver] 212–218.
- МОЛНАР, А. [MOLNÁR, A.] 2016: Столкновение жанров в пьесе Б. Акунина «Чайка» // Новый филологический вестник [The clash of genres in Boris Akunin’s play “The Seagull” // Novyj filologičeskij vestnik] 2016/4 (39): 96–104.
- МОЛНАР, А. [MOLNÁR, A.] 2021: Женское письмо и женская свобода: о романе Толстого «Семейное счастье» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований [Women’s writing and women’s freedom: about Tolstoy’s novel “Family Happiness” // Praktiki i interpretacii: žurnal filologičeskikh, obrazovatel’nyh i kul’turnyh issledovanij] 2021/3 (6): 114–124.
- МОЛНАР, А. [MOLNÁR, A.] 2023: Рецепция и анализ текста. Избранные труды. Москва: Азбуковник. [Reception and text analysis. Selected works. Moscow: Azbukovnik].
- ОБЭР, Б. [AUBERT B.] 2001: Лесная смерть / пер. с фр. Е. Капитоновой. Санкт-Петербург: Лимбус-Пресс, [Death from the Woods, transl. from French by E. Kapitonova. St. Petersburg: Limbus-Press].
- ПУШКИН, А.С. [PUŠKIN, A.S.] 1981: Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. Москва: Правда [Selected works: in 10 vols. Vol. 4. Moscow: Pravda].
- СЫСОЕВА, О.А. [SYSOEVA, O.A.] 2013: Литературная пародия: проблема жанра // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского [The problem of the literary parody genre // Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N.I. Lobačevskogo]. 2013/5 (1): 330–335.
- ЭЙХЕНБАУМ, Б.М. [ÈJHENBAUM, B.M.] 1969: Пушкин и Толстой // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Ленинград: Художественная литература, Ленинградское отделение [Puškin and Tolstoj // Èjhenbaum, B.M. About the prose. Leningrad: Hudožestvennaâ literatura, Leningradskoe otdelenie] 167–184.

Ольга ФЕДУНИНА  
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН,  
отдел «Литературное наследство»  
Москва, Россия  
fille.off@gmail.com  
ORCID 0000-0001-6874-248X





**КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

**CULTUROLOGY**

**KULTURWISSENSCHAFT**

Марияна НЯГОЛОВА

**ПСИХОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА  
В ТРУДАХ МИХАИЛА АРНАУДОВА  
(ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)**

**Psychology of Literary Creativity  
in the Works of Mihail Arnaudov  
(Main Stages of the Study)**

**Abstract**

Mihail Petrov Arnaudov (1878–1978), a Bulgarian scientist, was a famous European researcher with significant contributions to several fields of scholarship, i.e., folklore, the history of Bulgarian literature of the Renaissance, comparative literary history, the literature and culture of ancient India, the theory of literary science, the history of German and French literature of Romanticism, etc. This paper is devoted to his contribution to the study of the psychology of literary creativity. It analyses the prerequisites for Arnaudov's formation as a psychologist of creativity, and provisionally identifies several main stages in his scientific and professional path, during which he conducted research and produced works in this interdisciplinary field. With the help of historical and psychological analysis, the general and specific features in the development of his views on the essence of the psychology of creativity and the meaning of its use in literary criticism and literary history are presented.

**Keywords:** *history of Bulgarian psychology, psychology of literary creativity, literary history, creative process, abilities*

Одно из самых ярких имен болгарской науки XX в. – это имя Михаила Петрова Арнаудова (1878–1978). Своими углубленными исследованиями в области истории болгарской и зарубежной литературы, древнеболгарского языка и славянского языкознания, фольклора и культурологии, философии, социологии и психологии на протяжении более 70 лет он задавал ведущие тенденции развития национального гуманитарного знания. Огромный его вклад в разработку психологии литературного, художественного и научного творчества.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении конкретных этапов исследовательской деятельности М. Арнаудова в области психологии литературного творчества. В данном контексте необходимо обратить внимание на обстоятельства, которые способствовали формированию научной концепции ученого.

### **Предпосылки формирования Михаила Арнаудова как исследователя психологии творчества**

М. Арнаудов получил высшее образование по специальности «славянская филология» в Высшей школе в Софии (1898). С 1899 г. по 1903 г. слушал лекции в университетах Лейпцига и Берлина по индогерманскому языкознанию, философии, общей психологии и психологии народов, древнеиндийской литературе. Изучал древнеиндийский и ассиро-вавилонский язык. В 1904–1905 гг., учился в аспирантуре в Пражском университете по трем специальностям: славянской филологии (под руководством проф. И. Поливка), философии (под руководством Т. Масарика) и индийской филологии (под руководством И. Зубати). В следующем 1905 г., там же, защищает свою диссертацию на тему «Болгарские народные сказки».

После защиты, за время своей стажировки во Франции и Англии, в 1909–1911 гг. М. Арнаудов исследует историю французской литературы эпохи Ренессанса, а в Лондоне изучает английский язык.

В 1913 г. проходит очередную стажировку в библиотеках Вены, где наряду с публикациями по сравнительной европейской литературной истории, он изучает и новейшие издания по психологии творчества, общей и дифференциальной психологии [ГЕЧЕВА 2000: 16–21]. Его стажировка в Вене имеет существенное значение для всех последующих его исследований в области психологии литературного творчества. Именно ее можно рассматривать как период библиографической и методологической подготовки ученого к разработке фундаментальных проблем данной междисциплинарной области знания.

Наряду с этим, необходимо учесть и влияние идей ведущих болгарских ученых, славистов и психологов, на формирование интереса и целеустремленности М. Арнаудова к научному познанию. Еще в гимназии имени Князя Бориса I в г. Русе он изучает философскую пропедевтику (философию и психологию) под руководством своего учителя доктора психологии Николы Савова Бобчева (1863–1938) (впоследствии профессор немецкого языка Свободного университета в Софии), а в Высшей школе его преподавателем литературы является профессор литературы и доктор психологии Иван Димитров Шишманов (1862–1928). На кафедре всеобщей сравнительной литературной и культурной истории, которой он заведовал в Софийском университете, М. Арнаудов становится ассистентом, доцентом (1908) и профессором (1919).

Н. Бобчев и И. Шишманов получили свое высшее образование в Лейпцигском университете, где изучали литературу, историю, философию и психологию. Оба они защитили свои докторские диссертации под руководством выдающегося профессора психологии Вильгельма Вундта. Диссертация Н. Бобчева «Теория чувств в ее основных формах, от Канта до нашего времени» [BOBTSCHEW 1888] посвящена истории психологии, а диссертация Ив. Шишманова «Исследования чувствительности отдельных ощущений» [SCHISCHMANOW 1889] – экспериментальной психологии.



По возвращению в Болгарию их самостоятельные творческие пути в разной мере соприкасаются с научной психологией, но в плане своих литературно-критических и литературно-исторических работ они последовательно применяли подход В. Вундта о взаимосвязи психологии народов и продуктов их творческой деятельности (литература, поэзия, культура). Данный подход получил свою дальнейшую разработку в трудах Н. Бобчева, посвященных истории и методологии психологии, и в работах И. Шишманова, посвященных фольклору и литературной истории. Под влиянием В. Вундта они сформировали свои научные взгляды, а в последствие данное влияние испытали их ученики и последователи.

Являясь общим учеником этих двух известных ученых и последователей Лейпцигской школы В. Вундта, М. Арнаудов успешно продолжает научную преемственность. Учителя очень гордились своим учеником и радовались его успехам. Даже в 1925 г., когда М. Арнаудов уже был утвержденным профессором и ученым с международной известностью, Н. Бобчев в своих письмах продолжал обращаться к нему словами: «Дорогой мой Михаил Петрович и любимый, и славный мой ученик!» [БОБЧЕВ 1925, Archive 1]. Со своей стороны, И. Шишманов неоднократно подчеркивал свою удовлетворенность тем, что М. Арнаудов был его ассистентом в Университете и начал свою карьеру под его руководством. Часто, он называл Н. Бобчева «другим учителем М. Арнаудова» [БАЛЕВСКИ 2013: 13]. Таким образом, без всякой зависти Учителя напоминали, что Ученик может их превзойти.

Что касается психологии литературного творчества, то действительно М. Арнаудов превзошел своих учителей в науке. Конечно, не путем противопоставления и критики, а благодаря сочетанию их научных принципов понимания творчества с новой тенденцией развития методологии европейской психологии: с дифференциальным подходом изучения личности. Новая методология позволила М. Арнаудову направить свое внимание на изучение творческой индивидуальности личности, ее задатков и способностей, таланта и гениальности.

В данном контексте он неустанно разрабатывал проблематику психологии творчества на протяжении всей своей профессиональной жизни. Становление и развитие его научной концепции можно проследить поэтапно, с учетом ее многоаспектного формирования.

### **Первый этап психологического исследования литературного творчества (1911 – 1928 гг.)**

Начальный этап изучения психологии литературного творчества относится к периоду 1911–1914 гг., когда М. Арнаудов проводит свои первые литературные анкеты с известными болгарскими поэтами Пейо Яворовым (1878–1914) и Пенчо Славейковым (1866–1912). Анализ и обобщающие выводы по материалам анкет он публикует в Ежегоднике Софийского университета за 1916 г. под названием «К психографике Яворова» (1916б). В том же томе Ежегодника опубликована и другая работа М. Арнаудова – «Развитие литературной психологии. Исторический очерк» (1916а).



В своем теоретическом исследовании он анализирует методологию ведущих европейских литературных школ XIX в. с точки зрения происходящей переориентации от принципов немецкой классической философии к социологизму и психологизму, которые основываются на позитивизме и английском эмпиризме. М. Арнаудов отмечает, что в этом заслуга принадлежит прежде всего двум известным ученым – Ипполиту Тэну и Густаву Фехнеру, поскольку «первый из них обнаружил объективные исторические предпосылки литературного движения, а второй обратился к внутренним психологическим основам художественного творчества» [АРНАУДОВ 1916а: 1]. В результате, М. Арнаудов проводит сравнительный историко-психологический анализ изучения психологии творчества немецких и французских научных школ XVIII – XIX вв. Он указывает, что существенные различия между ними состоят в том, что французские ученые понимают творчество как общую способность, а их немецкие коллеги считают, что существуют конкретные творческие способности [АРНАУДОВ 1916а].

Подводя итог, он подчеркивает, что в начале XX в. дифференциальная психология Вильгельма Штерна дала новый импульс психологии литературного творчества своими идеями комплексного изучения индивидуальных особенностей личности. В качестве основной методики дифференциальной психологии, применимой к целям изучения литературного творчества, Арнаудов рассматривает психограмму [АРНАУДОВ 1916а: 49–50], наряду с тестами интеллигентности, в частности, со шкалой Бине-Симона [АРНАУДОВ 1916а: 54–60]. Он неоднократно выражает свое убеждение о преимуществах этих новых методик в изучении литературного творчества. Его произведение «Развитие литературной психологии» можно рассматривать как работу, в которой обосновывается методологический смысл психологии литературного творчества.

Свою исследовательскую методику Арнаудов определяет как «метод самонаблюдения, регулируемого экспериментатором» [АРНАУДОВ 1916б: 7]. В ходе его личной беседы с П.К. Яворовым он задает свои вопросы поэту по заранее подготовленному опроснику. Как отмечает сам Арнаудов, исследование было проведено в июне и июле 1911 г. в ходе шести встреч с Яворовым, каждая из которых длилась 2–3 часа [АРНАУДОВ 1916б: 9].

Основываясь на анализе ответов, М. Арнаудов формулирует свои выводы об особенностях развития личности П. Яворова, о его отношении к литературному творчеству, а также, о его творческой активности в разных литературных направлениях: лирике, драматургии, поэзии. Он подробно анализирует стилистическую работу поэта над своими текстами. Изучает даже особенности его почерка.

### **Второй этап исследования психологии литературного творчества (1930–1939 гг.)**

В начале 30-х годов исследования литературного творчества М. Арнаудовым переходят на новый этап развития, в условиях которого он продолжает изучение творчества П.К. Яворова в своей работе «Из жизни П.К. Яворова» (1934). В ней он применяет такие методики дифференциальной психологии и



психологии развития, как биографический подход, эпистолярный и анализ документов. Через 20 лет после смерти поэта М. Арнаудов анализирует воспоминания его родственников – брата Атанаса, двух сестер и отца, изучает личную переписку П.К. Яворова с ними, а также документальные источники, связанные с его жизнью и творчеством. М. Арнаудова интересует, прежде всего, возможное влияние наследственности и врожденности на формирование характера поэта, на его мировоззрение и талант. Он пытается ответить на вопрос: Какие общественные и индивидуальные мотивы стимулировали его творческую деятельность. М. Арнаудов убежден, что этим своим исследованием, вносит свой вклад в реабилитацию личного достоинства одного из величайших болгарских поэтов [АРНАУДОВ 1934: 122–213].

В своих исследованиях данного периода М. Арнаудов уделяет большое место и изучению творческой личности «патриарха болгарской литературы» поэта и писателя Ивана Вазова. В 1938 г. выходят его статьи, посвященные анализу ранее опубликованных бесед Ив. Шишманова с Ив. Вазовым [ГЕЧЕВА 2000: 136; 569]. В них он показывает, что благодаря данной методике интервью, выявлена психология творчества писателя, его воззрения, относящиеся к болгарской истории и характеру болгарского народа. Наряду с этим М. Арнаудов, подчеркивает, что современный подход изучения творчества болгарских поэтов и писателей задан еще Иваном Шишмановым, а он только последовательно усовершенствует его.

Таким образом М. Арнаудов продолжает свои исследования индивидуально-психологических особенностей отдельных авторов, болгарских и зарубежных, приступая к созданию систематических трудов по психологии творческой личности. Первой попыткой к систематизации и обобщению данной проблемы является его статья «Творческая личность в литературе» (1936), опубликованная по материалам его торжественной речи при вступлении в должность Ректора Софийского университета, в 1935 г. [АРНАУДОВ 1935–1936, Archive 2]. В ней он рассматривает историю изучения проблемы творческой личности, начиная с воззрений Платона об отсутствии разума и логики в творческом вдохновении поэтов и писателей. В заключении он формулирует вывод о том, что сознательное мышление является неизменной предпосылкой творческого процесса личности [АРНАУДОВ 1936: 45], а любой мгновенный инсайт появляется в результате долгих размышлений по определенному поводу [АРНАУДОВ 1936: 51].

Несколько лет позже, в 1938 г., выходит обобщающий труд М. Арнаудова «Творчество и критика. Литературные портреты и характеристики». В нем он излагает свою целостную концепцию творческой личности [АРНАУДОВ 1938: 1–22]. Предметом исследования являются литературно-психологические характеристики известных зарубежных поэтов и писателей XVIII–XX вв., среди которых Мольер, Вольтер, Гете, Лессинг, Пушкин, Достоевский и др.

Вторая исследовательская линия систематизации и обобщения проблем творчества в работах М. Арнаудова, относится к изучению самого творческого процесса. Она находит свое самое яркое выражение в его фундаментальном труде



«Психология литературного творчества», первое издание которого, выходит в 1931 г. [АРНАУДОВ 1931]. С психологической точки зрения М. Арнаудов изучает литературное творчество в двух аспектах: деятельностном и процессуальном.

Деятельностный аспект относится к творческим проявлениям личности и их оценке со стороны общества. В данном контексте М. Арнаудов анализирует общие предпосылки творчества, роль наследственности, расы и культуры, генезис литературного таланта и гения. Обобщая разные и часто противоречивые теории понимания творчества и творческой личности, он заключает, что «творчество – это здоровье, творчество – это борьба со всем болезненным, творчество – это прояснение и душевное очищение, катарсис» [АРНАУДОВ 1931: 49]. Из этого проистекает и его вывод о том, что гениальность подтверждает закон единства и типологии человеческих способностей, здравый разум и логику мышления личности, которые относятся к незыблемым началам творческих достижений.

С этой позиции он переходит к рассмотрению особенностей познавательной, аффективной и поведенческой сфер проявлений творческой личности. Арнаудов уделяет значительное внимание взаимосвязи художественного восприятия и созерцания, эмоциональной жизни и вживания, воображения и памяти, форм жизненного опыта личности и ее творческой деятельности. Он также обращает внимание на субъективную сторону восприятия в литературном творчестве, отмечая, что очень часто механизм художественного восприятия отличается бессознательными характеристиками, считая, что соотношение бессознательных и сознательных проявлений художественной мысли можно уподобить психологическим закономерностям фигуры и фона.

Процессуальный аспект изучения литературного творчества М. Арнаудов рассматривает в тесной связи с созданием самого художественного произведения. Указывая, что в данном случае многое зависит от мотивации и настроения творческой личности, а также от самого интонационного тона настроения, от «бессознательной энергии», оказывающей определенное воздействие на стихосложение; он выделяет три основных этапа протекания индивидуального творческого процесса. В прозаическом творчестве они оказываются в зависимости от «ритмико-мелодических элементов», сводящиеся к последовательности триады «музыка – слово – содержание» [АРНАУДОВ 1931].

В целом, общая направленность исследований 30-х годов выражает глубокое и систематическое знание научной психологии со стороны их автора. При этом, он вполне функционально сочетает психологическую и литературоведческую точку зрения в своих разработках.

### **Третий этап исследования психологии литературного творчества (1940–1946 гг.)**

Разработки М. Арнаудова первой половины 40-х годов, посвященные проблемам психологии литературного творчества, можно отнести к третьему исследовательскому этапу. В тематическом отношении в них преобладает «национальная»

проблематика: изучение творчества болгарских поэтов и писателей, исторического вклада болгарских деятелей Возрождения, национального фольклора.

И в данный период он продолжает свои исследования личности и творчества народного поэта и писателя Ивана Вазова. Для психологии творчества, особым звучанием, отличаются его работы «Иван Вазов и болгарская природа» (1943), «Иван Вазов: жизнь и творчество» (1944), «Болгарские образы. Литературные исследования и портреты» (1944) и др. В первой из них он анализирует формирования отношения к природе у жителей европейского континента, с Античности и Средних веков до эпохи Нового времени. Отношение к природе нашло отражение в поэзии эпохи Возрождения в связи с проявлением новых индивидуалистических взглядов в искусстве и поэзии [АРНАУДОВ 1943: 20]. Эта тенденция усилилась в эпоху Просвещения, а в условиях романтизма стала ведущей. Ее суть связана с утверждением единства духа и природы. М. Арнаудов считает, что она находит свое выражение и в болгарской поэзии, с второй половины XIX в. до середины XX в., или по его словам: «от Петко Славейкова до Кирилла Христова» [АРНАУДОВ 1936: 30–31].

Согласно М. Арнаудову, на формирование личности Вазова оказала влияние не только социальная среда, но и природная. Если социальная среда представлена семьей, учителями и духом родного города Сопота эпохи Возрождения, то природная среда – это интерес к природе, величие Балканских гор, желание избежать толпы и «уединиться в природе, к которой Вазов относится с пантеистическим созерцанием Руссо» [АРНАУДОВ 1944а: 11].

М. Арнаудов подробно анализирует отношение к природе в поэзии Вазова, от самых ранних стихов, таких как «Сосна» (1872) и «Где находится Болгария?» (1876) до его зрелых произведений, таких как «Великая Рыльская пустыня» и «Зимняя прогулка». Наряду с непревзойденным художественным описанием природы и восхищением ею, Патриарх болгарской литературы выразил свое патриотическое чувство, «впечатления, обогащающие его дух», свои эстетические идеалы и, прежде всего, любовь к Родине [АРНАУДОВ 1943].

По словам библиографа трудов М. Арнаудова – Кръстины Гечевой, изучая эстетического отношения И. Вазова к природе, М. Арнаудову удалось представить Вазова, как созерцателя [ГЕЧЕВА 2000: 161]. К этому выводу необходимо добавить, что, разрабатывая вопросы отношения И. Вазова к природе, М. Арнаудов становится инициатором нового подхода в психологии литературного творчества, которого можно назвать, хотя и условно, «экологическим».

Своеобразным продолжением применения данного подхода является и работа М. Арнаудова «Болгарские образы. Литературоведение и портреты. Т. 1» [АРНАУДОВ 1944б]. При помощи сочетания биографического и экологического подходов психологии творчества он исследует творческих особенностей личности выдающихся болгар, с большим вкладом в культурное и национальное развитие Болгарии в эпоху Возрождения. Критическому анализу произведений и взглядов каждого из них предшествует изучение предпосылок развития личности, исследование особенностей среды (социальной и природной), изучение



индивидуальных особенностей характера, включая выделение ведущих характерологических черт каждого отдельного автора.

### **Заключение**

Книга Михаила Арнаудова «Психология литературного творчества» – одна из самых значимых работ в этой области, как в Болгарии, так и за рубежом. За время, прошедшее после публикации первого издания в 1931 г., она стала предметом многочисленных филологических и культурологических исследований. До сих пор, в Болгарии, она переиздана четыре раза (1965; 1977; 1978; 2008). Большой интерес книга вызвала среди российских ученых, незадолго, после выхода в свет первого издания. По этому поводу на протяжении нескольких десятилетий М. Арнаудов вел активную переписку с многими представителями советской науки и культуры. В 1970 г. книга «Психология литературного творчества» была переведена на русский язык и издана издательством «Прогресс», в Москве.

По результатам проведенного нами историко-психологического анализа, можно судить, что применение психологического подхода М. Арнаудовым далеко не ограничивается публикацией книги «Психология литературного творчества». Этот его труд, действительно, является кульминацией его многоаспектных разработок в области психологии творчества, но и после его создания автор продолжает и углубляет свои исследования в данном направлении. До середины 40-х годов, он привносит и разрабатывает новые идеи, изучая литературное творчество личности. Вопреки сложной социальной ситуации он соотносит результаты своих исследований с теми современными ему представителями психологии творчества в странах Западной Европы и Советском Союзе.

Все его выводы, относящиеся к проблематике психологии литературного творчества, не потеряли свою актуальность, несмотря на то, что современные исследовательские методики творчества отличаются своим экспериментальным характером. Убеждение Михаила Арнаудова в том, что творчество есть проявление нормальной, психически здоровой человеческой личности, сохраняет свою значимость для современной психологической науки и по сей день.

### **Документы Научного Архива Болгарской Академии наук. Академик Михаил Петров Арнаудов (Фонд 58 к, опись № 1):**

БОБЧЕВ Н. 1925: Письма к М. Арнаудову: 3. IX., София, Научный архив, БАН, ф. 58 к, опись №1, а.е. 656.

АРНАУДОВ М. 1935–1936: Творческата личност в литературата. София. Придворна печатница. Научный архив, БАН, ф. 58 к, опись №1, а.е. 21, 8. XII. 1935 г., 11 л.

### **Библиография:**

АРНАУДОВ, М. [ARNAUDOV, M.] 1916a: Развой на литературната психология. Исторически очерк // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет // София: Придворна печатница. [Development of literary psychology. Historical sketch // Sofia University Yearbook. Faculty of History and Philology // Sofia: Court printing house] 1–61.



- АРНАУДОВ, М. [ARNAUDOV, M.] 1916б: Към психографията на П. Яворов // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, // София: Придвор на печатница. [On the psychography of P. Yavorov // Sofia University Yearbook. Faculty of History and Philology // Sofia: Court printing house] 1–96.
- АРНАУДОВ, М. [ARNAUDOV, M.] 1931: Психология на литературното творчество. София: Печатница «Гутенберг» [Psychology of literary creativity. Sofia. Printing house “Gutenberg”].
- АРНАУДОВ, М. [ARNAUDOV, M.] 1934: Из живота на П. К. Яворов. Нови приноси към биографията и характеристиката на поета // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. Книга XXX. 11 // София: Придворна печатница. [Through the life of P. K. Yavorov. New contributions to the biography and characterization of the poet // Sofia University Yearbook. Faculty of History and Philology. Book XXX. 11 // Sofia: Court printing house. ] 29–122.
- АРНАУДОВ, М. [ARNAUDOV, M.] 1936: Творческата личност в литературата. София: Придворна печатница [The creative personality in literature. Sofia: Court printing house].
- АРНАУДОВ, М. [ARNAUDOV, M.] 1938: Творчество и критика. София: «Хемус». [Creativity and critics. Sofia: Hemus].
- АРНАУДОВ, М. [ARNAUDOV, M.] 1943: Иван Вазов и българската природа. София: Хемус. [Ivan Vazov and the Bulgarian nature. Sofia: Hemus].
- АРНАУДОВ, М. [ARNAUDOV, M.] 1944а: Иван Вазов. Живот и дело. София: «Хемус» [Ivan Vazov. Life and work. Sofia: Hemus].
- АРНАУДОВ, М. [ARNAUDOV, M.] 1944б: Български образи. Литературни студии и портрети. Т. 1. Наченки на Възраждането. София: Хемус [Bulgarian images. Literary studies and portraits. Vol. 1. Beginnings of the Revival. Sofia: Hemus].
- БАЛЕВСКИ, В. [BALEVSKY, V] 2013: Писма на Иван Шишманов и Лидия Шишманова до Михаил Арнаудов // Арнаудов сборник. Доклади и съобщения, Том 7, Русе: ЛЕНИ – АН [Letters of Ivan Shishmanov and Lidiya Shishmanova to Mikhail Arnaudov // Arnaudov’s collection. Reports and announcements, Volume 7, Ruse: LENI – AN] 9–29.
- ГЕЧЕВА, К. [GETSHEVA, K.] 2000: Михаил Арнаудов. Биобиблиография. София: Академично издателство «проф. Марин Дринов» [Mikhail Arnaudov. Biobibliography. Sofia: Academic Publishing House «professor Marin Drinov»].
- ВОБТШЕВ, Н. 1888: Die Gefühlslehre in ihren hauptsächlichsten Gestaltungen von Kant bis auf unsere Zeithistorisch-kritisch beleuchtet. Leipzig: Druck von Oswald Mutze.
- SCHISCHMANOW, I. 1889. Untersuchungen über die Empfindlichkeit des Intervallsinnes // Philosophische Studien 5: 558–600. <http://vlp.mpiwg-berlin.mpg.de/> (Date of Access 04.27.2023).

Марияна НЯГОЛОВА  
Великотърновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия  
Велико Търново, България  
mdnyagolova@mail.bg  
ORCID 0000-0003-4414-6151



Наталья КОРИНА

**ОБРАЗЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ  
В ДНЕВНИКАХ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА 1896–1926 ГГ.**

**The Images of the Slavic peoples  
in Albert Škarvan's Diaries from 1896–1926**

**Abstract**

The paper discusses the images of the Slavic peoples in Albert Škarvan's diaries from 1896 to 1926, first published in 2019. Albert Škarvan was a Slovak intellectual of the Austro-Hungarian Empire of the late 19<sup>th</sup> and early 20<sup>th</sup> centuries, the follower of L. Tolstoy's ideas and Christian religious philosophy. He produced philosophical reflections about the Slavic peoples of the Austro-Hungarian Empire (Slovaks, Czechs, and Serbs) in comparison with Russians and made an attempt to determine their historical mission and spiritual potential. His diaries contain many critical mentions as well as suggestions as to how to improve the situation of Slavic peoples, primarily of Slovaks, in the European dimension. This article is one of a series of papers on Albert Škarvan manuscripts.

**Keywords:** *Albert Škarvan, Diaries 1896–1926, Slavic peoples, national autostereotype, multilingualism*

**Введение**

Альберт Шкарван (1869–1926) принадлежит к плеяде незаурядных личностей рубежа XIX–XX веков, оставивших след в истории. Его деятельность развернулась на территории нескольких государств Европы, включая Австро-Венгрию, Россию<sup>1</sup>, Великобританию, Швейцарию, а с 1918 года также Первую Чехословацкую Республику. Врач, писатель, переводчик, антимилитарист и толстовец, Шкарван был одной из ярких фигур своего времени<sup>2</sup> – одним из немногих глубоких и критически мыслящих последователей Л. Н. Толстого в Европе, религиозным философом и словацким патриотом (см. Рис. 1). Он принял толстовские идеи всем своим существом и всю жизнь их философски развивал и хранил.

<sup>1</sup> Отдельно следует напомнить об имперских масштабах тогдашних Австро-Венгрии и России, включавших в себя абсолютное большинство славянского мира.

<sup>2</sup> Подробности жизни и деятельности А. Шкарвана и характеристика его места в словацкой культуре излагаются по трудам А. Матъовчика [МАЇОВČÍК–СНМЕЛ 1977, МАЇОВČÍК 2014, 2015, 2017а, 2017б]. Необходимо отметить, что поскольку по политическим причинам А. Матъовчику несколько десятилетий было запрещено печататься под своим именем, его книги выходили под именами его друзей и под псевдонимом Михал Элиаш, поэтому цитируемый источник 1977 года дается под двумя именами – настоящего автора Августина Матъовчика и Рудольфа Хмеля, который написал к книге предисловие и «предоставил» для издания свое имя. В таком виде А. Матъовчик после реабилитации указывает выходные данные книги.



Рис. 1. Альберт Шкарван в словацком национальном костюме [ŠKARVAN 2019: 13].



Альберт Шкарван – типичный представитель новой словацкой интеллигенции. Образованные слои словацкого общества находились в XIX веке под сильным влиянием идей панславизма, которые в большой степени были сосредоточены на России: она служила своего рода духовным ориентиром славянским народам, не имевшим собственной государственности (одним из вдохновителей идеологии панславизма в Габсбургской империи был словак Павел-Йозеф Шафарик). Благодаря панславистам в Австро-Венгрию проникли идеи многих русских мыслителей. Альберт Шкарван относился к панславизму критически, однако на него оказало огромное влияние учение Л. Н. Толстого, проповедавшего христианский принцип непротивления злу насилием. Следуя идеям Л. Н. Толстого, Шкарван искал в христианстве выход из сложившейся историко-политической ситуации для словацкого народа и пришел к убеждению, что для изменения общества необходимо начать с себя, с собственного нравственного самосовершенствования, которое он считал возможным только через духовное перерождение. Именно в этом он видел и будущее славянских народов, прежде всего словацкого, и постоянно рефлексировал о духовном потенциале славян и их роли в истории Европы и мира. Эта рефлексия отражена в его литературно-полемиических трудах, но особенно ярко – в дневниках, которые будут предметом изучения данной статьи. Настоящий словацкий патриот (хотя сам он оценивал патриотизм как нехристианское и опасное явление – см. цитаты ниже), Шкарван постоянно сопоставлял словаков с другими этносами, пытаясь критически оценить их ментальность и место в истории, поэтому в его трудах присутствуют многочисленные характеристики «исторических соседей», по которым можно составить образы отдельных народов через призму его восприятия. Эти образы отражают богатое событиями и противоречивое время, в которое и о котором писал Шкарван – эпоху национального возрождения славян, буржуазных и социалистических революций, I мировой войны и последовавшего за ней геополитического передела мира. Нашей целью является воссоздание образов славянских народов рубежа XIX–XX веков по дневникам Альберта Шкарвана, представляющим собой ценное свидетельство-

ство современника о нравах и событиях этой турбулентной эпохи. Следует отдельно оговориться, что дневники и создаваемые в них образы славян будут рассмотрены вне контекста этнохарактерологических и прочих теорий, то есть исключительно как тексты, отражающие субъективное мировидение автора: их ценность заключается именно в «индивидуализации» истории, в ее преломлении через призму конкретной личности – Альберта Шкарвана.

### **1. Наследие Альберта Шкарвана**

Альберт Шкарван оставил после себя разнообразное литературно-публицистическое наследие. Один из наиболее крупных его трудов – перевод романа Л. Н. Толстого «Воскресение» на словацкий язык, который является первым в истории переводом этого романа, поскольку делался прямо по рукописи Толстого и был издан спустя всего два месяца после выхода в свет самого романа. К сожалению, Шкарван как переводчик Толстого практически неизвестен, зато большой резонанс в обществе имел его отказ от военной службы по причине глубокого отвержения какого бы то ни было насилия, подробно описанный в его мемуарах «Записки военного врача» (*Zápisky vojenského lekára*), вышедших на русском (1898) и словацком (1920, переиздание 1991) языках. Последовательный приверженец принципа непротивления злу насилием, Шкарван был наказан за свои убеждения со всех сторон: австрийские власти посадили его в тюрьму, лишив диплома и всех званий, а сообщество деятелей словацкого национального возрождения под предводительством Светозара Гурбана-Ваянского изгнало его из своего круга за антимилитаризм, обвинив в отсутствии желания принести жертву за народ и сделать свой вклад в его достойное будущее. Не нашел он понимания и поддержки и у своих близких. Выйдя из тюрьмы, Шкарван вынужден был эмигрировать и большую часть своих трудов написал уже за границей, поэтому они были мало известны на родине. Однако именно взгляд издали способствовал более вдумчивой философской оценке событий и глубоким размышлениям об исторической миссии и духовном потенциале славян, в которых на первом месте, естественно, стоял его родной словацкий народ. Наиболее острые проблемы словацкого национального возрождения Шкарван проанализировал в полемическом труде «Словаки».<sup>3</sup> Сопоставляя словацкую действительность с ситуацией других славянских народов, Шкарван выражает свои антимилитаристские взгляды, эволюцию которых наглядно документируют его дневники.

Наследие А. Шкарвана досконально изучил его «персональный биограф», многолетний директор Словацкого биографического института при Матице словацкой Августин Матьовчик. Именно ему принадлежит заслуга обнаружения дневников Шкарвана, долгие годы лежавших в забвении в Литературном архиве Словацкой национальной библиотеки под шифрами 22 L 1 и

<sup>3</sup> Этот обширный труд, написанный для московского издательства «Посредник» (1904) и рецензированный Л. Н. Толстым, остался неизданным. Рукопись нашел и впервые опубликовал в 1969 г. в сборнике «Литературный архив» Ш. Колафа [KOLAFA 1969].



22 М 1. Благодаря усилиям А. Матьовчика они были расшифрованы, обработаны и в 2019 году опубликованы с переводами и комментариями, что позволило не только представить эти дневники широкой публике, но и лучше познать Альберта Шкарвана как личность и оценить его идеи.

## 2. Дневники А. Шкарвана

Свои дневники А. Шкарван начал вести в эмиграции и продолжал их до самой смерти. Они уникальны тем, что позволяют взглянуть на жизнь интеллигенции и простонародья в разных странах Европы глазами очевидца.

Будучи гражданином многонациональной и многоязычной Австро-Венгрии, Шкарван, как и большинство образованных славян империи, был полиглотом. Кроме родного словацкого, он свободно владел государственными языками – немецким и венгерским, латынью как языком образования и французским как культурным языком Европы, а также близкородственным чешским, который с XIV века был письменным языком словаков, а также языком словацкой протестантской церкви, имевшей сильные позиции в обществе.<sup>4</sup> Вскоре к этому обширному языковому портфелю добавился русский язык, освоенный Шкарваном самостоятельно. Причину своего успешного обучения Шкарван объяснил в дневнике от 29.04.1921 г.: «Я очень легко и быстро выучил русский язык, потому что у меня было желание, а желание было потому, что в России и русской литературе для меня открывался интересный новый мир. Европейский дух был мне по сути своей чужд и был для меня если не мертвым, то по крайней мере холодным: он не приносил моей изголодавшейся и жаждущей душе никакой пищи, которая насытила бы ее. А русский гений учил меня смотреть вглубь себя, учил меня, как найти самого себя» [ŠKARVAN 2019: 378<sup>5</sup>].

Все активные языки Шкарвана присутствуют в его дневниках: русский, словацкий, венгерский и немецкий – как основные языки изложения, все остальные (к вышеперечисленным можно добавить маргинально выступающие греческий и английский) – в виде многочисленных цитат и отдельных высказываний. Всего в его дневниках присутствует 9 языков, а языки изложения нередко чередуются даже в пределах одной дневниковой записи (см. Рис. 2). Поэтому научное издание дневников потребовало не только расшифровки рукописного текста на всех этих языках, но и перевода всех иноязычных частей на словацкий язык.

Мне посчастливилось участвовать в этом проекте в качестве дешифратора и переводчика русских фрагментов, и после знакомства с рукописью я пополнила ряды энтузиастов, исследующих разнообразное наследие Альберта

---

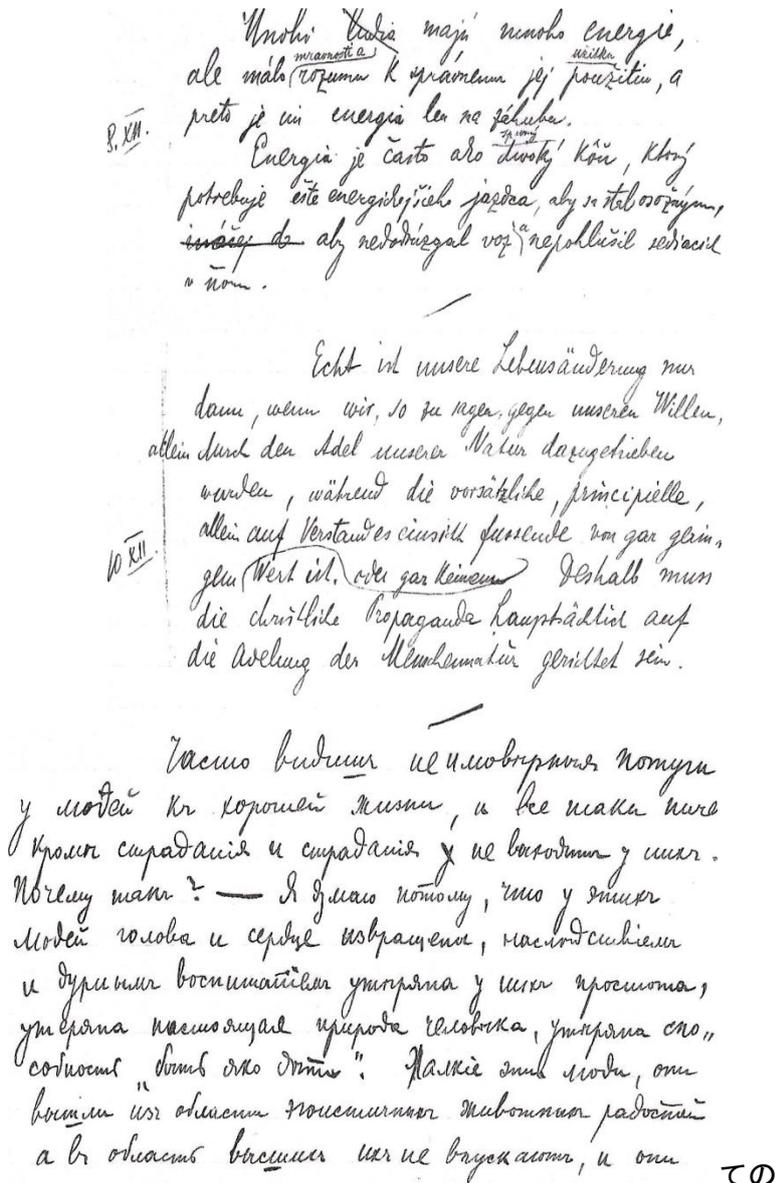
<sup>4</sup> Роли чешского языка в словацкой культуре и становлении литературного словацкого языка посвящены многочисленные труды, однако данный аспект не входит в область наших непосредственных интересов, поэтому отсылаем интересующихся к соответствующим энциклопедическим изданиям и к специальной литературе по данной теме. Краткий обзор проблематики на русском языке см. в [ТУГУШЕВА 1998].

<sup>5</sup> Перевод со словацкого автора статьи. В дальнейшем при цитировании дневников будут указываться только номера страниц по данному изданию.



Шкарвана – в моем случае прежде всего с филологической и культурологической точек зрения, чему уже посвящен ряд публикаций [Жорина 2018, 2021, 2022], который будет продолжен и в дальнейшем.

Рис. 2. Стр. 46 из Дневника III (8 и 10 декабря 1901 г.) с записями на словацком, немецком и русском языках.



[Источник: Литературный архив Словацкой национальной библиотеки].



Языки дневников отражают географические перемещения их автора (см. Рис. 3). Сначала Шкарван, воспользовавшись приглашением своего друга, толстовца В. Г. Черткова, эмигрировал в Россию, где вошел в ближайшее окружение Л. Н. Толстого вместе со своим земляком, другом и однокурсником по медицинскому факультету Душаном Маковицким. Поэтому первые дневники написаны практически полностью по-русски лишь с отдельными словацкими фрагментами. В России Шкарван пробыл неполных два года и был выслан из страны вместе со своим другом Чертковым за связь с духоборами. Он перебрался в Англию, где прожил около двух лет. Там он продолжал писать по-русски, но более длительными стали словацкие фрагменты, которые частично перемежались с немецкими. Британская сырость ухудшила его проблемы с легкими, и Шкарван отправился в более благоприятный климат в горы Швейцарии, где жил с 1898 по 1910 годы. Дневники этого периода написаны преимущественно по-словацки, хотя сначала содержат много русских, а под конец – немецких фрагментов. В 1910 году Шкарван вернулся в Австро-Венгрию – в родную Словакию, но по обвинению в панславизме и измене Родине в 1915 г. был арестован, а позже сослан в далекие от его родины провинции на территории Венгрии (Эгер, затем Верпелет), где прожил до 1918 года, когда был наконец полностью реабилитирован. В конце 1918 г. Шкарван окончательно перебрался в Словакию, где прожил остаток жизни уже как гражданин Первой Чехословацкой Республики. В венгерский период дневники написаны в основном по-венгерски, а в последние годы жизни – практически целиком по-словацки.

Всего сохранилось 8 дневников общим объемом 1098 рукописных страниц, начиная с 1896 года с небольшими перерывами вплоть до кончины Шкарвана в 1926 году (см. Рис. 3). Однако в них отражен не только этот период времени: дневники содержат многочисленные воспоминания студенческих, юношеских и даже детских лет. Дневников за промежуточные годы, отсутствующие в рукописи Шкарвана, скорее всего, не имеется – в его архиве нет об этом никаких сведений.



Рис. 3. Доля различных языков в дневниках А. Шкарвана.

№ дневника, период	Основной язык дневника (общий объем в стр.) <sup>6</sup>	Прочие языки (цельные фрагменты, объем в стр.)	Прочие языки (цитаты и отдельные высказывания или термины)
Дневник I (1896–1897)	русский – 42	словацкий – 5	немецкий, венгерский, английский, французский, латынь
Дневник II (1897–1899)	русский – 54	словацкий – 2	латынь, английский, немецкий
Дневник III (1901–1910)	словацкий – 38,5	русский – 8 немецкий – 2	латынь, чешский, греческий, французский
Дневник IV (1915–1921)	венгерский – 14 <sup>7</sup>	немецкий – 1	латынь, французский
Дневник V (1921)	словацкий – 19	–	немецкий, латынь
Дневник VI (1921)	словацкий – 17	–	латынь, венгерский, русский, немецкий, французский
Дневник VII (1921–1923)	словацкий – 31	–	латынь, немецкий, венгерский, русский, чешский, английский
Дневник VIII (1924–1926)	словацкий – 60	русский – 2	немецкий, русский, чешский, латынь, венгерский, французский, английский

### 3. Образы славянских народов в дневниках А. Шкарвана

Как уже упоминалось, Шкарван в своих дневниках неоднократно рассуждает о национальном характере и исторической миссии народов Европы, прежде всего родного словацкого и непосредственно контактировавших со словаками народов, живших с ними в одном государстве – чехов, венгров, немцев, сербов, евреев, а также русских, которые стояли в центре внимания панславистов. Но, конечно, в первую очередь его занимают славяне, их духовный потенциал и христианские ценности. Стоит уточнить, что религия воспринимается Шкарваном не как догма, а как состояние души, поэтому религиозность стоит у него на одном уровне с духовной и душевной зрелостью. Со свойственной ему афористичностью Шкарван отмечает: «Истинная религия – это та, когда человек не сознает, что он религиозен» [164]. Его идеал – истинная религия для всего человечества, и славяне должны стать ее примером.

<sup>6</sup> Объем записей указывается в печатных страницах по изданию 2019 г. с округлением до полстраницы. Рукописных страниц, конечно, гораздо больше.

<sup>7</sup> Точности ради необходимо отметить, что в издании произошел технический сбой, и четыре страницы венгерских дневников в оригинале отсутствуют, но в словацком переводе они есть. Объем венгерского текста указан по реальному состоянию в дневниках в пересчете на печатные страницы.

Однако современное ему состояние еще очень далеко от этого идеала. С точки зрения христианских ценностей общая характеристика славян у Шкарвана крайне критична: «Славяне как никто воображают себя добрыми и умиляются своей добротой, все другие народы при этом считая куда хуже себя. Меж тем я не знал народа, где люди друг другу больше бы причиняли страданий, были бы менее внимательны к другому, как именно славяне»<sup>8</sup> [174].

Поскольку дневники – не ученый труд, а слепок действительности, в них выражены чувства и непосредственные личные впечатления автора, которые важно передать как можно более аутентично. С этой целью позволю себе пространные цитаты из дневников, которые будут в дальнейшем проанализированы и обобщены.

### 3.1. Русские

Характеристики, которые Шкарван дает русскому народу, двусторонни, поскольку в них выражается и его собственное «я». Они особенно ценны как заинтересованный взгляд не только со стороны, но и изнутри русской жизни, причем глазами славянина, не являющегося приверженцем идей панславизма. Дневники демонстрируют, как восприятие Шкарваном русских, поначалу очень противоречивое, меняется в лучшую сторону только после того, как он окончательно покидает Россию, хотя на протяжении почти всей его жизни остается критическим. Проиллюстрируем эволюцию его взглядов выдержками из дневников в хронологическом порядке.

*«Русские – они умные, они чуткие, они одаренные, но характер у них не чистый, не прозрачный. Я всегда страдал в близости с всякими русскими от этой нечистоты, непрозрачности характера ихнего. Друг, недруг твой, все равно – если он русский, способен в такое время, когда вовсе этого не ожидаешь, выкинуть с тобой такую гадость, которая оставит неизгладимые следы в тебе»* [174].

«...русских я совершенно не мог принять своим сердцем. Меня шокировало непостоянство их характера. Чуткий вот и хороший человек, а вот неожиданно выкинет такую подлость, что сообразить то трудно. Честности и дисциплины недостает им в характере. И вообще азиатское варварство торчит из каждого русского. Они серьезные и глубоки, напряженно раздумывают, но в то же время темны и бешено фанатичны, тупо последовательны, а в нравственной сфере часто удивительно глупы. /.../ Русского влечет тьма. Меня оскорбляет их характер» [334].

Единственный русский, который всегда остается для Шкарвана светлым идеалом, – это Л. Н. Толстой. Отношения и преемственность между Шкарваном и Толстым – отдельная большая тема, здесь же мы коснемся лишь тех характеристик Толстого, которые Шкарван считает прототипическими, универ-

---

<sup>8</sup> Курсивом приведены оригинальные русские фрагменты дневников А. Шкарвана, которые не всегда соответствуют грамматике и стилистике современного русского языка (исправлена лишь орфография). Все остальные цитаты приводятся в переводе автора статьи.



сальными для всего русского народа – способности к самоотречению и мягкости: «У Толстого проявлялась та особая русская мягкость, на которую европеец просто не способен, как мне кажется» [453]. Способности же Толстого к самоотречению посвящены многие размышления Шкарвана, интерпретирующего ее на фоне христианских принципов.

С течением времени в характеристике русских как народа появляется все больше положительных черт: «...во многих русских есть много несозревшего, неприятного, грубого, чуждого, однако не забывайте, братья, что это все-таки русские, сыновья великого и благородного народа, гениального и доброго, жертвенного, /.../ которому чужда мелочность» [451]; «Русский – доверчивый человек, большого зла ни в ком не подозревает, с радостью поможет» [453]. Часто положительные характеристики высказываются по контрасту к критике поведения словацкой интеллигенции: «Мне стыдно за наших словаков, глядя, как пренебрежительно и свысока, не по-братски и недостойно они думают о русских эмигрантах и обращаются с ними» [450]. Однако в последние годы жизни Шкарван начинает идеализировать русский народ, возвышая его почти до уровня своего кумира Толстого – как в обыденных проявлениях, так и в философских обобщениях: «Даже самому Канту не хватило смелости вцепиться ни в империю и государство, ни в церковь и бюрократию. На сцену должны были выйти полуварвары, но ничем не связанные, свободные и смелые в своих мыслях и чувствах славяне, а именно русские, которым не импонировала западная культура и которые своим чистым пронизательным взором смогли увидеть реальность, утаиваемую и не замечаемую Западом. Прежде всего своей безоглядной самокритикой русские открыли новый мир, о котором Европа доселе не слыхала. Русские достигли такой глубины души человеческой, о которой европейцы даже понятия не имели» [496].

Отношение к русским обусловлено взглядами Шкарвана, его приверженностью к учению Л. Н. Толстого. Характерно, что – вопреки идейной полемике с Толстым и критическим высказываниям о его общественно-политической деятельности – русский писатель неизменно остается для Шкарвана духовно-нравственным идеалом и воспринимается как носитель самых положительных качеств русского народа, как лучший его представитель.

### **3.2. Словаки**

К рассуждениям о словацкой ментальности Шкарван возвращается постоянно, что естественно для патриота, вынужденного эмигрировать в период подъема национально-освободительного движения и ожесточенных споров по «словацкому вопросу», когда решалась судьба международного признания словаков как нации или причисления их к чехам как придатка – экономического, культурного и языкового. Сам Шкарван, правда, понятия «патриот» не признает и себя таковым не считает.

В характеристике родного народа у Шкарвана переплетаются критический самоанализ и романтическая идеализация. То он говорит, что «к нам в Словакию будут приезжать учиться культуре, ибо пребогато сердце словака» [272],



то указывает на «дрожущий характер» словаков [354], то подчеркивает их завистливость: примечательно высказывание о том, что выдающемуся человеку, который во всем на голову выше своего окружения, «с радостью срубили бы голову, чтобы сравнять его с собой» [266]. Сам он также рефлексирует по поводу зависти, пытаясь разобраться, откуда она берется: одна из его дневниковых записей озаглавлена «Почему чувство зависти?» [326]. Дневники Шкарвана подтверждают, что зависть занимает одно из центральных мест в национальном автостереотипе словака: хотя эта черта стала предметом научных исследований относительно недавно [MATIOVÁ 2016, КОРИНА 2019], она ярко прослеживается в словацкой литературе и публицистике и постоянно проявляется как в бытовом общении, так и в материалах печати, национального корпуса словацкого языка, соцсетей и интернета [обзор см.: КОРИНА 2019].

Особенно интересны пассажи, в которых Шкарван сравнивает словаков с русскими, поскольку именно в них становится очевидной его иерархия ценностей. То, что для русского – верность идее и героизм, для словака Шкарвана – тупое упрямство и слепой фанатизм. Положительно преподносятся словацкие податливость и лояльность, которые в глазах русского скорее были бы оценены как угодничество и бесхребетность. С точки зрения цельности характера словаки предстают в глазах Шкарвана более глубокими и последовательными натурами, в отличие от склонных к крайностям, нестабильных русских. Даже недостатки словаков, преподнесенные в контрасте с ментальностью русских, у Шкарвана превращаются в достоинства:

«В словацком характере намного превышает все остальное эгоизм, однако наши легендарные мужество и скромность укрощают этого хищника настолько, что он и близко не выглядит столь опасным и противным, как альтруизм русских вкупе с отсутствием чувства меры, бестактностью и их татарским произволом» [174].

«Набожность русского всенепременно аскетична. Словак, будучи не менее набожным и самоотреченным, чем русский, не знает аскетизма. Это признак большего совершенства, большей тонкости духовного характера у словака» [242].

«Особенная и редкостная черта словака – детскость его характера, свойство во многих смыслах более ценное, чем мудрость» [265].

«Словак не может совершить подвиг лишь ради чистой истины, будучи инстинктивно чрезвычайно осторожным к неправости (zu allen Unächten); такие поступки, как отправиться в Сибирь за два пальца, совершить самосожжение ради паспортов и бесконечная череда подобных героических деяний, которыми Русь издревле и по сей день так богата, словацкой душе совершенно чужды. Развитие словака в его продвижении к истине совершенно иное, нежели у русского, оно несравнимо более мягкое, скромное и скрытое. Однако убедиться в том, что оно является качественно гораздо более ценным, можно, если посмотреть на тех и других и сравнить практику жизни, то есть жизни частной и повседневной. Меня всегда удивляли грубость, неотесанность, славянская неуклюжесть русских в начинании и решении христианских вопросов. Русские нашумят, нагрянут, набедокурят, все испортят, а если и сделают, то,



боже мой, как безвкусно это сделано там, где словак только раз присмотрится, стукнет молотком – и оно уже держится на века!

Никто не работает с такой огромной избыточностью и потерей сил, материала и времени, как русские. Русский только тогда человек, когда он освободится от 95% своей русскости» [252–253].

Именно благодаря (или вопреки?) большей исторической «униженности и оскорбленности» Шкарван видит у словаков гораздо больший потенциал духовного развития по сравнению с русскими: «Словак вследствие своей мягкости, скромности и боязливости не умеет и не может бороться с препятствиями, поэтому ему остается только одно – подняться до такой высоты духа, где все препятствия сами собой отпадут, к чему у него есть большие предпосылки от Бога» [250]. В этом смысле Шкарван считает преимуществом отсутствие у словаков патриотизма как национального качества, причем и здесь проводит параллели между разными славянскими народами: «Словак – не националист и не патриот, слава Богу! Словак слишком добр, чтобы быть патриотом. Патриотизм – эгоистичный, недоброжелательный, нечеловечный и абсолютно нехристианский. Непатриотичность – характерная особенность словацкой души. Русские – тоже не патриоты, однако, кажется мне, не на такой чистой основе, как словаки. Все остальные славянские народы – чехи, поляки, сербы, хорваты, черногорцы – патриоты и гордятся своим патриотизмом, готовые во имя его *на драку и смерть*. Словакам нечего бояться, стесняться или стыдиться этого кажущегося недостатка, который на самом деле является достоинством» [469]. С точки зрения Шкарвана патриотизм несовместим с истинным христианством, в котором любовь и все помыслы человека должны быть обращены лишь к Богу – без остатка. И в этом аспекте словаки имеют, по его мнению, значительное преимущество перед другими народами, поскольку для обращения к Богу им не придется подавлять в себе патриотизм, которого у них нет.

С одной стороны, прожив более 20 лет в Словакии, на протяжении которых я целенаправленно собирала материалы о ментальности и языковой картине мира словаков, а с другой стороны, изучив дневники Альберта Шкарвана, позволю себе сделать вывод, что словацкий «дрожащий характер» проявился даже в определении Шкарваном христианской миссии словацкого народа: перевозно моральные качества словаков и неоднократно повторяя, что у них есть все предпосылки «возвыситься к Богу», ибо «народ наш имеет к тому особые способности, имеет к тому талант, имеет к тому хороший фундамент в своем долгом историческом опыте покорности, добродетели и честного трудолюбия» [472], он тем не менее не отваживается назвать словацкий народ богоизбранным, а его предполагаемую роль – великой миссией, хотя на это и намекает. Не зря сами словаки называют себя «кротким», «голубиным» народом – такая самопрезентация присутствует на всем протяжении словацкой истории и часто встречается в художественной литературе (ср. [PEKAROVIČOVÁ 2000, URBANCOVÁ 2012]). Образ словацкого народа как кроткой овечки Альберт Шкарван иронически воплотил в одном из своих афоризмов: «Овца нужна

для того, чтобы волк разодрал ее и сожрал – думает волк и злится на нее за то, что она не разделяет его мнения» [468].

Есть у него и резкие самокритичные высказывания, как, например, в записи от 13.03.1901: «Я чрезвычайно склонен критиковать, строго судить людей, оклеветывать их. Хотя я и делаю это не со злого умысла, но все-таки делаю, и мне тяжело от этого отвыкнуть. **Это у словаков в крови**» [240, выделение наше – Н. К.].

Отдельная тема, красной нитью проходящая через дневники – проблема алкоголизма, в которой Шкарван видит угрозу будущему словацкого народа: «Алкоголь – та цепь, на которой водят рабов, тот аркан, который бросают людям на шею, чтобы они лишились своей свободы. /.../ Алкоголь – в сотни и сотни раз более опасный враг Словакии, чем мадьяризация» [267].

В последний год жизни Шкарван сделал запись, которую потом перечеркнул и поместил на полях примечание, что надо бы выразиться более аккуратно: «Народ, в котором я рожден и к которому принадлежу, словацкий народ, живущий – хочется мне сказать – в центре Европы, является настолько беспримерно отсталым и в своей отсталости настолько убаюканным и удовлетворенным, что просто срам! Самый фанатичный, средневековый, черный католицизм, ортодоксальное лютеранство, наивный гурбановский панславизм, обильно политый самогоном, вином и пивом, – это духовный уровень словаков! Не стыд ли это, не унижительная ли душевная болезнь именно сегодня, когда даже негры уже давно проявляют более высокое чувство культуры, не позорно ли быть настолько необразованным народом? Никаких значимых усилий к обновлению, никакой тоски по европейской культуре, никакой жажды высшей духовной жизни, а наоборот – консервация отживших взглядов, защита, как от злой простуды, от любого влияния современных мыслей и направлений» [481–482]. Однако подобных высказываний у него очень и очень немного...

### 3.3. Чехи

Примечательно, что «братский» чешский народ Шкарван ставит на одну доску с имперскими гегемонами его времени – немцами<sup>9</sup> и венграми, которые несмотря на призыв к христианской любви классифицируются как враги: «Любите врагов ваших, то есть немцев, чехов, венгров...» [353]. Причин тому множество, однако их перечисление с объяснением специфики ситуации потребовало бы отдельной статьи<sup>10</sup>, поэтому мы ограничимся цитатами из дневников Шкарвана с минимальными необходимыми комментариями.

Наиболее емко суть проблемы чешско-словацких отношений выражена в следующем высказывании:

«Чехам было у себя тесно, они были голодны, поэтому они сознательно и сложным путем прибрали к рукам Словакию. Это лишь лицемерные фразы,

<sup>9</sup> Характерно отсутствие различия между немцами и австрийцами – они воспринимаются как один народ.

<sup>10</sup> Интересующихся отсылаем к соответствующим энциклопедическим и историческим источникам по истории и взаимоотношениям Чехии и Словакии. В общем плане сравнение развития государств см. [KUŠEROVÁ 2015].



когда они говорят, что хотели освободить словаков. Под этим лицемерным предлогом сильные всегда прибирают к рукам слабых. Мы были для них наиболее легкой добычей, поэтому они выбрали нас» [380].

Характерно и то, в каких случаях Шкарван пользуется чешским языком в своих дневниках: чаще всего он приводит чешские общественно-политические лозунги и популярные высказывания только для того, чтобы подвергнуть их уничижительной критике. Вот одно из таких высказываний:

«Нас, словаков, привыкли (особенно чехи) жалеть как бедный народ, но такую нищету, какая ходит по пражским улицам, у нас в Словакии ни один нищий даже представить себе не может. У нас бедность и нищета совершенно не являются отверженными у народа; наша бедность в целом достойна, набожна и часто высоко нравственна, а изгоями у нас являются, скорее, те богатые псевдообразованные люди, на которых обычно указывают как на тех, стараниям которых нужно следовать. Нашему народу чужды лозунги типа «V bohatstve sila», «svůj k svému»<sup>11</sup> и т. п. /.../ Бедность в Словакии – истинное украшение человека и не имеет ничего общего с чешской «голытьбой» и несчастными обитателями уайтчепельских ист-эндских трущоб<sup>12</sup>» [244–245].

Шкарван всячески подчеркивает меркантильность чехов, их ориентацию на материальные ценности и скептицизм в вопросах культуры, в связи с чем иронически замечает по адресу своего друга Душана Маковицкого, не понявшего истинного масштаба толстовского гения, что он «...настоящий чехословак /.../, воспитанник Праги, а потому с неразвитым чувством мировой гениальности...» [485]. Шкарван корит чехов и за патриотизм, который считает явлением ярко социальным и поэтому несовместимым с христианством: «Патриотизм – это тяжелая и опасная болезнь, заблуждение, которым чехи охвачены больше, чем наши словаки» [357].

«Чехи любят козырять прошлым Чешских братьев в своей истории. Им есть чем гордиться, однако нынешние чехи забывают, да и не хотят знать то существенное, на чем было основано братское движение: Хельчицкий отвергал войну, он отвергал суды и принцип насилия, т. е. все то, на чем была основана и зиждется до сих пор власть церкви, на чем основывались и основываются по сей день господствующие классы человеческого общества. Чешское братство было учением *par excellence* антигосударственным /.../ в том смысле, что христианин сам может разумным и добрым путем, без какого бы то ни

<sup>11</sup> «В богатстве сила», «свой к своему» (чеш.).

<sup>12</sup> Район Уайтчепел (Whitechapel), находящийся в центре лондонского Ист-Энда, был в XIX в. нищим криминальным кварталом, в котором процветала проституция и который стал печально известен в истории – именно там орудовал серийный убийца Джек-Потрошитель. Нищета в нем была вопиющей. В другом месте Шкарван развивает эту идею, говоря, что словацкую бедность по сравнению с западной (английской и американской) можно назвать богатством, потому что «у нас никто, даже последний нищий, не теряет связи с природой и людьми, т. е. не лишен нравственных основ жизни, как у них. У них нищета действительно страшна, у них нищий всеми отвержен, он изгой общества, а у нас именно в нищете живет дух Божий» [274].



было насилия организовать все свои частные и общественные дела. С христианской идеей не может сравниться не только габсбургская власть, но и как раз-таки наша нынешняя чехословацкая республиканская, о чем, конечно, наши коммерчески ориентированные патриоты даже слышать не желают» [376].

Окончательный «приговор» чехам Шкарван вынес в конце 1925 года, суммировав свои наблюдения над Первой Чехословацкой Республикой, в которой ему довелось прожить 8 лет:

«Чехи разочаруются в своей республике. И культ Масарика тоже закончится. Обе эти вещи – лишь игрушки, на которые жаль было тратить столько труда и энергии. То, что они сейчас делают, – это не прогресс, а регресс, отсталость. Лишь времена Гуса и Чешских братьев, могучий почин Хельчицкого – действительно значительные и великие факты в истории чешского народа. Они это правильно чувствуют, однако все еще не могут понять всю глубину и важность той эпохи. Сегодня это для них лишь исторический декор, они полагают, что их нынешнее положение – нечто более высокое. Однако действительность такова, что **нынешние чехи мертвы, потому что они живут только материальным и государственным, у них нет ведущего идеала** (выделение наше – Н. К.). Тот путь, на котором чехи сегодня стоят и по которому идут, – это дорога в неизвестное, они не знают, куда она ведет. Идти по этому пути – сумасшествие» [448].

Единственный чех, о котором Шкарван неизменно отзывается с глубочайшим уважением, – это младший современник Яна Гуса, основатель движения Чешских братьев Петр Хельчицкий, который был своего рода идейным предшественником Толстого и еще 500 лет назад «провозглашал великий принцип Христа: не отвечать насилием на насилие», хотя этот принцип «был настолько чужд и далек для жестокого средневековья, что был сочтен за наивный и глупый и не воспринимался серьезно» [332], и это было единственной причиной, почему Хельчицкий, в отличие от Гуса, не вступил в серьезный конфликт с властью. По крайней мере, так это выглядит в интерпретации Шкарвана.

### 3.4. Сербь

Сербов Шкарван упоминает в основном в связи с началом и эскалацией Первой мировой войны в их противостоянии армии Венгерской Короны, однако неизменно подчеркивает их самоотверженность и героизм. С точки зрения венгерских монархистов сербы были бунтарями и предателями и воспринимались однозначно как враги, однако простые венгры, так же, как и словак Шкарван, который работал врачом в венгерской провинции, по-человечески сочувствовали сербским пленным, а некоторые представители венгерской интеллигенции им симпатизировали.

«Первый раз в жизни я встретил венгра, эгерского адвоката Шандора Бабочай, который вопреки тому, что он истинный патриот и чистый венгр, очень объективно, правдиво и честно оценивал ситуацию в стране. Резко и четко он сказал, что демарш сербов против монархии был безрассудным вызовом, вынужденным предлогом к войне и беспримерным унижением, что победа сер-



бов над монархией принесет им вечную славу, что народы в Венгрии угнетаются, и это несправедливо с политической и человеческой точек зрения, а потому должно радикально измениться и т. д.» [327].

Как наиболее яркие черты сербского народа преподносит Шкарван национальную гордость и патриотизм, иллюстрируя это случаем, рассказанным очевидцем – венгерским офицером. Когда в Новом Саде судили группу сербских военных, среди пленных была необычайной красоты девушка, которую судили за то, что она с балкона бросила на гусарского офицера гранату. Судьи пытались сохранить красавице жизнь и подсказывали ей, что нужно говорить, чтобы ее освободили, задавая наводящие вопросы – в частности, что она это сделала ненамеренно, что, возможно, гранату с балкона бросил кто-то другой и т. п. Но девушка решительно отвечала, что она намеренно бросила гранату, потому что венгры очень жестоко обращались с сербами. Финал этой истории Шкарван передает с явной симпатией к стойкости и непреклонности сербской девушки: «Тогда судья сделал последнюю попытку спасения и спросил у нее: „Вы были очень возбуждены, правда? Кто-то принуждал вас, и теперь вы сожалеете о содеянном и никогда ничего подобного не совершили бы?“ „Если бы мне из-за этого пришлось не раз, а десять раз принять смерть, десять раз я снова сделала бы это,“ – ответила девушка. После этого ее повесили – так же, как и остальных» [323]. Конечно, в ситуации войны трудно ожидать симпатий в противостоящих лагерях, но в человеке всегда сохраняются человеческие чувства, которые проявляются даже в самые напряженные моменты. Только в данном случае это ситуацию не изменило. К сожалению, наиболее жестокие конфликты всегда случаются между соседями, которым всегда есть что делить...

Как и в последнем примере, характеристика славян часто дается у Шкарвана через отношение к ним венгров, среди которых он жил и работал, и чаще она бывает отрицательной, особенно по отношению к славянам-военнопленным. Стоит, однако, отдать должное философскому подходу Шкарвана, который в историческом противостоянии венгров как народа правящего и словаков как народа угнетенного не видел никакого смысла, как и в любом другом общественном противостоянии: «Источник и причины рабства людей скрыты в них самих, а не вовне их, не в других людях, поэтому глупо, когда социалисты злятся на капиталистов, а капиталисты на социалистов; глупым был гнев словаков против венгров. /.../ Раб и тиран – всего лишь два конца одной палки, и раб так же виновен в рабстве, как и деспот...» [336].

#### **4. Заключение**

Из рассмотренных характеристик славянских народов следуют, с одной стороны, активный интерес Шкарвана к судьбе славянства и вера в его христианское предназначение, а с другой стороны, критически-недоверчивое отношение к ближайшим соседям – чехам и неоднозначное отношение к русским, в котором сочетаются восхищение их великодушием и смелостью и возмущение их грубостью и склонностью к крайностям. В меньшей степени, но с большой симпатией представлены сербы, с которыми у Шкарвана практически не



было личных контактов. Образ собственного народа – словаков – получается у Шкарвана скорее критическим, чем хвалебным, однако даже критические замечания у него оправдываются высокими моральными качествами словаков, в которых он абсолютно убежден.

Получается чрезвычайно любопытная картина: говоря открытым текстом о боязливости, неспособности бороться, излишней податливости, эгоизме и клеветничестве словаков, Шкарван извиняет их, подчеркивая, что им от Бога даны способности к духовному развитию и внутреннее достоинство. Характеризуя русских как людей талантливых, смелых, умных, Шкарван тем не менее порицает их за максимализм, грубость и непредсказуемость. Напрашивается вывод: свой народ Шкарван оценивает на уровне чувств, а чужой – на уровне разума. Применительно к своему народу разумная, сознательная оценка вторична, и это неудивительно: человеку тяжело объективно и отстраненно воспринимать то, к чему он непосредственно причастен, в чем живет. Дневники Шкарвана уникальны как раз тем, что он не только делает такую попытку объективной оценки, преодолевая свои эмоции, но и пытается в христианстве найти общий знаменатель для столь разных народов: «Все люди никогда не уравнились бы между собой, лишь любовь к Богу может сделать равными всех» [241].

Альберт Шкарван, живший в нескольких государствах при разных режимах, с течением времени все более укреплялся в своем христианском мировоззрении, что вылилось у него под конец жизни в яркий призыв: «Давайте не будем смотреть на то, каковы другие вокруг нас, посмотрим лучше на то, какими должны быть мы сами без оглядки на других. Другие люди по сути своей такие же, как мы – хрупкие, хорошие и плохие. Давайте же все помогать друг другу, служить примером – ведь все мы ничтожны и нужны друг другу. Давайте не будем делиться на таких и сяких, на чехов и словаков, евреев и венгров, человеческих и бесчеловечных. Все мы люди, так будем же все братьями!» [336]. С общечеловеческой точки зрения этот призыв актуален всегда.

Образы славянских народов, которые мы попытались воссоздать по дневникам А. Шкарвана, закономерны не только с исторической, но и с культурной точки зрения. Независимо от личных взглядов автора они получились такими потому, что кроме факторов общественно-политического и культурного доминирования других народов над словаками в разные периоды истории (что, естественно, воспринималось отрицательно), сложившиеся у Шкарвана мнения во многом обусловлены самим словацким менталитетом, для которого характерны недоверие и критический подход ко всему – и своему, и чужому, а также вездесущая зависть, о которой уже говорилось выше. Указанные черты словацкой ментальности сформировались, как нам представляется, именно в силу длительной угнетенности народа, поскольку данный тип менталитета характерен для этносов с подобными историческими судьбами – особенно если народ веками не имел своей государственности. В этом кроется, по всей видимости, и причина настороженного отношения словаков к чехам, которые постоянно подозреваются ими в стремлении использовать словаков в своих



интересах. «Комплекс младшего брата» – частое явление у генетически и исторически близких народов, которое можно проследить на всех уровнях жизни этноса, в том числе языковом. Дневники А. Шкарвана это подтверждают.

Рассмотренные фрагменты – лишь часть обширного литературно-полемического наследия А. Шкарвана, однако по ним можно составить представление об общественно-политической и духовной жизни в Европе рубежа веков и о восприятии представителями словацкой интеллигенции остальных славянских и других европейских народов. Эти ценные материалы заслуживают более глубокого изучения, что является нашей целью в ближайшем будущем.

#### **Источник:**

ŠKARVAN, A. 2019: Denníky 1896–1926. Na vydanie pripravil Augustín Maťovčík. Martin: Slovenská národná knižnica [The Diaries 1896–1926].

#### **Литература:**

КОРИНА, Н.Б. [KORINA, N.] 2018: Интерпретация толстовской философии в дневниках словацкого толстовца Альберта Шкарвана // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Том 1. [Interpretation of Tolstoy's philosophy in the diaries of Slovak Tolstoy Albert Škarvan // Humanity news of TGPU. Part 1] 2018/3: 135–150. DOI 10.22405/2304-4772-2018-1-3-135-150.

КОРИНА, Н.Б. [Korina, N.] 2019: Аксиологическое значение зависти в словацко-русском сопоставлении // Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowianów i ich sąsiadów: Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej aksjofery. Band 6. Eds. S. Niebrzegowska-Bartmińska, D. Pazio-Wlazłowska. Lublin: UMCS [Axiological meaning of the concept envy in Slovak language in comparison with Russian // The values in the language and cultural worldview of the Slavs and their neighbors. Eds. S. Niebrzegowska-Bartmińska, D. Pazio-Wlazłowska. Lublin: UMCS] 359–372.

КОРИНА, Н.Б. [Korina, N.] 2022: Картина мира словацкого толстовца Альберта Шкарвана // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира X. Москва–Северодвинск: Северный (Арктический) университет [The worldview of Slovak Tolstoy Albert Škarvan // Problems of reality's conceptualisation and language worldview modelling X] 96–109. DOI 10.52376/978-5-907419-66-7.

ТУГУШЕВА, Р.Х. [TUGUSHEVA, R.] 1998: О взаимодействии чешского и словацкого языков в период образования литературного словацкого языка (на материале частной переписки) // Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. Москва: Российская академия наук, Институт славяноведения [On the intercourse of the Czech and Slovak languages in the period of the formation of the Slovak standard language (according to the data of private correspondence) // Slavic standard languages in the epoche of national renaissance. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Slavic Studies] 167–176.

KOLAFA, Š.J. 1969: Albert Škarvan o slovenské otázce v knize „Slováci“ // Literárny archív 1969. Martin [Albert Škarvan about the Slovak question in his work “The Slovaks” // Literary archive 1969]: 177–235.



- KORINA, N. 2021: Význam Denníkov Alberta Škarvana pre výskum multilingválnej osobnosti // *Slavica Nitriensia. Časopis pre výskum slovanských filológií* [The importance of the Albert Škarvan Diaries for the study of multilingual personalities // *Slavica Nitriensia. A Journal of the Slavic Studies*] 2021/2: 16–31.
- KUČEROVÁ, I. 2015: *Střední Evropa. Komparace vývoje středoevropských států*. Praha: Karolinum Press [Central Europe. A comparison of the development of Central-European states].
- МАТЮВÁ, М. 2016: *Obrazné prostriedky v masmédiách (z aspektu kognitívnej lingvistiky)* Nitra: FF UKF (dizertácia Ph.D.) [Means of expression in the mass media (from the point of view of the cognitive linguistics). Nitra: FF UKF (Ph.D. Thesis)].
- МАТЮВЧИК, А. – CHMEL, R. 1977: *Život je zápas. Vnútorná biografía Alberta Škarvana*. Martin: Osveta [Life is a battle. Internal biography of Albert Škarvan. Martin: Osveta].
- МАТЮВЧИК, А. 2014: *Svedectvo denníkov o osudoch Alberta Škarvana* // *Biografické štúdie* 37. Martin: Slovenská národná knižnica – Národný biografický ústav [The diaries' witness about Albert Škarvan's destiny // *Biographical studies* 37] 52–80.
- МАТЮВЧИК, А. 2017a: *Albert Škarvan a Svetozár Hurban Vajanský* // *Biografické štúdie* 40. Martin: Slovenská národná knižnica – Národný biografický ústav [Albert Škarvan and Svetozár Hurban Vajanský // *Biographical studies* 40] 58–61.
- МАТЮВЧИК, А. 2017b: *Denníkové zápisy Alberta Škarvana z ostatných rokov života (1924–1926)* // *Biografické štúdie* 40. Martin: Slovenská národná knižnica – Národný biografický ústav [The Albert Škarvan's diary notes from his last years (1924–1926) // *Biographical studies* 40] 89–149.
- PEKAROVIČOVÁ, J. 2000: *Budovanie reálneho obrazu Slovenska. Strasti a slasti prezentácie nášho jazyka v zahraničí* // *Slovo* [Creating a real picture of Slovakia. Sorrows and joys of the presentation of our language aboard // *The Word*] 2000/2–43: 10.
- URBANCOVÁ, L. 2012: *Rozvoj kultúrnej kompetencie pri výučbe slovenčiny ako cudzieho jazyka* // K. Jarzabek, A. Ruttar, S. Sojda (eds.). *Spotkania między kulturami. Tom II. Językoznawstwo. Glottodydaktyka*. Katowice: Gnome [The development of cultural competence by the learning Slovak as Foreign Language // K. Jarzabek, A. Ruttar, S. Sojda (eds.). *Intercultural meetings. Part II. Linguistics. Glottodidactics*]: 217–225.

Наталья КОРИНА  
Институт славистики Венского университета  
Вена, Австрия  
natkis2007@yandex.ru  
ORCID 0000-0002-2809-1480



**НАУЧНЫЕ КРИТИКИ**

**SCIENTIFIC CRITICISM**

**WISSENSCHAFTSKRITIK**

Ильдико РЕГЕЦИ

**ВЗАИМОСВЯЗИ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ФИЛОСОФИИ:  
СОПРИКОСНОВЕНИЯ ПОЭТИКИ РУССКИХ И ВЕНГЕРСКИХ АВТОРОВ****Interferences in the Field of Literature and Philosophy:  
Contact Points in the Poetics of Russian and Hungarian Authors****Dukkon Ágnes: A veszélyes szépség útjain. Eszmék, témák, kapcsolatok a klasszikus orosz irodalom világában. Bp., L'Harmattan Kiadó – Uránia Ismeretterjesztő Társulat, 2021. 358 pp. ISBN: 978-963-414-702-2****Annotation**

The Hungarian literary scholar Ágnes Dukkon set herself a great task to complete in her new monograph by undertaking to offer a broad overview of the entire 19th century epoch of Russian literature through monitoring the transformation and evolution of the literary motive of *dangerous beauty* [ужасная красота]. While focusing on the concrete correspondences between a variety of literary worlds, the study presents interpretations of works by A.S. Pushkin, M.Y. Lermontov, F.I. Tyutchev, N.V. Gogol, I.S. Turgenev, F.M. Dostoyevsky, M.Y. Saltikov-Shchedrin, N.S. Leskov, and L.N. Tolstoy. At the same time, however, the author of this monograph never fails to keep in mind the conceptual context of the artistic texts by analyzing their relationship with the topical contemporary philosophical ideas of the age. For the Hungarian readers, the chapters incorporating the conclusions of research aimed at Russian–Hungarian connections, conducted with the methodology of historical poetics, comparative literary studies, intertextuality, and biographism, are of special interest. The scholarly findings of this renowned researcher would definitely deserve to be translated in the future into an international language.

**Keywords:** *the literary motive of “dangerous beauty”, classic Russian literature, conceptual context, Russian-Hungarian connections, the reception of Russian culture in Hungary*

Заглавие новой монографии венгерской литературоведки Агнеш Дуккон, «A veszélyes szépség útjain» («По путям ужасной красоты»), ставит в центр внимания один мотив – мотив *ужасной красоты*, взятый из поэмы М.Ю. Лермонтова *Измаил-Бей*, и следит за процессом оформления и трансформации данного мотива. Но подзаголовок книги – «Eszmék, témák, kapcsolatok a klasszikus orosz irodalom világában» («Идеи, темы, связи в мире классической русской литературы») – в то же время расширяет эту тематику и намекает на то, что в книге одновременно вырисовывается и тот философский и литературный контекст, на основании которого анализируемые в монографии произведения русской литературы XIX века связываются мотивной нитью *ужасной красоты*. Из классической литературы в работе идет речь о поэтике А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева,



Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова и Л.Н. Толстого. Как видно из перечисления, литературный интерес автора монографии, по сути, охватывает весь XIX век. Такое предприятие под силу только литературоведу, который, как Агнеш Дуккон, подводит итоги нескольких десятилетий, проведенных в сфере притяжения русской культуры, исследуя и преподавая явления классического наследия русской литературы.

Первая часть монографии анализирует произведения представителей эпохи романтизма. Внимание автора концентрируется на взаимосвязях творческих миров Пушкина и Овидия, Пушкина и Байрона, русских классиков и венгерского поэта Яноша Араня. Связи образуются на основе соприкосновения конкретных образов, схожих используемых фольклорных мотивов или жанровых особенностей. В.М. Жирмунский – на которого ссылается и Агнеш Дуккон, касаясь темы романтической поэмы, – трактуя вопрос литературных отношений Востока и Запада, пишет, что «при конкретном сравнительном анализе исторически сходных явлений в литературах различных народов вопрос о стадийно-типологических аналогиях литературного процесса неизбежно перекрещивается с не менее существенным вопросом о международных литературных взаимодействиях» [ЖИРМУНСКИЙ 1979]. Автор монографии в своих интерпретациях ходит по этому же пути, когда, исходя из типологических особенностей, не останавливается на выявлении совпадений, а ищет ответа также на вопрос возможных взаимодействий, направления процесса влияний. Таким образом, в глубине параллели двух поэтических миров часто обнаруживается влияние служащего примером литературного или философского явления, считавшегося определяющим во время романтизма. Как, например, в случае системы лирических образов начала XIX века, на которую, как Агнеш Дуккон убедительно доказывает, повлияли мысли немецкого философа Ф. Шеллинга. Принципы объективно-идеалистической диалектики природы как живого организма, бессознательно-духовного творческого начала оказали влияние на самые разные поэтические типы, как, например, на Жуковского, Тютчева или венгерского поэта Михая Верешмартти. Литературный ряд продолжается тем, что поэтические образы Жуковского и Тютчева, то есть знаковая система (пре)романтизма, вдохновляют Гоголя. Пейзажные картины цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» венгерская литературоведка интерпретирует в контексте фантастических, находящихся на грани (сно)видения и яви ночных пейзажных картин стихотворений Тютчева.

Выделяется из ряда анализов глава, в рамках которой трактуются «подземная география» и роль хтонических мотивов в ранних произведениях Гоголя. Агнеш Дуккон раскрывает интерес писателя к вопросам географии и геологии, и в то же время показывает, в каких точках писательский интерес соприкасается с мирами мифологии и психологии. Она устанавливает, что в формировании мышления Гоголя играли большую роль пафос стремления к научному познанию цельности и универсальности мира, пропитанное философией и поэзией естествознание, не менее насыщенная романтическим пафосом ре-

лигиозность, а также интерес к мифу и традиции, то есть тем, научная и художественная проработка которых приобретает широкий размах именно в период романтизма. Свой вывод исследовательница аргументирует примерами, взятыми из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» (из произведений «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота» и «Страшная месть»), в которых картины «подземной географии» связываются или преобразуются в явления мира фольклора и мифологии с помощью хтонических мотивов.

С точки зрения монографии, повесть «Страшная месть» интересна не только тем, что в ней реалистичные пейзажные картины становятся фантастическими, мифическими, что характерно и для темного направления европейского романтизма, и для народной поэзии, а также тем, что на мотивном уровне повесть перекликается с былинным эпосом о богатыре-великане Святогоре и, в то же время, с венгерской поэмой (малым эпосом) Михая Верешмарти «Два соседних замка». Исследования Агнеш Дуккон показывают, что эта последняя перекличка основывается на сходных поэтических решениях авторов, на скрещении исторического и легендарного, циклического и линейного временных пластов. Внимательный анализ явлений разных временных слоев, сюжета, строящегося в обоих произведениях на напряжении между сферами неба и земли, приводит к выводу, что ранние произведения Гоголя не являются частью его творчества, четко отделяющейся от его дальнейших прозаических текстов (как, например, от цикла «Петербургские повести» или поэмы «Мертвые души»), а органично связаны с более поздними произведениями, в которых также тематизируются темные тени, угрожающие существованию человека.

Следующая часть монографии исследует вопрос восприятия понятий романтизма и реализма. Автор обращает внимание читателя на метафору  $2X2=4$  vs  $2X2=5$ , которая появляется в переписке Белинского и Тургенева в 40-х годах, а потом продолжает свой «литературный путь» в повести Достоевского «Записки из подполья» в 60-х годах. Агнеш Дуккон, исходя из данной формулы, следит за формированием темы символического противопоставления реализма и романтизма, рациональной и иррациональной сфер, которая пронизывает и поэтику Тургенева, таким образом предлагая идеологический подход к его произведениям. Как убедительно доказывает автор монографии, идеи мыслителей современной писателям эпохи представляют собой духовную среду, с которой художник часто вступает в диалог – иногда даже бессознательно, под влиянием общей идеологической атмосферы. Интерес Агнеш Дуккон концентрируется на таких соприкосновениях, при которых открытие параллелей углубляет восприятие художественного творения, когда с помощью раскрытия связей философских и литературных явлений становятся ясными новые слои значения – как, например, в случае параллелей романа Лермонтова «Герой нашего времени» и философского труда С. Кьеркегора «Дневник соблазителя». Тема связи романа русского писателя с трактатом датского философа не является новой в литературоведении: взаимоотношения образа Печорина и вымышленного автора Йоханнеса уже рассмотрели такие



исследователи, как А. Сарафанова [САРАФАНОВА 2006: 225–237], В. Перемилловский [ПЕРЕМИЛОВСКИЙ 1941], В. Мильдон [МИЛЬДОН 2002] или авторы Н. Тетенков и В. Лашов [ТЕТЕНКОВ–ЛАШОВ 2010]. Однако Агнеш Дуккон предлагает нам подход, которого еще не было в специальной литературе: она ставит в центр внимания женские образы произведений, которые в результате сопоставлений проявляют свои отличия от стереотипных романтических женских фигур. Исследовательница считает, что Печорин имеет отношения с четырьмя аспектами женщины: с ундиной, символизирующей самый древний слой архетипа; с Бэлой, воспитанной среди норм племенной иерархии ценностей; с живущей по конвенциям цивилизованного общества Верой и с княжной Мери, находящейся «в преддверии познания». Из этих женщин единственная, над которой он не одерживает победу, – это ундина, то есть, как пишет автор монографии, в символическом плане герой не способен победить стихийную, естественную силу женственности. Остальные женщины, беззащитные перед игрой соблазнителя, сродни с невинными женскими образами Кьеркегора, которые, несмотря на то, что могли бы стать настоящими духовными партнерами для героя (как, например, Вера для Печорина или Корделия для Йоханнеса), остаются для него только средствами попытки поиска себя путем выхода за границы.

Остановившись на творчестве Лермонтова и, в то же время, на той части русской литературы, которая плодотворно воспринимается также с позиций экзистенциальной философии, автор монографии акцентирует внимание на поэтике Достоевского. По мнению А.И. Журавлевой, проблемы испытания и индивидуализма – как лермонтовские темы – ставятся в центр внимания в самой резкой форме в романе Достоевского «Преступление и наказание» [ЖУРАВЛЕВА: 1972]. Агнеш Дуккон, опираясь на выводы данной исследовательницы, указывает читателю на аллюзии и намеки романа, отсылающие к творчеству Лермонтова. Ключевыми мотивами интерпретации становятся дисгармоничность героев, «ужасная красота», раздвоенность, отрицательная сила и демонизм. Из этих атрибутов персонажей раздвоенность является понятием, встречавшимся и в статье В. Белинского, и в эссе Вл. Соловьева о писателе эпохи романтизма. Несмотря на разницу критиков-мыслителей и во времени, и в мировоззрении, оба считают, что в душе Печорина присутствует противоречие между ограничениями личности и жаждой бытия высшего порядка. Однако, в то время как Белинский представляет свое мнение в параллели с оформлением мыслей Кьеркегора, эти же экзистенциальные вопросы звучат у Соловьева под влиянием более позднего представителя направления экзистенциализма – Ф. Ницше. Широкий кругозор автора монографии проявляется в том, что она при анализе литературных явлений никогда не упускает из виду ту духовно-философскую среду, которая не просто является статичным «задним фоном» произведений, но с которой художественная литература очень часто ведет диалог, идеи которой много раз оплодотворяли ее. Мы вполне согласны с автором в том, что без контекста философских идей эпохи невозможно полностью раскрыть смысловой потенциал литературных произведений.

В монографии мышление античных авторов, революционных демократов, европейского и русского экзистенциализма, религиозных мыслителей рубежа XIX–XX веков или психологов Г. Фрейда и К.Г. Юнга представляются в органичном единстве с литературой и дают повод говорить о таких слоях значения произведений, которые без понимания взаимосвязи явлений духовного мира и сферы искусства остались бы скрытыми от читателей. Новые для конца XIX – начала XX веков теории упомянутых психологов ставят в совсем новое измерение в том числе и произведения Достоевского. Этот вывод верен несмотря на то, что сам писатель – как общеизвестно – дистанцировался от науки психологии. Агнеш Дуккон прибегает к конкретным, научно доказанным фактам, и анализирует взаимосвязи мыслей о бессознательном Достоевского и предшественника Фрейда – Карла Густава Каруса. Однако внимание автора монографии сосредоточено не только на совпадениях, она обращается и к тому, в чем обнаруживается разница между восприятиями «души» теоретика романтизма и русского писателя. Ведь, как мы читаем, в то время как в мышлении немецкого ученого доминирует античное учение (влияние Платона и Аристотеля), Достоевский постепенно углубляется в евангельскую антропологию. Наблюдение аналитика объясняет, почему русские религиозные мыслители, как В. Розанов, С. Булгаков, В. Иванов или Н. Бердяев, и венгерские протестантские теологи начала XX века интенсивно интересовались творчеством русского писателя. В монографии вырисовываются обе упомянутые линии: с одной стороны, исследовательница напоминает об интерпретациях вставной притчи «Великий инквизитор» романа «Братья Карамазовы» у Сергея Булгакова и Николая Бердяева и следит за процессом расширения вопроса о роли образа инквизитора в романе до космических масштабов. С другой стороны, она убедительно иллюстрирует, что поиск пути и стремление к обновлению у венгерских протестантских теологов органично связаны с их интересом к произведениям Достоевского, особенно к восприятию проблематики свободы и личности у русского писателя. С точки зрения венгерского читателя, одной из самых интересных глав монографии является та, в которой автор трактует точки соприкосновения интерпретации венгерского теолога Ласло Ватаи и теорий М. Бахтина. По мнению автора, данные совпадения объясняются общей философской основой мыслителей, то есть экзистенциализмом (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, К. Ясперс), а также трудами русских философов в эмиграции.

Оставаясь у темы венгерской рецепции, последняя часть монографии содержит статьи о деятельности переводчиков и ученых XX века, сыгравших определяющую роль в качестве посредников в знакомстве Венгрии с русской культурой: Реже Хонти (1879–1956), Шандора Бонкало (1880–1959), Дюлы Лазичиуша (1895–1957) и Миклоша Сабо (1912–2011). Значение глав биографических обзоров состоит не только в том, что автор посвящает свой труд упомянутым представителям русско-венгерских культурных связей, но и в том, что сегодняшнее поколение филологов-переводчиков видит в них примеры приверженности русской культуре в самые сложные времена мировой политики.



Суммируя наше мнение, работа Агнеш Дуккон является достойным продолжением самых значимых стремлений в области передачи классического наследия русской литературы венгерской публике. Богатство монографии невозможно передать на нескольких страницах научной критики: мы не касались темы воспитания детей у Достоевского, вопроса сатирического жанра в России (М.Е. Салтыков-Щедрин), связи искусства и религии у Н.С. Лескова и позднего Толстого, отношения этих писателей к древней русской литературной традиции и к фольклору, темы выхода из кризиса в форме спуска в сферу «субкультуры» или поиска «святой гармонии» (Вл. Соловьев), которые также являются важными главами книги. Мы считаем, что из-за высокого уровня изложения темы контактных связей двух культур и интерпретаций произведений русского золотого века работа была бы достойна издания в русском или английском переводах, чтобы с ней могла ознакомиться более широкая публика любителей русской культуры и читателей, интересующихся наиболее свежими достижениями венгерской филологии.

### Литература

- DUKKON Ágnes 2021: A veszélyes szépség útjain. Ezmék, témák, kapcsolatok a klasszikus orosz irodalom világában. Budapest: L'Harmattan Kiadó – Uránia Ismeretterjesztő Társulat.
- ЖИРМУНСКИЙ, В.М. [ŽIRMUNSKIJ, V.M.] 1979: Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения [Literaturnye otnošenija Vostoka i Zapada kak problema sravnitel'nogo literaturovedenija] <https://studfile.net/preview/9872019/> (Дата обращения: 29.03.2023).
- ЖУРАВЛЕВА, А.И. [ŽURAVLEVA, A.I.] 1972: Лермонтов и Достоевский // Известия А.Н. СССР, Серия литературы и языка [Lermontov i Dostoevskij // Izvestija A.N. SSSR, Serija literatury i jazyka], т. 31, 142–156.
- МИЛЬДОН, В.И. [MIL'DON, V.I.] 2002: Лермонтов и Кьеркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // «Октябрь» [Lermontov i Kirkegor: fenomen Pečorina. Ob odnoj russko-datskoj paralleli // «Oktâbr'»] № 4: 177–186.
- ПЕРЕМИЛОВСКИЙ, В.В. [PEREMILOVSKIJ, V.V.] 1941: Лермонтов. Харбин–Прага [Lermontov. Harbin–Praga].
- САРАФАНОВА, А. [SARAFANOVA, A.] 2006: О силе «мертвой буквы» (Комментарии к Дневнику обольстителя) // Кьеркегор, С.: Дневник обольстителя, пер. с дат. П. Ганзена. Санкт-Петербург. [O sile «mërtvoj bukvy» (Kommentarii k Dnevniku obol'stitelâ) // K'erkegor, S.: Dnevnik obol'stitelâ, per. s dat. P. Ganzena. Saint-Petersburg] 225–237.
- ТЕТЕНКОВ, Н.Б. – ЛАШОВ, В.В. [ТЕТЕНКОВ, N.B. – LAŠOV, V.V.] 2010: Кьеркегор и Лермонтов: образ рефлексирующего героя // Философия и общество [K'erkegor i Lermontov: obraz refleksiruûšego geroâ // Filosofija i obšestvo] № 4 (60) 90–100.

Ильдико РЕГЕЦИ  
Дебреценский университет  
Институт славистики  
Дебрецен, Венгрия  
regeczi.ildiko@arts.unideb.hu  
ORCID 0000-0001-8901-510X



Лайош ПАЛФАЛЪВИ

**ПИСАТЕЛИ-ЭМИГРАНТЫ ИМПЕРИИ**

**The Emigré Writers of the Empire**

**Другие берега русской литературы и культуры:  
Идеи, поэтика, контексты. Коллективная монография  
под ред. Эльжбеты Тышковской-Каспшак, Илоны Мотеюнайте и  
Альфии Смирновой при участии Марии Гей.  
Scriptum, Вроцлав – Краков 2021, 494 с. ISBN 978-83-66812-37-6**

**Abstract**

This volume of studies on Russian émigré literature was published during the last year before the war in a form of scholarly cooperation between Polish, Russian, Ukrainian, and Czech scholars unthinkable today. The theme of joint research makes the work even more interesting, because Poles have a very different understanding of the mission of émigré writers than Russians. In the first chapter of the monograph, entitled *The History of Emigration*, we find interesting biographical portraits of prominent figures such as Alexander Herzen and Gleb Struve. In the next part we read mainly about ideological problems and ethnic stereotypes. The third chapter focuses on the problems of poetics, and the last on heterotypes. The aspects of the analyses also touch upon the poetics of space and imagology.

**Keywords:** *Russian émigré literature, ethnic stereotypes, heterotypes, poetics of space, imagology*

Особое чувство держать в руках том польской литературной русистики, появившийся в последний мирный год, сборник, сравнимый с которым вряд ли можно ожидать в будущем. Данный труд становится еще более увлекательным благодаря своей теме, литературе эмиграции. Никому не удалось лучше поляков описать этот раздел истории литературы: уже романтики сформулировали этические нормы «паломников свободы». Они предписывают неуклонную солидарность с оставшимся под гнетом чужой власти отечественным социумом, а в Западной Европе представляют дело национальной независимости, если уж в Варшаве это невозможно. Они ясно сформулировали, эмигрантом может считаться лишь тот, кто покинул страну под принуждением обстоятельств, а за рубежом берется за выполнение своей миссии.

Достойным потомком Великой эмиграции стало поколение, создававшее свое жизненное творчество во второй половине XX века, в период холодной войны. Это была восставшая против империи эмиграция перифе-



рии, но какая эмиграция может быть у империи, в которой нет чужой власти, в которой русская национальная независимость не подвергается угрозе? Солидарны ли русские в свободном мире с протестующей элитой периферии или противопоставляют себя ей, сохраняя и в эмиграции имперскую идею? Авторы тома лишь затрагивают эту проблематику, не ставя ее в центр исследования. Сегодняшнего же читателя опыт войны, направленной на уничтожение украинской государственности, заставляет искать ответ и на этот вопрос.

Как выясняется из предисловия, литература русской эмиграции имеет давнюю историю исследования, ее общие сведения уже систематизированы, была произведена ее периодизация, и в этой общей картине не следует ожидать серьезных изменений. «Сегодня больше изучаются конкретные биографии, периодические издания, отдельные исторические сюжеты и литературные факты». Авторы данной монографии, поляки, русские, украинцы и чехи, рассматривают литературу русской эмиграции от XIX века до наших дней. Первая глава, «История эмиграции», начинается крайне интересным как с русской, так и с польской точки зрения обзором творческого пути Герцена в статье Ирины Беляевой. Судьба эмиграции Герцена и его деятельность во многом напоминает читателю миссию и роль его польских современников. Беляева обращает внимание читателя на то, что Герцен описывает зимнюю Россию очень похоже на образ, который появляется в стихотворении Мицкевича в приложении к поэме «Дзяды» «Дорога в Россию», исследовательница ссылается на описание и находит его очень точным.

Удивительно, насколько может отождествляться русский писатель с польским романтическим мифом, согласно которому тирания идет с севера, а не с востока. Дороги, ведущие к имперскому центру бесконечными, засыпанными снегом полями, изображают бесчеловечный порядок империи. Другим вопросом является появление у Мицкевича русских масс, напоминающих доисторических древних существ, которых этот тиранический порядок заморозил в состоянии преэзистенции, и, таким образом, они не могут стать частью европейского сообщества. Русские являются скорее частью природного мира, их не затронула цивилизация. Однако из других произведений Герцена мы узнаем, что русский мыслитель видел будущее именно в этом народе, представляя утопию, никогда не достижимую для гибнущего Запада, к которому относил между тем и достойную уважения Польшу, то есть Герцен, в противоположность Мицкевичу все же не являлся противником имперской идеи, скорее стремился к радикальным реформам.

В этой же главе читателю представлен крайне интересный биографический портрет достигающей в эмиграции вершин своего творчества художницы Зинаиды Серебряковой (Изабеллы Малей), а также принадлежащего к старшему поколению второй волны эмиграции Родиона Акуль-



шина-Березова, в случае которого Майя Бабичева ставит под сомнение обе категории – советский или антисоветский и торжественно (с восклицательным знаком) называет его русским. Очень интересно и то, сквозь какие превратности ей с двадцатью пятью тысячами своих соотечественников приходится пройти в Америке после войны, не хватает в том и некоторой сбалансированной оценки советского и американского противостояния периода холодной войны.

Ведь Акульшина летом 1941-го года, вслед за немецким нападением призывают в ряды Красной армии. Он попадает в немецкий плен, затем сотрудничает с оккупантами, работая в отделе пропаганды Русской освободительной армии, где очевидно, ему пригодились приобретенные в Советском Союзе писательские навыки. Для меня, может быть даже больше описания красот русской деревни, представляло бы интерес повествование о прожитом им периоде и его мыслях о целях и смысле русского сотрудничества с оккупантами. Существовала ли в Восточной Европе после нападения Гитлера спонтанная антикоммунистическая революция, нашли ли общий язык в этой теме русские с подчиненными нациями? Об этом читатель ничего не узнает. В качестве источника остается литература польской эмиграции, прежде всего романы Юзефа Мацкевича, так как русская литература не смогла представить этот период в своих произведениях, и даже свидетель эпохи сбежал в сказочный мир русской деревни.

К сожалению, я могу рассмотреть лишь несколько статей этого очень богатого материала. В полном обзоре, систематизации литературы русской эмиграции определяющую роль играл синтез Глеба Струве под названием «Русская литература в изгнании», его место в истории науки обозначила Альфия Смирнова. Во второй главе под названием «Идеи и полемики эмиграции» затрагиваются самые различные проблемы и любопытные факты истории мысли, такие вопросы как культурно-семиотическая направленность, наблюдающаяся в научных взглядах Романа Якобсона (Анастасия Черепанова), парадоксальные мысли о советском человеке Владимира Буковского (Урсула Черняк), «Мотив гибели Руси в публицистике Ивана Бунина» (Лариса Шелокова), антропософские идеи Михаила Чехова или образ польского эмигранта в романе Эдуарда Лимонова «Палач» (Владимир Самсонов).

Выберем последнее. Заголовок «Палач» напоминает своим звучанием слово поляк. Главный герой романа – поляк-эмигрант Оскар, в судьбе которого, однако, обнаруживаются и элементы биографии Лимонова. Помимо этого, мы можем рассматривать образ героя также и как этнический стереотип, сравнивая с представленными классиками русской литературы образом поляка Оскар – мужчина, продающий свое тело, предоставляющий сексуальные услуги садистского характера, его мир напоминает художественный мир написанного автором ранее (1979) романа «Это я – Эдичка». Владимир Самсонов в своем анализе произведения весьма убе-



дительно обосновывает, что: «Лимонов нивелировал популярное в научных работах о русско-польских отношениях стереотипное мнение о дихотомии «цивилизация – варварство», в котором варварство приписывается русским, а цивилизация – полякам». Таким образом стираются различия между наследниками империи и ее жертвами, последних также удалось опустить до уровня варваров. Вряд ли является случайностью, что это задание выполняет один из самых ретивых выдающихся empire saver.

Третья глава, «Поэтика литературы зарубежья», является, если это вообще возможно, еще более разнообразной. Она включает в себя статью Нины Осиповой, которая рассматривает поэтику музыкальных форм в лирике русской эмиграции. Другие исследователи анализируют творчество хорошо известных авторов с новой точки зрения: Анна Латухина рассматривает исповедальные мотивы в эмигрантской лирике Ивана Бунина. А Елена Янчук выделяет в произведениях Марины Цветаевой мотив земли. Анна Скотницка и в этот раз выбрала для изучения Михаила Шишкина, о творчестве которого краковские русисты издали объемистый сборник по материалам конференции в 2017-м году. В этот раз она анализирует роман «Венерин волос», в котором у Шишкина заново осмысливается мотив Тристана и Изольды через повествование главного героя, которого зовут Переводчиком, о своем браке.

Темой двух работ становится Сергей Довлатов. Ольга Крюкова рассматривает языковые средства иронии в романе «Заповедник», но исходит из того, что главный герой имеет два прототипа, одним из которых является сам автор, а вторым – Иосиф Бродский, который в «Заповеднике» пробует получить должность библиотекаря. Ирония для него является намного большим, чем просто важным средством самовыражения, при помощи иронии он защищает свою личность от распада, благодаря иронии он способен переносить бедность, крах своего брака и отсутствие литературных успехов. В месте литературной памяти будущий писатель пытается заработать на жизнь тем, что в свое рабочее время занимается продвижением культа Пушкина. Как бы ни был этот мир неестественен и манерен, проза, пронизанная пушкинскими мотивами и цитатами, способна воскресить мертвые клише.

Эльжбета Тышковска–Каспшак также рассматривает в своей работе литературный культ. Марианна Волкова и Сергей Довлатов в своем сборнике «Не только Бродский» (1988) представляют портреты с фотографиями выдающихся, по большей части проживающих в эмиграции, представителей русской культуры, дополненные анекдотами Довлатова о них. Броцлавский русист, опираясь на международную литературу по художественной фотографии, обосновывает свои размышления, в которых она фокусируется на отношениях портрета и текста, и теоретически определяет, что: «волковские портреты мифологизируют изображаемых людей, а довлатовские истории, наоборот, демифологизируют их». С такой же

теоретической взискательностью рассматривает она и жанр анекдота, исходя из того, что данный жанр не относится к юмористической области. Фигура Довлатова особенно подходит для составления насыщенного и запоминающегося портрета. Кроме того, анекдот крайне важен для Довлатова, ведь он сам издал два сборника анекдотов, но, кроме этого, и в других его произведениях часто встречаются такие отрывки.

В последней главе под названием «Гетеротипы в литературе эмиграции» читатели знакомятся с литературным изображением различных мест, а критерии анализа соприкасаются с поэтикой пространства и имагинологией. Иоанна Новаковска-Оздоба представляет Иерусалим эмигрантов в романе Дины Рубиной, а Александр Распопов представляет нью-йоркский текст русской литературы на основе романа Александра Стеснина. Тут же можно прочитать работы об образе родного города (Антони Бортовски) и об идее дома (Илона Мотеюнайте).

Lajos PÁLFALVI  
Department of Polish Studies  
Institute of Central Europe  
Faculty of Humanities and Social Sciences  
Pázmány Péter Catholic University  
Budapest, Hungary  
Institute for Slavic Studies  
University of Debrecen  
Debrecen, Hungary  
idegen-toll@t-online.hu  
ORCID 0000-0002-2091-9845



Orsolya NÉMETH

**NOWE DWUDZIESTOLECIE (1989–2009). ROZPOZNANIA, HIERARCHIE,  
PERSPEKTYWY (EDITED BY HANNA GOSK)  
DOM WYDAWNICZY ELIPSA, WARSAW, 2010.  
ISBN 978-83-7151-873-7**

**The New Twenties (1989–2009). Recognitions, hierarchies, perspectives].  
Ed. by Hanna Gosk. Dom Wydawniczy Elipsa, Warsaw, 2010.  
ISBN 978-83-7151-873-7**

#### **Abstract**

The volume *Nowe dwudziestolecie* (1989–2009): *Rozpoznania, hierarchie, perspektywy* [The New Twenties (1989–2009): *Recognitions, Hierarchies, Perspectives*] reflects on the twenty years of Polish literature and literary change between 1989 and 2009, and compares and contrasts this period with the twenty years between the two world wars. The two twenty-year periods are linked by the fact that their starting point is associated with a date of immense importance for Polish history: 1918 is the year when Poland was returned on the map of Europe, and 1989 is also the year of the change of regime in Poland. The period between the two world wars is also regarded as a separate period in Polish literary history, while the second twenty years covered in this volume are questionable as a literary unit, a question which the essays in this book seek to answer. The volume is divided into three large sections, the first focusing primarily on theory, the second on Polish characteristics and themes that characterised Polish literature after 1989, and the third large section on the genre characteristics that have characterised Polish literature since the fall of communism to this day but were also important between the two world wars.

**Keywords:** *regime change, Polish literature, World War I, Bicentennial, literary change*

*Nowe dwudziestolecie* (1989–2009). *Rozpoznania, hierarchie, perspektywy* (The New Bicentennial (1989–2009). *Recognitions, hierarchies, perspectives*) is a book published in 2010 that aims primarily to introduce the changes in Polish literature after the 1989 regime change and to show emerging and recurring trends. The texts in the book, therefore, reflect on twenty years of literature and literary change, comparing and contrasting this period with another emblematic twenty-year period in Polish history and literary history.

This earlier period of twenty years, officially called the “twenty-year period” (*dwudziestolecie*) or the “twenty-year period between the two world wars” (*dwudziestolecie między wojenne*) in Polish (literary) history writing dates from 1918–19 to 1939. The two twenty-year periods are linked by the fact that their starting points relate to a date of immense significance in Polish history: at the end of



World War I in 1918, after one hundred and twenty-three years of partition, independent Poland was re-established and put back onto the map of Europe, and 1989 brought the end of the communist regime not only in Poland but also in the whole of the Eastern Bloc. The difference between the two periods, however, is that the first has a well-defined endpoint, so we are really talking about a period of about twenty years, which we can look back on as history, while the second is a period without an endpoint, still ongoing today, and in which twenty years have just passed at the time of this book. The second period, however, has been given the name ‘the new twenty years’, not from a distance, but in the present.

In addition, literature in Poland after 1918 and after 1989 had different tasks. Whereas after World War I literature had to report on a country that was essentially a new creation – whose development literature obviously had a major role to play in –, after the regime change, literature played an important role in breaking down taboos, dealing with historical traumas, and more new trends and tendencies emerged. For the time being, one could even conclude that the authors' and editors' idea that these two periods should be discussed side by side is completely illogical. However, we will see from the individual studies that, in many cases and for certain genres, this approach is adequate, although authors often point out that it would be difficult to find two periods more dissimilar than these. Moreover, in the preface, the editors of the volume claim that 2009 will certainly not mark any breakpoint in Polish history or literary history, and that the twenty years since the fall of communism (at the time of the publishing of the book) are in fact a good excuse for producing such a comparative volume.

The extensive volume is divided into three large sections and contains a total of twenty-eight articles – such a large number of articles makes it possible to pay close attention to the period of literary history following the regime change. The first section, “Paralele i osobność epok” [“Parallels and characteristics of the periods”], contains works concerning mainly literary theory, including some of the most important representatives of Polish literary history and theory. The second section, “Przepracowania odkrycia” [“Works and discoveries”], focuses on adaptations as well as new and re-discovered works, while the third section, “Reportażowo-eseistyczna i poetycka wrażliwość epoki” [“The reportage and the essay and the poetic sensibility of the era”], deals with specific genres such as the literary reportage and the essay, which played an important role in both twenty-year periods and have a specific Polish variety.

In the first section, which focuses mainly on theory, a central theme for several authors is how the place, role, function, and character of literature changed after 1989; however, only rarely do we see examples of this being compared or contrasted with the interwar period. Violetta Wejs-Milewska, the author of the opening essay (“Literatura jako fakt społeczny. Próba porównania dawnego i nowego Dwudziestolecia” [“Literature as a social fact: An attempt to compare the old and the new twenty-year periods”]), focuses on the social aspect of literature and its educational function. She points out that while between the two world wars literature played mainly an educational and informative role, after the regime change it had to fight for the canon and the quality of culture. Maria Delapierre (“Polskie gry i



egzorcyzmy po 1989 roku” [“Polish games and exorcism after 1989”]) draws attention to a similar difference when she says that literature between the two world wars had a specific programme, i.e. the avant-garde, but after the regime change it has had none.

Going even further in his present essay (“Szczątkiutopii. Późna nowoczesność i wymyślanie przyszłości” [“The remains of utopia: Late modernity and inventing the future”] – which is perhaps the strongest and most serious work in the volume), Przemysław Czapliński, one of the most distinguished Polish literary historians of recent decades, who never lacks an anthropological perspective, calls the end of the communist era post-utopian, and even risks the bold assertion that modern age and utopia are, in fact, synonymous. He makes the very interesting point (partly with reference to Jean-François Lyotard) that the boundary between the modern and postmodern eras brought the end of the Faustian myth and, with it, the end of the Promethean narrative, i.e. civilisation. According to the author, the Hero and the Eros of the new era will be Narcissus. At the same time, a kind of emancipatory discourse is born, which is most evident in the field of post-humanism.

In the essays in the first section of the volume we often encounter the prefix “post”, whether we are talking about postmodernism, post-history, post-humanism or later even post-dependence; naturally, these terms are used concerning the second twenty-year period. As for the first two terms, which appear in the papers of several authors, the work and theory of Francis Fukuyama seem to be inescapable: Czapliński cites the Japanese-born philosopher in connection with the end of the Promethean narrative of freedom, and Delapierre cites him in connection with the crisis of the historical novel and post-history. Among the post-prefixed concepts, the term post-dependence (*postzależność*), which can be considered somewhat Polish, stands out, as Polish (literary) scholarship uses it to describe the relationship between the former Soviet Union and the former Eastern Bloc, distinguishing this relationship from the post-colonial one, as these countries were not part of the Empire, but only “henchmen” of it. Among others, this extremely important topic is dealt with in the study by Hanna Gosk (“Wychować się w momencie historycznego przełomu to żadna przyjemność...”. O postzależnościowych aspektach rzeczywistości przedstawionej w polskiej prozie ostatnich lat [“To grow up in a moment of historical turning point is no pleasure...”: On the post-independence aspects of reality as depicted in the Polish prose of recent years]), who lists the elements of this discourse in detail. Gosk also points out that this new type of narrative requires the development of a new, adequate language, which makes it possible to call things by their names in the new circumstances. Also, she raises the issue – characteristic of Polish literature in the few years after the fall of communism – that the new prose focuses on a single narrative, that of a single fragment of a person’s life, who as a child lived in socialist Poland (the works of Paweł Huelle, Stefan Chwin, Wojciech Kuczok, Dorota Masłowska, among whom there is a further link called ‘literature of the narrower homelands’, *literatura małej ojczyzny*).

Regarding the theoretical section, two things should be pointed out: the first is actually related to the issue of post-dependence mentioned above. In the transition countries the question often arises how they have been able to deal with their newly-



found freedom if so. Anna Nasilowska (“Zmarnowane szanse kulturalne dwudziestolecia” [“Wasted cultural opportunities of the twenty-year period”]) draws attention to this from a literary point of view when she claims that many writers lost their voices when the image of the enemy disappeared; also, that there was almost no literary reflection on the issue of regaining freedom. Tomasz Wójcik (“Symptom implozji. Jean Baudrillard i literatura (polska) ostatnich dekad”, [“A symptom of implosion: Jean Baudrillard and (Polish) literature of recent decades”]) looks at the last twenty years of Polish literature (looking back from 2009) in general, distinguishing between the categories of reader, writer, literary market and cultural context – all of which have also clearly changed considerably since 1989.

The second section of the volume focuses more on Polish specificities and topics typical of post-1989 Polish literature. In this context, it should be noted that in Poland, after the regime change, many historical and other traumas that had been tabooed until then came to the surface, and at the same time a powerful confrontation with the past began. Literature became one of the main arenas of this process, and it is upon such works that the authors of this volume of essays reflect. The first and most important, as well as most serious historical trauma is obviously the Holocaust, which entered both the political and literary-historical discourse after 1989; more and more Holocaust themed works were written in both prose and drama.

In this volume of essays, two papers discuss the Holocaust literature and the trauma and memorialization that goes with it. Józef Olejczyk’s study (“Śmierć masowa mówiła w jydysz” [“Mass death spoke in Yiddish”]) provides several examples of this type of work not only in literature but also in film. One of his basic propositions is the question of the literary quality of the Holocaust literature, a subject that is essentially inexpressible and, as Olejczyk says, ‘also language was killed in the death camps’. He also points out that, in these works, the ordering principle never creates pairs such as conqueror vs. conquered, executioner vs. victim, and victim vs. savior. Marta Cuber makes the same point that in this type of prose there is no stigmatisation, no executioner–victim juxtaposition. She also points out (following Kinga Dunin) that Holocaust literature is dominated by authors of Jewish origin, which gives these works a special, testimonial character, making them prophetic in a way. According to the author’s interesting observation, in the 1980s several such works were produced (also as a protest against communism), then there was a pause followed by the literature of the “children of the Holocaust”; and there is a constant search for the right form and methodology for such books.

Bartosz Dąbrowski’s Post-memory and trauma: Thinking differently about the literature of small homelands (“Postpamięć and trauma. Myśleć inaczej o literaturze ‘małychojczyzn’ ”) continues this line of thought. The author focuses on the fact that, initially, literature concerned only the Holocaust when processing trauma, and then the scope widened. He includes in this category the works of Stefan Chwin and Paweł Huelle, otherwise belonging to the somewhat nostalgic and naive prose of the literature of small homelands. He justifies this on the grounds that the starting point for this type of prose is always a childhood trauma, that the works are surrounded by an aura of ineffability, and that traces of the discarded past are everywhere.



Also, the feminist movement and with it the blossoming of feminist literature/women's literature in Poland dates from after the regime change. After 1989, "the most vociferous" books were written almost exclusively by women, so naturally, some of the authors of this volume reflect upon this trend. In their joint study *Around the dispute on women's literature, or at the root of feminist criticism in Poland* ("Wokół sporu o literaturę kobiecą, czyli u podstaw krytyki feministycznej w Polsce"), Joanna Krajewska and Maciej Duda point out that the use of the term women's literature was common in the period between the two world wars, but that today there is a confusion between the terms women's literature and literature written by women; and, after the regime change, the term 'menstrual literature' was also added (by the old critics who could not cope with women's boom –O.N.). Comparing the two eras, Bożena Karwowska, author of *Constructing the female language of migration narratives in Polish prose after 1989* ("Konstruowanie kobiecego języka narracji migracyjnej w prozie polskiej po roku 1989"), adds that the focus of these works is not on romance but on life, which approach was rare in the first twenty-year period. According to the author of the study, critics believe that autobiography, the body, the family and mythology are the focus of the works of women authors, and looking at the 'women's' works written after the change of regime, one can only agree with this.

Within women's/feminist literature, a very important point is highlighted by Agnieszka Gajewska's study ([*"There is nothing to hold on to": Recent Polish feminist literature vis-à-vis the founding myth*] "Nie masięczego trzymać". Najnowsza polska literatura feministyczna wobec mitu założycielskiego). The author argues that Polish feminist literature (especially the works of Inga Iwasiów, Joanna Bator and Sylwia-Chutnik) revindicates the history of 20th-century Poland. The same literature also revises components of national and ethnic identity, such as being Polish Jewish, Polish German, or Polish from the Eastern Ends. A separate strand of women's feminist literature (as well as public discourse and politics) is the topic of abortion, which is a sensitive issue in Poland anyway. Agnieszka Mroziak's article ([*"Coming out of silence": Literary abortion coming-outs of recent years*]; "Wywołać z milczenia". *Literackie coming-outy aborcyjne ostatnich lat*) goes beyond literature to warn that in Poland abortion is not only a private or intimate issue but also a political one; she also discusses abortion rights. On the other hand, she welcomes the development that, while in the period between the two world wars abortion was associated with the motifs of threat, death, and secrecy, post-communist prose has broadened the perspective. The most striking manifestation of this can be seen in the language itself, the intervention is no longer referred to as the enigmatic THAT THING but is called by its name. The common thread that connects all the studies of feminist literature is that they all emphasise the need for society to finally grow up and for all voices (including women's) to be heard.

While the second section of the volume concentrates on thematic issues, the third large section deals with the genres that have characterised Polish literature since the regime change but were already significant between the two world wars, namely, the reportage or non-fiction (which changed completely both in form and role after



1989), the essay, which (as the so-called Polish school of essays) has also had a long tradition, and poetry.

It is interesting that, while non-fiction is the genre that has undergone the greatest change since the regime change and is still the most prolific and popular in Poland, only one study deals with it here. This is Zygmunt Ziątek's "Dwadziesięciolecie: literatura jako reportaż reportaż jako literatura" ["Two twenties: Literature as reportage and reportage as literature"]. The author rightly points out that there are great differences between the non-fiction writings of the two twenty-year periods. In the twenties and thirties, these works were not yet strictly reports in the modern sense of the word but a kind of fiction (in contrast to the fact that today one of the central questions in the Polish literary scene is whether fiction is reportage – O.N.), as is also indicated by subtitles such as 'novel report' or 'report novella'. But Ziątek says it has now become a highly ambitious genre, and the author describes it as downright aristocratic. In addition to political changes, the development of the media has clearly contributed to the transformation of the genre.

Somewhat more attention is devoted to the essay genre, which, like reportage, also has a specifically Polish variety. Żaneta Nalewajk writes in her study ("Czas próby? Polski esej po 1989 roku" ["A time of trial? The Polish essay after 1989"]) that after 1989 almost every generation of writers wrote essays, and that at the same time works that had previously been available only in emigration or samizdat also appeared in Poland. This led to a large number of essays being published, and also to a certain change in the meaning of the genre, with many authors consciously choosing the genre of the essay (with unclear genre boundaries), which is not strictly academic. Also, Roma Sendyka ("Tadeusz Komendant–Projekt eseju postmodernistycznego, [Tadeusz Komendant: The postmodern essay project"]) examines the specific characteristics of essay literature at the end of the twentieth century. In this connection, he points out that this new essay is now somewhere between theory and fiction, with the essayist stepping out of the role of amateur expert (in the classical sense). A further (and as yet unanswered) question is whether we are really talking about postmodern or postromantic essay writing.

Finally, of the essays addressing the specificities of the genre, those reflecting on poetry are the most numerous in the volume. After 1989, the situation of poetry in Polish literature changed considerably: on the one hand, reading poetry became less fashionable, and on the other hand, decentralisation made it much easier for young poets to make their debut. In terms of lyric poetry, both periods have their own emblematic poetry groups: between the two world wars it was Skamander, and after the regime change it was bruLion. This comparison, parallel or even contrast appears in almost all the studies. Perhaps Aleksander Fiut puts it clearest in his "Różne dwudziestolecia" ["The different twenties"], that we are talking about two completely different periods, both literarily and historically. He asks whether it is possible to draw a parallel between the two groups and, above all, what sense it would make.

As far as specific poets are concerned, Czesław Miłosz seems unavoidable in the twenty years between the two world wars, and Świetlicki after 1989. Agnieszka Rydz Miłozzi Świetlicki. Nostalgia versus melancholia, brings together the work of



the two emblematic authors along the lines of the title, while Michał Lanek (“Walka o oryginalność. O debiucie Marcina Świetlickiego” [“The struggle for originality: On Marcin Świetlicki’s debut”]) and Piotr Łuszczkiewicz (“Przebojem w poezji. Liryka pokolenia bruLionu wobec popularnej kultury słowo-muzycznej doby PRL-u” [“A hit in poetry: The lyricism of the bruLion generation vis-à-vis the popular word-music culture of the communist era”]) focus specifically on the work of the new generation, and within it, Marcin Świetlicki. The former analyses the characteristics of the poet’s idiosyncratic lyricism in detail, while the latter discusses the relationship between poetry and popular culture, a subject that is not negligible, since Marcin Świetlicki also blends the two with his band Świetliki. In her concluding essay, “Czy nowa epoka? odpowiedź szukana w poezji (inietylko)” [“Is it a new era? the answer sought in poetry (and more)”], Ewa Szcześna points out that the ubiquitous link in post-1989 poetry is the reclaiming of freedom. The characteristic of Polish post-regime poetry is that it is simultaneously marked by the presence of the ‘great old ones’ (the so-called great four: Wisława Szymborska, Czesław Miłosz, Tadeusz Różewicz, and Zbigniew Herbert – O.N.) is present in all the studies on poetry.

Overall, the volume certainly fulfills the aim of the introduction by providing a comprehensive overview of the first twenty years of Polish literature after the fall of communism, both in terms of theory and in terms of genre and thematic specificities. The other aim, to compare this twenty-year period with the twenty years between the two world wars, has been less realised, and it is questionable whether it is really necessary to discuss two very different periods on the same platform.

Orsolya NÉMETH  
Department of Polish Studies  
Institute of Central Europe  
Faculty of Humanities and Social Sciences  
Pázmány Péter Catholic University  
Budapest, Hungary  
nemeth.orsolya@btk.ppke.hu  
ORCID 0000-0002-3910-6481



Josef DOHNAL

**ПО ПОВОДУ ТАЙНЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

**Studia Humanitatis. Ars Hermeneutica.  
Metodologie a theurgie hermeneutické interpretace IX.  
Kolektiv autorů, red.: Jan Vorel.  
Ostravská univerzita: Ostrava 2022. 148 s.  
ISBN: 978-80-7599-333-5**

**Annotation**

The aim of this review is to introduce the ninth volume of the publication series *Studia Humanitatis, Ars Hermeneutica*, published by the Department of Slavonic Studies, Faculty of Arts, University of Ostrava in the Czech Republic. The monograph is an output of proceedings from conferences which are regularly organized by this department. Attention to the art of interpretation and the related need to situate works of art in a complex web of cultural and historical connections is an important part of the effort to understand the deep context of artistic creation as such and the possibility for recipients to gain the most accurate understanding of the message conveyed by a work of art. The monograph highlights a number of aspects of artistic creation: it notes the circumstances of the creation of the artwork, the ability of the interpreter to place the artwork in the context of the historical conditions in which it is created, and the theoretical concepts that can be used for its interpretation.

**Keywords:** *hermeneutics, interpretation, theurgy, art, culture, history, literature*

Настоящая коллективная монография является актуальным результатом долгосрочной разработки отдельных вопросов искусства интерпретации в области художественной литературы с пересечением с другими областями искусства (музыка, изобразительное искусство, ...), а также с эстетикой, историей и философией. Это во многом оригинальная ориентация в чешской среде, которая, благодаря традиции конференций, организуемых Философским факультетом Остравского университета, создает предпосылки для обмена и частичной конфронтации подходов к способу понимания сущности художественного творчества как такового и способу его расшифровки и осмысления со стороны понимающего, информированного реципиента. В случае девятого тома серии «*Studia Humanitatis. Ars Hermeneutica*» это также продолжение усилий, направленных на то, чтобы результаты остравских конференций были доступны интересующимся в печатном виде в кратчайшие сроки после закончившейся конференции.

В настоящий том вошли восемь исследований. Первое из них «Софиологическая загадка акта "создания искусства" и трансформации "второго космоса" сквозь призму "гуманитарной герменевтики"» (*Sofilogické enigma aktu „tvorby*

umění“ a proměny „druhého kosmu“ nazírané prizmatem „humanitněvědné hermeneutiky“), автором которого является Мирослав Микулашек, обращает внимание на вопрос о создании произведения искусства и приобщения к нему. М. Микулашек приводит широкий спектр мнений художников и философов и указывает на факт соединения рационального с бессознательным, индивидуального с общим, человеческого с «божественным» в состоянии художественного восторга, какого-то ментального flow (не полностью заведомого и управляемого автором творческого «самотека», сплава рационального и подсудного, иррационального), представляющего собой сущность творческого, созидательного акта, выявляющего комплексное «мышление человеческого сердца», которое является его основным содержанием и смыслом.

Марек Бернацки обращается в следующей главе к конкретным этическим вопросам в исследовании «Герменевтика Холокоста. Чеслав Милош как свидетель уничтожения еврейского народа во время Второй мировой войны (в свете незнакомых документов) [*Hermeneutika Zagłady. Czesław Miłosz jako świadek eksterminacji narodu żydowskiego podczas drugiej wojny światowej (w świetle nieznaných dokumentów)*]». Обращая внимание на четыре до сих пор неизвестных материала и тщательно анализируя их, Бернацки утверждает, что именно они по своему содержанию позволяют глубже и точнее понимать отношение Милоша к судьбе евреев и к антисемитизму в общекультурном контексте, причем естественно подчеркивается личный опыт поэта, который Милош переносит в свои произведения в виде акцента на этическом измерении действий каждого человека.

Концепцию чешского философа Яна Паточки о взаимосвязи между универсальной тотальностью вещей, конкретной мифической вневременной истиной и смыслом жизни, выраженным в современной литературе, обсуждают Милош Шевчик и Даниэла Блахуткова. Их исследование «О трактовке Паточком взаимосвязи между современной литературой и мифом» (*K Patočkově interpretaci vztahu moderní literatury a mýtu*) убедительно показывает, что видение Паточком источников художественного творчества и мировидения заложено в мифологических основах. Тут можно констатировать, что основным предпосылкам Паточки близки и исходные тезисы, представленные и в выше упомянутом вступительном тексте М. Микулашека.

Игорь Елинек в главе «Герменевтические размышления Ричарда Э. Палмера (Тридцать тезисов об интерпретации)» [*Hermeneutické reflexe Richarda E. Palmera (Třicet tezí o interpretaci)*] знакомит с американским философом и его взглядами. Елинек обосновывает, насколько и почему, по его мнению, можно включить работы Палмера в более широкий контекст герменевтики. Заслуживает Елинека является и факт, что он перевел тезисы Палмера на чешский язык и подробно их прокомментировал.

В высокой степени актуальной и выходящей за рамки области «академической герменевтики» мы считаем работу Даниэля Сливки «Интерпретация религиозного символа и ее параллели в обществе» (*Interpretácia religi-*

*ozného symbolu a jeho paralely v spoločnosti*), в которой анализируется взаимосвязь радикальных (особенно правых) тенденций с мифологическими схемами восприятия мира. Сливка ставит на первый план вопрос о «единственно верной» интерпретации символов, играющих центральную роль в исследуемых им схемах мышления.

Конкретные эстетические вопросы рассматриваются Евой Капсовой в ее тексте «К возможностям интерпретации геометрически абстрактных форм. Эстетика Штефана Балажа, выстроенная на логике и порядке» (*K možnostiam výkladu geometricky abstraktného tvaru. Estetika Štefana Balázsa postavená na logike a poriadku*), изучающем эстетические установки современного словацкого живописца Штефана Балажа. Внимание исследователя сосредоточено как на возможностях интерпретации произведений современного искусства, так и на прослеживании художественного развития Балажа от фигуративной к нефигуративной живописи, а также на определении его места в современном художественном истеблишменте.

Подобно И. Елинеку и Е. Капсовой, Лукаш Макки в своем эссе «За границами интерпретации. Критическое прочтение и философский анализ интерпретации в сомаэстетике Ричарда Шустермана» (*Za hranicami interpretácie. Kritické čítanie a filozofická analýza interpretácie v somaestetike Richarda Shustermana*) ставит своей целью не только представить критический взгляд на сомаэстетические установки Шустермана, но и показать и оценить возможность их реального использования в практике интерпретации.

Ян Ворел в своем «Разрушение сознания против поиска духовной целостности в структуре жанра экспериментального романа Андрея Белого» (*Destruction of Consciousness vs. Searching for Spiritual Integrity in Structure of Genre of Experimental Novel of Andrey Bely*), завершающем коллективную монографию, демонстрирует глубокое понимание произведений Белого, основываясь на учете современной Белому общекультурной ситуации, затрагивающей не только русскую литературу, но и создающей в ее раздвоенности более широкую базу европейской литературы и мышления в целом. Белому, утверждает Ворел, удастся таким способом расшифровывать первоосновы построения и смысла мира, какое-то основное слово мира («world logos» – с. 141) в человеческом сердце. Таким образом, роман Белого «Петербург» можно не только по его содержанию, но и по новаторскому формальному построению считать, по мнению Ворела, поиском возможностей указать на отрицательные аспекты, скрывающиеся в самых глубоких пластах культуры западной цивилизации, и на то, каким путем их можно преодолеть.

Сильной стороной включенных в монографию исследований является их концентрация на вопросах многогранного и комплексного характера отдельных подходов к искусству интерпретации, а также на критическом анализе не только возможностей, но и границ, которые свойственны конкретным подходам в рамках интерпретации разных видов искусства (например, сомаэстетические установки легче применить к рэпу, чем к художественной литературе). В большинстве текстов сборника чувствуется тесное сопряжение со смежными



науками, прежде всего с философией, культурологией, историей, а также определенной осторожностью по отношению к слишком «технологическому» подходу к интерпретации художественных произведений. Явна связь с философией Яна Паточки (Jan Patočka) и с теоретическими работами Ярослава Гроха (Jaroslav Hroch). Следует также отметить тенденцию к включению текстов информативной ценности (например, Елинек, Макки), связанную с критическим взглядом на возможное применение представленных теоретических концепций на практике. Особенно стоит оценить факт включения теоретического взгляда на современные социальные явления и на выявление их корней, заложенных в мифологических первоосновах (Сливка).

Josef DOHNAL [Йосеф ДОГНАЛ]  
Университет и. Масарика  
Институт славистики  
Брно, Чешская Республика  
Университет им. св. Кирилла и Мефодия  
Кафедра русистики  
Трнава, Словацкая Республика  
josef-dohnal@volny.cz  
ORCID 0000-0002-0763-5784



Elżbieta TYSZKOWSKA-KASPRZAK

ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ

Hero of Contemporary Russian Prose

**Anna Skotnicka: Szczelina.  
Bohater współczesnej prozy rosyjskiej i jego światy.  
Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego:  
Kraków, 2020. 335 pp. ISBN 8323347719**

**Annotation**

The text contains a review of the monograph by the Polish literary critic Anna Skotnicka *A fissure: A hero of contemporary Russian prose and his worlds*. The author considers incompleteness, absence, and insufficiency as a property of the existence of the character of the works of Russian writers of the late 20<sup>th</sup> to early 21<sup>st</sup> centuries. The sources of this problem, according to Skotnicka, can be seen in the state of disintegration of the social, psychological and mental image of the world in a changing reality, especially historical changes: the collapse of the Soviet Union, as well as political, cultural and social transformations. With these phenomena, the Polish literary critic also connects the concept of chaos, which is characteristic of the postmodern perception of the world as disunited, incomprehensible, alien in relation to people. Skotnicka considers these problems based on the works of Mikhail Kuraev, Svetlana Aleksievich, Roman Senchin, Lyudmila Petrushevskaya, Lyudmila Ulitskaya, Vladimir Makanin, and Mikhail Shishkin. The author refers to the current achievements of the humanities, especially philosophy. The work is innovative and stimulates reflection on the state of the modern human.

**Keywords:** *contemporary Russian prose, interpretation, literary hero, culture, philosophy, literature*

Словами «щель», «пустота», «разрыв», «разлом», «трещина», «рана» можно определить состояние героя современной русской прозы. Такую установку дает в своей книге знаменитая польская исследовательница русской литературы Анна Скотницка. Поэтому в монографии «Щель. Герой современной русской прозы и его миры» она рассматривает неполноту, отсутствие, недостаточность как свойство экзистенции героев произведений русских писателей конца XX – начала XXI веков. Источники этой проблемы, по мнению автора, можно усматривать в состоянии распада социального, психологического и ментального образа мира в условиях меняющейся действительности, особенно исторических перемен: распада Советского Союза, а также политических, культурных и общественных трансформаций. С этими явлениями польский литературовед связывает также понятие хаоса, характерного для постмодернистского восприятия мира как разобщенного, непонятого, чужого



по отношению к человеку. Скотница подчеркивает присутствие категории «щели существования» в литературных произведениях многих авторов, причем очень разных, и утверждает, что как в модернистских, так и в постмодернистских текстах заметна поэтизация и освоение хаоса как универсальной формы бытия.

В анализе избранных литературных текстов автор сосредоточивается на проблемах разрушения идентичности героя, его непонимании самого себя и крахе прежних ценностей, результатом чего стала потеря смысла бытия. В трех частях книги рассматриваются вопросы, наиболее существенные для описания положения человека в современном мире. Первая часть охватывает произведения, герои которых представлены в условиях политических и общественных трансформаций, в основном, 90-х гг. XX века. Здесь «щель» приобретает отрицательную коннотацию и сближается по значению с «отсутствием», а персонажей можно назвать «человек в броне» (Ч. Тейлор). В таких произведениях герой отчужденный, он отстраняется от всего, что лежит за гранью его понимания. Скотница задается вопросом: «Как проявляется и с чем связано это отчуждение в экзистенции героев современной русской прозы?».

Замкнутость и обособленность человека во время трансформаций конца XX века представлены на материале произведений Михаила Кураева, Светланы Алексиевич и Романа Сенчина. Опираясь на произведения «Ночной дозор» Кураева и «Время секунд хэнд. Конец красного человека» Алексиевич, литературовед выдвигает тезис о том, что стержневыми чертами в психологическом портрете персонажей выступают изоляция и установка на выживание. Писатели представляют героев в промежуточном состоянии общества, живущих в новую эпоху, но постоянно пытающихся осмыслить прошлое. Несмотря на жанровые различия, оба произведения объединяет форма личного высказывания: авторы предоставляют голос своим персонажам. В обоих случаях герои – люди, принявшие идею социализма, выросшие в ней и пропитанные ею до такой степени, что не могут от нее уйти. Важным отличием является факт, что Кураев отдает голос палачу, а Алексиевич – как палачам, так и жертвам.

В случае героев Алексиевич исследователь отмечает потерю чувства безопасности, что заставляет их воспринимать и прошлое, и настоящее как время хаоса и отсутствия нравственных принципов. При этом исключение из привычных условий не влечет за собой принятия новых. В свою очередь, в конструкции протагониста романа Кураева Скотница отмечает все признаки homo sovieticus, подвергшегося процессу инфантилизации, приведшей к послушанию и пассивности, безынициативности и зависимости от директив. В результате тоталитаризации человек низведен до функции винтика в машине, рычага, приводимого в действие по приказу партии.

Скотница ставит цель показать, как идея социализма обживает в психике героев, как они с ней живут, видят мир через призму этой идеи, а также как переносят опыт кризиса социализма и связанного с этим распада государства. Особое внимание она уделяет изображению внутренней жизни героев и тому, как они говорят о своих впечатлениях, эмоциях, связанных с опытом проживания в СССР. В связи с такой установкой, исследовательница анализирует



дискурс персонажей, особенно их воспоминаний, а также обсуждает конструкцию особенного героя – палача и его восприятия социальных перемен.

В последней части первой главы, на материале романа Сенчина «Елтышевы», автор монографии представил другой вариант «человека в броне» – человека деградировавшего. Образ персонажа этого романа литературовед рассматривает в аспекте некоего промежуточного состояния между скукой и отчаянием, а заглавная «щель» проявляется здесь через категорию отсутствия. Скотница подчеркивает, что судьбы представителей семьи Елтышевых характерны для целого поколения начала XXI века, и даже называет их типичными представителями российского общества того времени. Учитывая установку самого автора, она исследует систему персонажей в соотношении с социальными детерминантами их существования. Важным компонентом построения образа героя исследователь считает дискурс как высказываний персонажей, так и повествования. Позиция героя пассивного, ожидающего чуда, приводит Скотницу к выводу, что его судьба развивается по принципу антисказки. В его жизни нет перемен, потрясений, что проявляется и в сюжете – бесконфликтном и монотонном. Экзистенция героев застряла между современностью и прошлым, они не в состоянии проявить какую-либо инициативу или принять решение. Причины такого состояния автор монографии усматривает в разрушении их идентичности и отсутствия самосознания.

Второй раздел книги тесно связан с первым, а его стержнем является проблема эмпатии. Скотница доказывает здесь, что деформированная в советское время традиционная формула литературы сопереживания, сочувствия оживает в новейших произведениях словесности. В литературе после 1985 года намечается дискуссия об изменениях в нравственном сознании общества, приведших к жестокости, насилию и агрессии. Произведения, содержащие наиболее яркие образы насилия, получили название *чернуха*, а изображение действительности в них часто не соответствовало познавательным и эстетическим канонам читателей. Скотница обсуждает проблему межличностных отношений в ситуации насилия на примере героев произведения Людмилы Петрушевской «Такая девочка, совесть мира» и Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик».

Герои рассказа Петрушевской принадлежат советской эпохе со всеми ее чертами: насилием, агрессией, подозрительностью. Несмотря на это, по мнению автора монографии, произведение можно рассматривать и в универсальном плане, как рассказ о разных типах обиженного человека. Основными проблемами произведения, которые отмечает Скотница, становятся уровень нравственного развития персонажа, его идентичность и сосуществование людей, а также модель общества, которая обнаруживается в этой истории. Литературовед предлагает рассмотреть эти вопросы в ракурсе тоталитарного наследия героя. Принимая во внимание замечания писателя о сострадании как основной эмоции, связанной как с созданием литературного произведения, так и с его прочтением, а также с заглавием, содержащим слово *совесть*, Скотница предполагает, что повесть посвящена сопереживанию как этической проблеме.



Это иллюстрируется двумя женскими персонажами: героиней-рассказчиком Петровой и ее соседкой Раисой.

Автор монографии замечает, что тематически на первый план выходят сострадание и дружба, а на уровне поэтики можно наблюдать прием удвоения в построении персонажей, разрыва и раздвоения, создающего впечатление зеркального отображения. Учитывая такую модель персонажей, Скотница ставит вопрос о смысле названия произведения: к кому относится определение «такая девочка, совесть мира»? Она приходит к выводу, что фактически в рассказе представлены две точки зрения – рассказчика и автора, что делает восприятие произведения более динамичным. В результате рассказ не оставляет читателя равнодушным, когнитивный диссонанс вызывает у него неуверенность, раздражительность, гнев. Этому способствует и поведение рассказчика по отношению к другой женщине, нарушающее нормы и обнаруживающее отсутствие эмпатии. Проведенный анализ позволяет исследователю назвать вторую героиню жертвой. Как представительница этнического меньшинства, женщина, испытывающая насилие со стороны мужчины, больной и сверхчувствительный человек, вытеснена на обочину социальной жизни, занимая пространство между включением и исключением.

В части, посвященной другому литературному тексту – «Даниэль Штайн, переводчик», исследователь присоединяется к обсуждению сущности заглавного героя, признавая, что целью создания его образа было для Улицкой спровоцировать дискуссию об основных ценностях и принципах поведения христианина. Чертой характера, которую исследователь считает важнейшей в портрете героя, является возвышение человека над всеми другими идеями. Эта мысль проявляется на протяжении всей жизни героя, а также в запутанных судьбах других персонажей. Скотница доказывает, что главные проблемы романа – межличностные отношения в послевоенной действительности, крах идеологий, потребность в абсолютизации жизни человека, поиски Бога, роль религии. Самое важное для смысла произведения то, что в мире разногласий, ссор, непонимания брат Даниэль усердно ищет то, что связывает людей, а его ориентиром является Иисус Христос. Милосердие для него важнее принципов веры, сострадание ценнее заповедей.

Скотница подчеркивает, что задача главного героя-переводчика, выделенная в названии романа, означает не только понимание других языков, но прежде всего умение наводить мосты между разными культурами. Брат Даниэль осознает свое жизненное призвание как объединение людей, поэтому Улицкая представляет его в ситуациях разговора, оказания помощи и примирения поссорившихся. В диалогическом характере существования персонажа исследователь усматривает идею общения, в котором задействованы как речь, так и чувства, а также воля собеседников. Диалог, как констатирует литературовед, открывает человека Другому, заставляет увидеть самоценность психологических и эмоциональных взаимоотношений, признание достоинства Другого в поисках истины.



Наиболее существенной главой монографии является, несомненно, последняя, посвященная творчеству Владимира Маканина и Михаила Шишкина. В этой части автор разбирает те произведения писателей, в которых основной проблемой является постижение, видение и понимание мира с его разорванной структурой. Как замечает Скотницка, оба писателя размышляют о природе мира, его непреодолимой двойственности. В своих поисках и упорядочении переживаний они обращаются к античности, чтобы рассказать о состоянии современного человека.

Рассматривая экзистенциальный пейзаж, который содержат произведения Маканина, исследователь выделяет два образа: реки и молнии, репрезентирующие стихии воды и огня, которые организуют художественный мир писателя. При этом экзистенциальный пейзаж понимается автором как способ существования маканинских персонажей, их склонность и способность к рефлексии.

Важное место в рассуждениях о мире прозы Маканина занимает анализ повести «Лаз». По мнению Скотницкой, в анализируемой повести изображенный мир не наделен самостоятельным характером, и читатель осознает, что имеет дело с созданным, искусственным образом. Мир здесь показан неустойчивым и временным, лишенным стабильности. Его важной особенностью является отсылка к более ранним текстам автора. В повести мы находим такие стратегии описания мира, как деформация реальности, искривление времени и пространства, трансформация первого плана во второй, проецирование пространственно-временной системы на экзистенциальные переживания персонажей.

Подытоживая свои рассуждения о повести «Лаз», Скотницка приходит к выводу, что произведение не имеет катастрофического смысла, а образы распада приобретают положительную оценку, поскольку смерть и падение – условия трансформации, возрождения. Исследователь указывает, однако, что элементы составляющие творческую практику Маканина: относительность, сочетание противоположностей, внутренне неоднозначных понятий, оппозиций, заставляют каждый раз оспаривать результаты исследований, побуждают к новым интерпретациям.

В следующей части этой главы Скотницка поставила задачу представить видение и изображение мира в творчестве Михаила Шишкина, в которых она замечает наиболее частое появление элементов, связанных с категорией «щели». В начале автор отмечает, что проза Шишкина с трудом поддается традиционным исследовательским процедурам, а его произведения не поддаются интерпретации. Материалом этой главы стало все творчество Шишкина. Понять смысл его прозы помогает идея скрытой гармонии. Литературовед акцентирует внимание на нескольких образах и приемах писателя, которые считает наиболее репрезентативными. Так, особое внимание она уделяет противопоставлению видимого и невидимого миров, которое повторяется в различных текстах автора «Письмовника».

Важным наблюдением Скотницкой является замечание о перцепции произведений Шишкина: она утверждает, что писатель заключает своеобразный



договор с читателем, при котором реалистические элементы произведений отступают на второй план по сравнению с субъективным восприятием мира в целом, а читатель в процессе чтения не только реципиент, но и создатель этого мира. По мнению исследователя, Шишкина больше волнует сама ситуация письма и чтения, создающая специфическую общность переживаний. Поэтому мир появляется каждый раз, когда книга читается, благодаря усилиям читателя. В произведениях писателя Скотница видит восхваление мира, представляющего собой вечно движущийся поток жизни, который Шишкин связывает с записанным словом и литературой. Автор монографии подчеркивает также связи писателя с европейской культурой, античностью, топосы которых он использует для представления состояния современного человека.

Книга польской исследовательницы стимулирует рефлексию по поводу состояния современного человека и его репрезентации в новейшей русской литературе. Исследование проведено на очень высоком научном уровне. Скотница рассуждает о героях современной русской прозы, ссылаясь на актуальные достижения гуманитарных наук, использует суждения, прежде всего, современных философов (среди прочих М. Фуко, З. Баумана, Й. Брах-Чайны, Г. Агамбена, М. Мерло-Понти). По всей вероятности, книга не останется незамеченной в литературоведческой среде, а также в кругу культурологов и философов.

Elżbieta TYSZKOWSKA-KASPRZAK  
[Эльжбета Тышковска-Каспшак]  
Вроцлавский университет  
Институт славянской филологии  
Вроцлав, Польша  
elzbieta.tyszkowska-kasprzak@uwr.edu.pl  
ORCID 0000-0001-8297-0630



Zsófia VARGA

**ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА С РУССКОГО НА ВЕНГЕРСКИЙ  
И С ВЕНГЕРСКОГО НА РУССКИЙ**

**QUESTIONS OF TRANSLATION FROM RUSSIAN TO HUNGARIAN AND FROM  
HUNGARIAN TO RUSSIAN**

**Studia Litteraria 2020/1-2, LIX. évfolyam. Orosz irodalom – fordításokban.  
Debrecen 2020, 146 p. HU ISSN 0562-2867**

**Abstract**

This review is a content overview of the issue 1-2/2020 of *Studia Litteraria*, a Journal of Literary and Cultural Studies. This collection of scholarly articles is an excellent material for a varied and comprehensive look at current matters of translation and contemporary literature. The authors of the articles are practicing translators, therefore the general positions are explained through their own, specific works and practical experience. The purpose of this review is to briefly acquaint readers with the content of scholarly papers which have been categorized by topics for convenience.

**Keywords:** *literary translation, theory of translation, translation studies, contemporary literature, literary studies*

Представление и восприятие современной русской литературы в Венгрии находятся на высоком уровне как с точки зрения качества, так и количества переводимых произведений. В последние годы венгерские переводчики занимались не только переводом современной литературы, но и работали над новыми переводами классических прозаических и лирических произведений: «Преступление и наказание» Федора Достоевского перевели Эржебет Вари в 2004-ом году и Шопрони Андраш в 2015-ом году, Ласло Дь. Хорват перевел «Анну Каренину» (2021) и «Войну и мир» (2022) и теперь работает над «Воскресеньем» Льва Толстого, Андраш Шопрони перевел стихотворения Иосифа Бродского (2021) и Александра Пушкина (2022), а Геза Морчани перевел «Чайку» и 17 рассказов Антона Чехова (2022). Кроме этого, за последнее время произошло множество важных событий, касающихся положения русской литературы в Венгрии: в 2022–2023 гг. Венгрию посетили ряд крупных современных русских писателей, среди которых Евгений Водолазкин, Павел Басинский, Владимир Сорокин, Шамиль Идиатуллин, Екатерина Барбаняга, а зимой 2023 года было объявлено о работе над совместными проектами Венгрии, России и Казахстана.



Во всем этом отражается особое место, занимаемое русской литературой среди венгерских читателей. У русской литературы уже сложились своеобразные и тесные отношения с венгерской публикой, и кажется, что эти процессы продолжают. Несмотря на все это, значительной всесторонней теоретической работы, касающейся перевода с русского на венгерский, не наблюдается. Кроме нескольких выпусков и статей, по большей части можно найти только теоретические работы, которые переведены с иностранных языков. Вместе с тем в последние десятилетия создание теоретических работ несомненно привлекает больше интереса: следует упомянуть работы Михая Сегеди-Масака, Шандора Алберта и Ильдико Йозан. Работы, посвященные именно русско-венгерскому переводу, как правило, освещают отдельные проблематичные сферы перевода: среди них можно отметить, например, работы Эржебет Ч. Йонаш, касающиеся переводов произведений Антона Чехова, книги и статьи Кинги Клауди, языковеда, профессора и переводоведа, представляющие более лингвистический подход к теме, а также сборники переводов и статей, редактируемые Йожефом Горетитем, целью которых в частности является представление научных работ и художественных переводов нового поколения переводчиков.

Переводоведение как самостоятельная научная дисциплина считается относительно молодой, но крайне плодотворной. Сокровищница исследуемых тем и точек зрения практически неиссякаема, будь то технический, художественный, аудиовизуальный перевод или их пересечение. Обо всем этом можно прочитать в выпуске 2020/1-2 литературоведческого и культуроведческого журнала *Studia Litteraria*. Ряд статей этого выпуска посвящен общим проблемам и вопросам художественного перевода – в сборник входят не только научные работы венгерских исследователей, которые занимаются изучением переводов с русского на венгерский, но и переведенные на венгерский статьи авторов из других стран.

Первая статья под названием «Что перевести? Восприятие современной русской литературы в Венгрии глазами художественного переводчика» Йожефа Горетитя выступает в качестве отличного введения в сборник, поскольку в ее фокусе находится проблема положения и репрезентации современной русской литературы в Венгрии. Статья дает общее представление о классической литературе и ее переводах, лаконично, но точно предоставляя обзор ситуации в области перевода с русского на венгерский с тех самых пор, как переводчики начали переводить тексты непосредственно с русского.

Вторая статья под названием «Понятие концепции перевода» Иванны Купковы ставит перед собой цель определить общие правила и принципы, актуальные на сегодняшний день, которые переводчик должен иметь в виду в своей работе. Хотя Купкова занимается этим вопросом в связи с переводом с русского на словацкий, уже первое ее предложение свидетельствует о том, что идеи этой работы имеют право на существование в любых языковых парах: «Существование не только современной русской литературы, но и любой художественной литературы в другой культуре, т. е. в переводе



на другой язык, зависит от разных факторов, одним из которых, и довольно важным, является качество перевода». (22) Этот вопрос является весьма актуальным и для венгерской науки.

Еще одной статьей, которая посвящена общей проблеме перевода и ставит такой вопрос, на который нет однозначного ответа, является «Потерянное значение, или где заканчивается компетенция переводчика» Анны Телеки. Автор разбирает поставленный вопрос на примере конкретного произведения: рассказа Романа Сенчина «Настоящий парень». В статье уделяется внимание тому, что, несмотря на все усилия переводчика, из-за различий между двумя культурами зачастую происходит потеря многих смыслов. Проблематика данной работы, помимо грамматико-лексических вопросов, состоит в том, что художественный перевод – это не только перевод текста, не только перевод слов и языка, а перевод и передача самой культуры. Помимо лингвистической компетенции, переводчик должен всесторонне знать как свою собственную культуру и язык, так и культуру народа, с языка которого он переводит. Телеки пишет, что текст Романа Сенчина ставит перед переводчиком задачу, которая практически невыполнима из-за интертекстуальных связей с культовым российским фильмом «Брат», а также из-за непередаваемых культурных кодов в фильме.

Кроме работ, освещающих общие вопросы перевода, важное место в сборнике отводится изучению перевода и языка современных и классических произведений, а также их интертекстуальных пересечений. Работа Ибои Баги посвящена крайне интересным и сложным вопросам, порассуждать о которых предлагается на примере рассказа Татьяны Толстой «Сюжет». В данной статье поднимается вопрос того, что делать переводчику при встрече с таким весьма непростым произведением. В тексте Толстой вспоминаются важнейшие эпизоды жизни Пушкина, аллюзии, реминисценции и скрытые цитаты, связанные с некоторыми выдающимися произведениями русской литературы. Эти элементы вплетаются в хаотическое нагромождение биографических фактов и отрывочных цитат из произведений Пушкина и следовавших за Пушкиным классиков (Достоевского, Толстого, Чехова, Тютчева, Блока, Мандельштама, Пастернака, Хармса и т.д.). (48) Перевод этого (и любого похожего) чрезвычайно сложного текста – очень трудная задача для переводчика, при решении которой он должен определиться со стратегией. Как утверждает Баги, необходимо провести тщательное лингвистическое и литературное исследование, выявить все источники каждой текстовой мозаики, попытаться найти возможный перевод на венгерский язык (в этом конкретном случае, уделяя особое внимание цитатам Пушкина) и перенести их в венгерский текст без изменений, то есть, принимая во внимание контекст повествования в целом, найти логику в том, как отдельные фрагменты собраны вместе и найти связующую нить текста, кажущегося бессвязным. Таким образом, данная статья представляет интерес в области изучения интертекстуальности и связанного с ней перевода.

Говоря об интертекстуальности, следует упомянуть литературную преемственность эпох. В статье Виктории Кондратьевой «Художественная проза



новых реалистов: на материале произведений А.Г. Варламова и А. Снегирева» обсуждается вопрос реалистической тенденции в современной русской литературе, а именно тот факт, что реалистическая тенденция не является однородной, то есть включает в себя различные методы письма, которые могут сильно отличаться. Для иллюстрации этого в статье представлены два современных автора: Алексей Варламов и Александр Снегирев. На примере их наиболее характерных произведений, в которых применяются два реалистических, но заметно отличающихся друг от друга писательских метода, автор показывает неоднородность тенденции. Хотя публикация не посвящена вопросу перевода как такового, статья может сильно помочь переводчикам при переводе произведений этих писателей, так как при этом необходимо учитывать не только эволюцию реалистического стиля, но и особенности и своеобразие стиля новых реалистов.

В сборнике поднимаются не только вопросы интертекстуальности, но и проблемы интерактивности – благодаря работе Марии Черняк мы имеем возможность ознакомиться с тенденциями российской прозы цифровой эпохи. Статья посвящена сетевой литературе, в рамках которой активно творят современные русские писатели. Представив разнообразие подобных произведений, дав характеристику направления – в первую очередь на основе теории Михаила Эпштейна – и определив позицию сетевой литературы в современной литературе, Мария Черняк анализирует «Сулажин» Бориса Акунина в качестве одного из важнейших представителей этого направления.

В сборнике присутствует также несколько статей, которые анализируют перевод конкретных произведений. Лайош Палфалви, литературовед и переводчик, интерпретирует языковые слои, культурные коды и карты в произведениях «Лавр» и «Брисбен» Евгения Водолазкина. Будучи переводчиком обоих текстов, он приходит к заключению, что латентную империалистическую точку зрения невозможно перенести в венгерский перевод по причине разнообразия культурных кодов. Андраш Шопрони занимается вопросом перевода пословиц и поговорок в произведении «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Автор анализирует стиль произведения и встречающиеся в тексте фразеологизмы, а потом перечисляет и группирует конкретные примеры в более аналитическом стиле. Статья под названием «Лаконизм в прозе Чехова и в венгерском переводе (К интерпретации «Дамы с собачкой»)» Доминики Золтан сравнивает разные переводы – венгерские, английские, немецкие и польские – того же самого текста и фокусируется на том, насколько важным может являться анализ переводов с точки зрения интерпретации оригинала. Например, при переводе фрагмента «человек в красной шапке» выбор переводчиков указывает на специфику детали Чехова, который может утратить свое конвенциональное значение, но в то же время приобретает неожиданно большой смысловой потенциал. Наконец, статья Ласло Надя «Алексей Чхеидзе, записки советского солдата, воевавшего в Венгрии» посвящена более необычному тексту, а также тому, как мало в Венгрии опубликовано записок советских солдат, которые воевали в Венгрии во время Второй



мировой войны, хотя чтение и анализ таких записей могло бы помочь нам лучше понять тот период. Автор анализирует трудности перевода этого текста, как и в общем записок такого рода. Ласло Надь подчеркивает, что перевод выражений военного жаргона представляет собой отдельную задачу в рамках перевода, и что такая работа является не только художественным, но и техническим переводом, и требует тщательного исследования военного жаргона, одежды и названий разных мест, относящихся к тому времени.

Еще одна статья сборника, работа Лайоша Мароши, является, по словам автора, почтительной критикой перевода произведения «Орел или решка» Йене Рейте на русский. Мароши начинает с того, что перевод не досчитался очень многих частей оригинала, а в случае тех, которые все же были переведены, наблюдается отход от авторского замысла. Автор разделяет проблемы по категориям – путаница с географическими названиями, проблемы говорящих имен, замена повествовательных предложений вопросительными и наоборот, несоответствие настоящего и прошедшего времен в оригинале и в переводе, проблема обращения друг к другу на «ты» или на «вы», сведение общих высказываний к конкретной ситуации или человеку, непонимание авторского стиля и чувства юмора, диаметрально противоположный перевод мыслей и значений и многое другое. Помимо этого, Мароши приводит доказательства того, что текст перевели с венгерского оригинала, а не с немецкого, английского или французского перевода. Подобные научные работы могут (или могли бы) способствовать улучшению перевода венгерской литературы. Кроме того, статья может вызвать интерес еще и в силу того, что настолько тщательных критических работ в венгерской критической литературе мало. Таким образом, данная статья может стать исходным пунктом в написании других критических работ в этой сфере.

Проблема перевода фильмов также является интересной и менее изученной темой. Об этом пишет переводчик и аспирант, занимающийся исследовательской работой в сфере киноискусства, Ференц Дебрецени, который перечисляет технические трудности и ограничения перевода фильмов, в частности при создании субтитров. Перевод должен соответствовать таким техническим критериям, как длина субтитров, временные рамки для чтения, и, в некоторых случаях, даже движение губ актера. Дебрецени утверждает, что переводчику приходится идти на множество компромиссов в процессе создания субтитров, и, обозначив теоретическую часть, переходит к конкретному примеру – собственному переводу фильма «Барышня-крестьянка» Алексея Сахарова.

В свете вышеупомянутых событий последних лет заключительная статья сборника также представляется весьма актуальной. Работа Оксаны Якименко (автора многих статей о венгерской литературе и переводе, составителя и переводчика различных сборников современной венгерской литературы) под названием «Переводческий тренинг/семинар/лагерь: чему можно и чему нельзя научить(ся) за неделю» обращает внимание на то, что сейчас у начинающих переводчиков с русского на венгерский и с венгерского на русский имеется относительно много возможностей для развития своих навыков, однако



участие в подобных курсах не означает автоматического превращения в профессионального переводчика.

Таким образом, рецензируемый сборник может быть полезен как и интересующимся теорией перевода в целом и переводом с русского на венгерский и наоборот в частности, так и профессиональным переводчикам, работающим с разными языками.

Zsófia VARGA  
Doctoral School in Literature  
University of Debrecen  
Debrecen, Hungary  
zsofiavarga95@gmail.com



## Формальные требования

**Формат текста:** любой редактируемый текст. При использовании в качестве дополнительных и других шрифтов просим отправить их с статьей.

**Поля страниц:** верхнее и нижнее – 5см, левое и правое – 4см; **Размер шрифта:** 11р

**Объем публикаций:** статьи до 50000 знаков, **обзоры и рецензии** до 20000 (с пробелами).

**Язык статьи:** русский, английский и немецкий язык.

**Содержание:** статья должна содержать имя и фамилию автора, его э-мейл адрес, место работы, город и страна обитания, ORCID идентификатор на русском, английском и немецком языках ключевые слова и резюме к статье тоже на трех языках. Просим указать тематический блок опубликования (языкознание, литературоведение, культурология, научная критика).

**Резюме и ключевые слова:** на английском языке, русском языке и немецком языках.

**Цитирование:** ссылки на цитируемые источники даются в квадратных скобках, где указывается фамилия автора малыми прописными, год издания и страница [ФАМИЛИЯ 2006: 66]. Если авторов двое, в скобках указываются их фамилии через тире [ФАМИЛИЯ1–ФАМИЛИЯ2 2006: 66], а если больше – указывается фамилия только первого с добавлением *и др.* [ФАМИЛИЯ и др. 2006: 66], в английском варианте *et al.* [SURNAME ET AL. 2006: 66].

В **библиографии** приводится только цитируемая в статье литература, следуя примеры:

– **Монография:**

AUSTIN, J. L. 1971: *Austin How to Do Things with Words*. London: Oxford University Press.

ТАРАНОВСКИЙ, К.Ф. [TARANOVSKIJ, K.F.] 2000: *О поэзии и поэтике*. Москва: Языки русской культуры [On poetry and poetics. Moscow: Āzyki russkoj kul'tury].

– **Сборник:**

BJØRNFLATEN, J.I. 2006: *Chronologies of the Slavicization of Northern Russia Mirrored by Slavic Loanwords in Finnic and Baltic* // Nuorluoto, J (ed.), *The Slavicization of the Russian North*. Slavica Helsingiensia Vol. 27: 50–77.

ГИК, А.В. [GIK, A.V.] 2021: *Животные и люди. Семантические преобразования в романе Захара Прилепина «Обитель»* // *Метафорическая картина мира современной художественной прозы: сборник научных статей. Под общей редакцией З.Ю. Петровой, Н.А. Фатеевой*. Москва: Аквилон [Animals and people. Semantic transformations in the novel “Abode” by Zahar Prilepin // *Metaphorical world image of modern prose: a collection of scientific articles* / Eds. Z.Ū. Petrova, N.A. Fateeva. Moscow: Akvilon] 26–41.

ЖУРАВЛЕВ, И.В. – ОЩЕПКОВА, Е.С. [ŽURAVLEV, I.V. – OŠEPKOVA, E.S.] 2020: *Мозг и язык: проблема латерализации* // *Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография*. Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. Москва: Институт языкознания РАН [Brain and language: the problem of lateralization // *Consciousness. Language. Brain*. Collective monograph. Eds. E. F. Tarasov, I. V. Žuravlev. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences] 26–45.

– **Периодическое издание:**

ЕПИФАНОВА, Е.А. [EPIFANOVA, E.A.] 2014: Структура житийных предисловий в древнерусской агиографической традиции (XII в. до рубежа XIV–XV вв.) // Вестник ЧелГУ [The structure of hagiographic prefaces in the ancient Russian hagiographic tradition (XII century. Until the turn of the XIV–XV centuries) // Vestnik ChelGU] 2014/16: 41–45.

БАСИНСКИЙ, П. [BASINSKI, P.] 1993: Возвращение. Полемические заметки о реализме и модернизме // Новый мир [Return. Polemic notes on realism and modernism // Novyj Mir] 11: 230–238.

– **Интернет сайты:**

КУЗНЕЦОВА, И.В. [KUZNECOVA, I.V.] 2019: Ориентализмы-антропонимы в южнославянских устойчивых сравнениях [Orientalisms and anthroponyms in Southern Slavic phraseological comparisons] // Studia Slavica 64.

<https://doi.org/10.1556/060.2019.64107> (Дата обращения: 12. 08. 2019).

HELLER, J.M. 2011: Otče náš, Otče náš... tak kde teda jsi?! Recenze knihy M. Szczygiela Udělej si ráj. <http://www.ilitera-tura.cz/Clanek/28533/szczygie-mariusz-udelej-si-raj> (Date of Access 12.18.2014)

## Formal requirements

**Format:** any editable text file. The author should attach any additional fonts used in the text.

**Margins:** top and bottom - 5cm, left and right - 4cm; **Font size:** 11p

**Publication size:** articles up to 50000 characters, reviews up to 20000 (with interspaces).

**Language:** Russian, English and German.

**The paper has to contain** the author's name, e-mail address, place of work, city and country of residence, ORCID identifier in Russian, English and German, keywords and an abstract also in three languages. The author should specify the topic of the paper (linguistics, literature studies, culture studies, review).

**Abstract and keywords:** in English, Russian and German.

**References** on the quoted sources are in square brackets, in which are shown the surname of the author in small caps, the year of publication and the number of the page [SURNAME 2006: 66]. If there are two authors there is a long dash between their surnames [SURNAME1–SURNAME2 2006: 66], and if there are more than two authors, only the first one is shown with et al. [SURNAME ET AL. 2006: 66], in Russian и др. [ФАМИЛИЯ И ДР. 2006: 66].

In the **Bibliography** are shown only the sources used in the text in the following way:

– **Monograph:**

AUSTIN, J. L. 1971: Austin How To Do Things With Words. London: Oxford University Press.

ТАРАНОВСКИЙ, К.Ф. [TARANOVSKI, K.F.] 2000: О поэзии и поэтике. Москва: Языки русской культуры [Taranovskij On poetry and poetics. Moscow: Âzyki russkoj kul'tury].

– **Collective Volume:**

BJØRNFLATEN, J.I. 2006: Chronologies of the Slavicization of Northern Russia Mirrored by Slavic Loanwords in Finnic and Baltic // Nuorluoto, J (ed.), The Slavicization of the Russian North. Slavica Helsingiensia Vol. 27: 50–77.

Гик, А.В. [Gik, A.V.] 2021: Животные и люди. Семантические преобразования в романе Захара Прилепина «Обитель» // Метафорическая картина мира современной художественной прозы: сборник научных статей. Под общей редакцией З.Ю. Петровой, Н.А. Фатеевой. Москва: Аквилон [Animals and people. Semantic transformations in the novel "Abode" by Zahar Prilepin // Metaphorical world image of modern prose: a collection of scientific articles / Eds. Z.Ů. Petrova, N.A. Fateeva. Moscow: Akvilon] 26–41.

ЖУРАВЛЕВ, И.В. – ОЩЕПКОВА, Е.С. [ŽURAVLEV, I.V. – OŠEPKOVA, E.S.] 2020: Мозг и язык: проблема латерализации // Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография. Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. Москва: Институт языкознания РАН [Brain and language: the problem of lateralization // Consciousness. Language. Brain. Collective monograph. Eds. E. F. Tarasov, I. V. Žuravlev. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences], 26–45.-

– **Journal:**

WAUGH, L. 1993: Against Arbitrariness: Imitation and Motivation Revived, with Consequences for Textual Meaning // *Diacritics*, 23/2: 71–87.

ЕПИФАНОВА, Е.А. [EPIFANOVA, E.A.] 2014: Структура житийных предисловий в древнерусской агиографической традиции (XII в. до рубежа XIV–XV вв.) // Вестник ЧелГУ [The structure of hagiographic prefaces in the ancient Russian hagiographic tradition (XII century. Until the turn of the XIV–XV centuries) // *Vestnik ChelGU* 2014/16: 41–45.

БАСИНСКИЙ, П. [BASINSKIĀ, P.] 1993: Возвращение. Polemicheskie zametki o realizme i modernizme // *Новый мир* [Return. Polemic notes on realism and modernism // *Novyj Mir*] 11: 230–238.

– **Internet site:**

КУЗНЕЦОВА, И.В. [KUZNECOVA, I.V.] 2019: Ориентализмы-антропонимы в южнославянских устойчивых сравнениях [Orientalisms and anthroponyms in Southern Slavic phraseological comparisons] // *Studia Slavica* 64.  
<https://doi.org/10.1556/060.2019.64107> (Дата обращения: 12. 08. 2019).

HELLER, J.M. 2011: Otče náš, Otče náš... tak kde teda jsi?! Recenze knihy M. Szczygiela Udělej si ráj. <http://www.ilitera-tura.cz/Clanek/28533/szczygie-mariusz-udelej-si-raj> (Date of Access 12.18.2014)